

В. В. Блажес

**Сатира и юмор
в дореволюционном
фольклоре
рабочих Урала**

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

ББК
ШЗ (2Р36)
Б 683

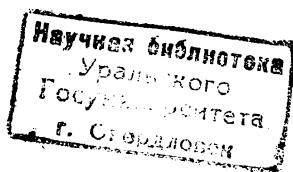
Печатается по постановлению редак-
ционно-издательского совета Изда-
тельства Уральского университета

БЛАЖЕС В. В.

Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала.
Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 204 с.

В монографии в историческом плане анализируется комический фольклор рабочих Урала: его идейная сущность, функциональный аспект, поэтика. Выявляются следы скоморошества в фольклоре рабочих людей XVIII века. Особое внимание уделено социальному значению смеха в пролетарский период освободительного движения.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А. И. Лазарев*; кафедра русской литературы Свердловского педагогического института.

1057003

4604000000—04
Б 182(02)—87

© Издательство Уральского университета, 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рабочие Урала — один из многочисленных отрядов русского рабочего класса — создали свой фольклор, истоки которого уходят в устное поэтическое творчество мастеровых и работных людей. Это редкое, если не уникальное, историческое обстоятельство позволяет расширить рамки анализа и начать его с традиций комики в фольклоре горнозаводского населения XVIII века. Широкие хронологические границы позволяют увидеть, с одной стороны, органические связи комического фольклора рабочих с общерусскими традициями, а с другой — оттенить его характерность. Попутно отметим, что собственно фольклор рабочих возникает в 60-е годы XIX века — именно в это время, по В. И. Ленину, начинается формирование рабочего класса России.

Бытование фольклора всегда связано с определенным коллективом. Коллективность фольклора — это не обязательно всенародное, общенациональное бытование тех или иных произведений, это может быть и бытование только в кругу жителей одного поселка, в кругу рабочих одного завода, даже цеха, артели. Такое понимание коллективности фольклора, в частности фольклора рабочих, заставляет обратиться именно к первичному коллективу, тем более, что «человек осознает свою принадлежность к обществу через принадлежность к социальным группам, посредством деятельности в которых он участвует в жизни всего общества. Каждая группа поэтому есть часть общества, класса, и в этом смысле она является проводником идей, установок, норм, существующих в обществе»¹. Анализ реальной жизни фольклора, т. е. его бытования в рамках первичного коллектива (шире — завода, села, поселка), показывает, что могут бытовать произведения трех видов: 1) произведения, не получившие местной интерпретации, (например, песня о Разине поется в том же виде, в каком ее пели

¹ Петровский А. В., Шпалинский В. В. Социальная психология коллектива. М., 1978. С. 52.

и поют по всей России); 2) произведения, локально преобразованные (например, международная «Марсельеза» на одном уральском заводе превратилась в «Чермозскую марсельезу», в которой отразились местный быт и заводские порядки) — эти произведения принято называть локальными; 3) произведения, созданные и бытующие только в данном коллективе, данном заводе, данном поселке. Темы этих произведений могут быть различными, средства создания, жанровые формы — общефольклорными или литературными, но, повторимся, поскольку они созданы и бытуют именно в местном коллективе, их для точности следует именовать узколокальными.

Мы не касаемся вопроса взаимодействия локальных, узколокальных и локально не преобразованных произведений, случаев широкого распространения узколокального фольклора и т. п. — это отдельная тема. Главное для нас — подчеркнуть, что импульсы развития, ростки нового возникают не столько в произведениях первого или второго вида, сколько в узколокальных. Именно они являются собственно новыми, современными. Можно сказать, что узколокальный фольклор всегда современен и даже злободневен. Это наиболее подвижный и вечно живой вид устного творчества. Подвижный — потому, что здесь происходит постоянная предметно-тематическая смена: быстротекущая жизнь «подбрасывает» новые темы, новые имена, новые события — новое появляется ежедневно, ежемесячно, ежегодно, хотя и что-то исчезает с той же быстротой. Этот вид фольклора вечно живой — потому, что здесь народное творчество зарождается и живет, постоянно обновляясь. И когда мы говорим, что фольклор никогда не может исчезнуть, то имеем в виду узколокальный фольклор, этот «первичный» слой, где зарождается народное поэтическое творчество.

Все сказанное о локальном и узколокальном фольклоре непосредственно относится к рабочей сатире и юмору, которые всегда связаны с конкретикой и современностью.

В среде рабочего класса комедийный смех имеет особое значение, о чем скажем ниже, а сейчас подчеркнем, что, различая репертуар и фольклор рабочих, следует выделять в собственно рабочем комедийном фольклоре локальный и узколокальный фольклор, созданный в трудовых коллективах.

Труд дореволюционного уральского рабочего был тяжелым, порой почти каторжным, рабочий пел про себя «Истерзанный, измученный наш брат мастеровой», и вместе с тем, этот же рабочий оставался жизнелюбом, оптимистом. Никакой изнуряющий труд не мог заглушить в рабочей среде анекдот, остроумную пародию, сатирическую сказку, и на производстве всегда находилось место

веселому розыгрышу, язвительной шутке: смех звучал на проходной рудника, в сборных заводских избах, на пересменках, в перерывах между работой. Социальный оптимизм, выраженный в комических жанрах, был неотъемлемой частью трудового бытия рабочих. То же самое можно сказать относительно разных видов досуга в семье и вне ее.

Существует много определений комического. Нам представляется вполне приемлемым определение, которое дает А. Карягин: «...Комическое — эстетическая категория, отражающая несоответствие между несовершенным, отжившим, неполноценным содержанием явления или предмета и его формой, претендующей на полноценность и значимость, между важным действием и его несовершенным результатом, высокой целью и негодным средством. Обнаружение и раскрытие этого несоответствия порождает чувство комического. Комическое — всегда смешно — и в этом состоит особенность его восприятия. Вместе с тем, в отличие от смешного, комическое имеет широкий социальный и общественный смысл, связано с утверждением положительного эстетического идеала»². В таком подходе к определению комического выдержано реально существующее: с одной стороны, комическое является категорией, характерной для действительности, с другой — для искусства, которое в то же время есть лишь часть действительности. Кроме того, ясным оказывается и источник возникновения чувства комического, и его отличие от смешного. Хотя последнее обстоятельство требует пояснений. Смех, во-первых, может быть вызван причинами физического порядка или воздействием химических веществ — тогда реакция смеха носит безусловно-рефлекторный характер; во-вторых, смех может быть проявлением эмоции радости, удовольствия, восторга и т. п., например, когда человек улыбается, увидев хорошего знакомого, или беззаботно смеются несколько девушек, собравшись вместе, или нервно смеется человек после минувшей опасности. Такие эмоции, пишет Ф. С. Лимантов, могут переплетаться с эстетическими чувствами, но сами по себе эстетическими, конечно, не являются, а физиологической основой такого смеха будет не только безусловно-рефлекторная деятельность подкоркового слоя мозга, но и условно-рефлекторная деятельность коры больших полушарий головного мозга³. Как говорят многие эстетики, комическое всегда носит социальный характер и всегда смешно, но не всегда смешное

² Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 573.

³ См.: Лимантов Ф. С. Об эстетической категории комического // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1959. Т. 162, ч. 2. С. 31—32.

комично. В дальнейшем мы будем употреблять понятие «смех, смешное» в значении — комическое.

В. Я. Пропп критиковал Шопенгауэра, Гегеля, Фишера, Кирхманна, Фолькельта, которые выделяли комизм высшего порядка и низменный (грубый, внешний, низкий) комизм, сюда относили все виды фарсов, клоунад, балаганных представлений. Если «тонкий» комизм существует у образованных, аристократических кругов, то «грубый» — удел простого люда. «Презрение к шутам, балаганам, клоунам, паяцам, ко всем видам безудержного веселья есть презрение к народным истокам и формам смеха», — писал В. Я. Пропп и добавлял, что Гоголь, Пушкин, Чернышевский не делали этого противопоставления, ибо в жизни и в подлинных произведениях искусства такого разграничения сделать невозможно⁴. Некоторые современные исследователи также пишут о двух видах комического — «элементарном», «простом» и «сложном», «социально-комическом», открыто или с оговорками отказывая первому в выраженной социальной оценке. Думается, такая оценка, хотя и опосредованно, есть всегда в комическом, поэтому вряд ли правомерно говорить о двух его видах. Кстати сказать, носители фольклора подобного подразделения никогда не подразумевают.

Сатира и юмор являются равноправными формами комедийной критики, хотя критический пафос по-разному реализуется в сатирических и юмористических произведениях. Фольклор рабочих дает основание говорить о сатире как комедийной критике, отвергающей осмеиваемый предмет с позиции идеала, при этом объектом сатиры может быть любой факт, явление, лицо, которые с народной точки зрения имеют общественно-негативную значимость; юмор — также комедийная критика с позиции определенного идеала, но критика не столько отрицающая, сколько утверждающая осмеиваемый предмет и стремящаяся его совершенствовать. Если смех сатиры острый, гневный, бичующий, то смех юмора мягкий, дружелюбный — здесь решающую роль играют чувство меры и точная определенность социально-политической, гражданской позиции, которые в равной степени необходимы сатирику и юмористу.

Надо заметить, что и в рабочем, и в крестьянском фольклоре точность социальной, классовой, национальной позиции выражена настолько предельно, что у современного читателя может вызвать иногда недоумение. Например, в эпосе обычно сатирически изобра-

⁴ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 11—12.

жаются враги Русской земли, которые, с народной точки зрения, всегда «нехристи», «поганые», — позиция очень четкая. Но ее логическое продолжение приводит к «современной алогичности», когда Калинин-царь говорит про себя: «Я — собака Калинин-царя», а обращаясь к своим воинам, он восклицает: «Ай-да вы татары, ай-да вы мои поганые». В. Я. Пропп по этому поводу очень правильно сказал, что народ или любит, или ненавидит, средних чувств в его поэзии не бывает.

✓ Если в литературе «возможна сатира без смеха, но невозможна без остроумия»⁵, то в рабочем фольклоре нет несмешной сатиры. Смех может иметь различные оттенки, но он непременно пронизывает все сатирические произведения с локальной, региональной или общерусской тематикой.

В эстетической литературе достаточно полно освещен вопрос об исторической, социально-классовой, национальной обусловленности сатиры и юмора. Тем не менее следует остановиться на своеобразии национального характера комического и привлечь народное мнение.

Народные пословицы, поговорки, притчи иногда несут на себе следы былых церковных запретов на смех, увеселения: «смехи да хихи ведут во грехи»; «где смех, там и грех»; «в чем живет смех, в том и грех»; «сколько смеху, столько греху»; «и смех наводит на грех»⁶. Но русский народ всегда очень высоко ценил уместный смех в разных формах его проявления, как и самих носителей комического: балагуров, весельчаков, рассказчиков юмористических и сатирических историй, небылиц...

✓ Народная фольклористика считает склонность к смеху национальной чертой русского человека. Если судить в целом по фольклорным произведениям и употреблять народную терминологию, то в первую очередь следует отметить одно очень глубокое свойство натуры русского человека, одну сущностную черту, без которой немыслим русский национальный характер, — это веселость или шутливость. Она всегда связана со смехом, хотя и вариативна в своих проявлениях как в жизненно-практической, так и в социально-художественной деятельности русского человека.

Веселость, или шутливость, может быть разных оттенков в пределах трех типов. Во-первых, выступать как природное свойство, состояние натуры — это жизнерадостность, природный опти-

⁵ Боров Ю. Комическое. М., 1970. С. 86.

⁶ См. об этом: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 197.

мизм, чуткое чувство юмора русского человека. Во-вторых, это талант и постоянная, органическая склонность к комическому выражению своего отношения к жизни. «Веселого нрава не купишь», — говорит народ про такого человека и подчеркивает его общественную ценность: «Кто народ веселит, за того весь свет стоит»⁷. И в-третьих, веселость, или шутливость, может быть результатом горестной жизни, предельной бедности и неустроенности — испытав это, русский человек зачастую обретает беззаботность, доходящую до бесшабашности. Такая веселость отражается пословицами типа «и то смешно, что в животе тощо», «и смех и горе». Смех бедного, неимущего, иногда просто голодного человека сопряжен с печалью, с горькой усмешкой, это народный «смех сквозь слезы».

Народ считает, что шутливость, оптимистический настрой необходимы, чтобы легче перенести тяготы, жизненные трудности: «кто в радости живет, того кручина неймет»; «в веселый час и смерть не страшна».

Шутка может развеселить, распотешить, но может ранить, больно задеть, унижить, оскорбить: «всякая шутка надвое растворена: коту потешно, ин мышке за беду»; «тебе смешно, а мне до сердца дошло», поэтому требуется осмотрительность при выборе предмета насмешки: «тем не шути, в чем нет пути». Народ советует не обижаться на шутку: «За шутку не сердись и в обиду не вдавайся», но особо ценит умение шутника направить смех на самого себя: «нет лучше шутки, как над собой»; «шутку любишь над Фомой, так люби и над собой». Кроме того, есть люди, лишённые чувства юмора, поэтому их лучше не затрагивать: «кто не разумеет шуток, над тем не шути».

По этим и другим народным произведениям, о которых речь впереди, видно, насколько значительна роль комического в жизни и искусстве человека труда. И показательно, что русский народ непременно связывал смех, шутливость с трудовой деятельностью: «работа веселье любит»; «у веселого и работа спорится»; «шутки ходят в шубках, шутка-то — ряд делу», хотя те же пословицы предостерегают: «смехом сыт не будешь»; «смешки смешками, а дело делом», т. е. здесь нужна мера: «мешай дело с бездельем, проводи время с весельем». Связь веселости, или шутливости, с трудом тем более показательна, что трудолюбие является одной из важнейших норм русской народной морали.

⁷ Здесь и далее цитируются пословицы из раздела «Смех — шутка — веселье» сборника В. И. Даля. См.: Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1984. Т. 2. С. 299—302.

Один из дореволюционных авторов писал, что у русских людей «пересмешка» меткая и мягкая, что ее можно услышать везде: смеется «губерния над губернией, бурлаки с мимо идущими судами, солдаты друг над другом, артели одна над другой, — зубоскалит вся Русь безобидно, без сердца, для того, чтобы душу отвести и полегче жить на белом свете... наш народ глубоко сознает, что без смеху пришлось бы плохо на белом свете»⁸. Все сказанное в полной мере относится, конечно, и к рабочим Урала.

Таким образом, возникает ряд вопросов: какое место занимал сатирический и юмористический фольклор в духовно-производственной деятельности уральских рабочих, какие жанры бытовали, как они функционировали, из какой поэтической традиции вырастали и многие другие подобные вопросы, которые в целом образуют проблему сатиры и юмора в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Эта проблема более или менее исследована лишь в немногих аспектах по сказкам, частично по афористике, частушкам и революционной сатире. Фактически в стороне остались все другие жанры рабочего фольклора, а также хронологический аспект всей темы в целом, не изучены типы заводских юмористов, их репертуар, роль смеха как оружия в классовой борьбе пролетариата и т. п. Поэтому в книге делается попытка рассмотреть историю развития, художественную специфику и функциональную значимость сатиры и юмора уральских рабочих. Особое внимание будет обращено на то, что сатира и юмор рабочих, обладая эстетической ценностью, одновременно представляли собой, как говорил А. В. Луначарский, «очень серьезное орудие самодисциплины класса» и «давления на другие классы»⁹.

Многие исследователи, занимавшиеся историей горнозаводского Урала, с полным основанием пишут о характерности уральского рабочего. Мы сочли необходимым предварить фольклорный анализ кратким очерком духовного облика носителя фольклора — уральского рабочего.

Монография вводит в научный оборот новые материалы, собранные автором в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в архиве Института этнографии АН СССР, а также в государственных архивах Свердловской, Пермской, Челябинской областей; использованы также записи фольклора, сделанные участниками фольклорных экспедиций Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

⁸ Белов И. Д. Народный ум в пословицах и поговорках // Исторический вестник. 1885. № 2. С. 379—380.

⁹ Луначарский А. В. О смехе // Лит. критик. 1935. № 4. С. 5—6.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО

Вводный очерк

Поскольку искусство устного слова самым непосредственным образом связано с жизнью человека, возникает необходимость хотя бы в основных чертах обрисовать духовный облик уральского рабочего.

В. Белов, Р. Попов, К. Пажитнов и другие дореволюционные авторы, писавшие об уральском рабочем, обстоятельно характеризовали оплату труда рабочих разных категорий, их взаимоотношения с работодателями, формы социального протеста, использование рабочими мизерных земельных наделов и т. п.; непременным методическим приемом у них было сравнение уральского рабочего с западноевропейским или с рабочим центральной, южной России. Советские историки также внесли свой вклад в разработку темы, но, как пишет Т. К. Гуськова, автор специальной работы, во всех исследованиях характеристика особенностей облика уральских рабочих «дается чрезвычайно поверхностно». Она считает, что нужно шире привлечь литературный, фольклорный, этнографический материал, и в целом «освещение такой многообразной и сложной проблемы, как проблема облика уральского рабочего, требует координации усилий целого коллектива исследователей разного профиля»¹.

Как и другие историки, Т. К. Гуськова видит своеобразие уральских рабочих уже в том, что кадры на промышленных предприятиях Урала формировались не из крестьян, как это было в других районах России, а из местного горнозаводского населения, которое до 1861 года являлось особо замкнутым сословием, прикрепленным к заводам. В условиях крепостного права в этом сословии в течение XVIII — первой половины XIX века сформировалась устойчивая общность бытового и хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры, во многом отличных от быта

¹ Гуськова Т. К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 292, 293. См. также диссертацию А. И. Лазарева, не учтенную Т. К. Гуськовой: Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала: К вопросу об эстетической природе рабочего фольклора: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 38—87. В специальном параграфе «Тип уральского рабочего человека» А. И. Лазарев приводит богатый фольклорно-этнографический материал.

и культуры крестьянства. Горнозаводские рабочие имели более высокий уровень материальных и духовных потребностей, чем крестьяне; концентрация на предприятиях сплачивала их и дисциплинировала; «работа со сравнительно сложными механизмами, борьба с суровой природой способствовали развитию личности и формированию мировоззрения, которое глубже и вернее, чем у крестьян, отражало окружающую действительность»; у рабочих людей и мастеровых зарождалась новая мораль, основывающаяся не только на стихийной ненависти к крепостному строю, но и на крепнувшем чувстве общности производственных интересов; наконец, в их сознании прочно утвердилось представление «о неразрывной связи их жизни с заводским трудом — главным источником существования»².

Другие авторы подчеркивают, что до государственных и крупных частных заводов на Урале существовали так называемые «мужицкие» заводы, на которых впервые началось сыродутное производство железа. Они возникали благодаря народной инициативе; благодаря народной предприимчивости были открыты и все крупные месторождения железа, цветных металлов, асбеста. Золотое богатство Российского государства в XVIII веке было также обеспечено инициативой и талантом уральских рабочих. Л. И. Брусницын, который начинал свой трудовой путь простым промывальщиком, в дальнейшем создал оригинальную технологию добычи россыпного золота, после чего в России стали добывать золота по тысяче и более пудов в год. «...Крепостные рабочие, благодаря своей наблюдательности, напористости и сметке, при явном и тайном противодействии со стороны приглашенных специалистов, нашли-таки ключ, который позволил открыть двери для русской золотопромышленности»³. Процесс формирования пролетариата на Урале с начала XVIII века «складывался из индивидуальных судеб уральских крестьян и многочисленных пришлых — пишет А. С. Черкасова, — переселение на Урал от каждого требовало немало энергии, находчивости, физических и душевных сил... Тем, что в условиях феодально-крепостнической системы оказались возможными перемещения огромных по тому времени людских масс в столь отдаленный край, наша история обязана прежде всего инициативе, природной смекалке и мужеству представителей народа»⁴.

² Гуськова Т. К. Облик рабочих Урала. С. 293.

³ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 62—63.

⁴ Черкасова А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века. Пермь, 1980. С. 10.

К столь высоким духовным свойствам заводских рабочих XVIII века следует добавить развившуюся в их среде способность к техническому творчеству, или, как тогда говорили, сметливость к мастерствам. Дети крепостных рабочих и солдат были основным контингентом горнозаводских школ, открытых на Урале еще в первой половине XVIII века и ставших рассадником технического образования в России. В екатеринбургской, тагильской и других школах занятия шли в первой половине дня, а во второй учащиеся были заняты непосредственно на производстве. Такая попытка увязать изучение теории с практикой, как пишет академик А. М. Панкратова, явилась для того времени новшеством не только для России, но и для Западной Европы⁵. Из горнозаводских школ, вообще из среды крепостных рабочих вышли не только многие сотни технических работников, организаторов производства, обеспечивавших работу предприятий, но и изобретатели, творцы новой техники, или, употребляя термин того времени, вымышленники: первый русский теплотехник И. И. Ползунов (1726—1776); выдающийся гидротехник К. Фролов (1728—1800); Ефим и Мирон Черепановы — создатели нескольких заводских механизмов и первого паровоза; литейный мастер Ф. Ф. Звездин — под его руководством были отлиты из ваграночного чугуна первые рельсы и чугунные колеса; С. И. Бадаев (1778—1847) — изобретатель нового способа получения литой стали, Е. П. Бобылев (умер в 1809 г.) — плотинный мастер, создатель прокатной и других машин; И. Е. Софонов — изобретатель водяной турбины, хвостовых молотов и воздуходувной машины; К. Л. Архипов, изготавливавший металлические изделия с помощью клепки и выковки в холодном состоянии; Гладков — создатель оригинальной конструкции жатвенной машины; С. С. Ваганов (род. в 1737 г.) — мастер-камнерез, организатор переоборудования «шлифовальных мельниц», давших жизнь знаменитым вазам из уральских самоцветов. Справочник А. Г. Козлова, из которого взяты эти сведения, содержит около 800 биографических справок творцов науки и техники, из них примерно треть — бывшие крепостные рабочие⁶. Не всегда известны их имена, отчества, точные даты жизни, а чаще всего в официальные документы вообще не попадали фамилии литейщиков, прокатчиков, плотинных мастеров, камнерезов, вносивших свой вклад в совершенствование технического оборудования

⁵ См.: Панкратова А. М. Предисловие // Нечаев Н. В. Горнозаводская школа на Урале. М., 1956. С. 7.

⁶ См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVIII — начала XX в.: Биогр. справочник. Свердловск, 1981.

и не раз помогавших родине в тяжелое время. Например, только благодаря энтузиазму и творческой активности рядовых формовщиков, литейщиков, шлифовщиков был выполнен правительственный заказ и армия Кутузова была вовремя обеспечена оружием в Отечественной войне 1812 года⁷. И в той Отечественной войне рабочий Урал ковал победу.

Повторим, что до нас дошла лишь часть имен из многотысячной армии талантливых крепостных мастеров. И далеко не все изобретения рабочих получали практическое применение: хозяева не могли или не хотели оценить технические проекты своих мастеров, им выгоднее было использовать дешевую рабочую силу, чем вкладывать средства в совершенствование производства. Кстати сказать, это впоследствии привело к технической отсталости уральской промышленности.

Обратим внимание не только на изобретателей и творцов техники, вышедших из крепостных рабочих, но и на самих рабочих, их отношение к труду как таковому. Как известно, положение крепостных рабочих в XVIII веке было чрезвычайно тяжелым: рабочего штрафовали, били палками, кнутом, сажали на цепь, заставляли работать скованным. «Навязав, яко татю, на шею колодки и водя по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам, плотинам и по фабрикам, ремennым кнутом немилосердно злодейски мучили» — подобными фактами насыщены подлинные жалобы пострадавших⁸. В таких условиях рабочий оставался все-таки человеком, а не рабочей скотиной, хотя каторжные обстоятельства какую-то часть тружеников нравственно калечили и заставляли опускаться до положения барских лакеев. Были ежегодно сотни беглых, но показательно, что они не отрывались от труда, не становились бродягами или грабителями. «Подавляющее большинство беглецов вели в побеге трудовую жизнь, нанимаясь для работы в крестьянские хозяйства или на частновладельческие предприятия»⁹. Иными словами, крепостные рабочие бежали не от труда, а от худших условий труда.

⁷ См.: Данилевский В. В. О творчестве уральских техников-новаторов во время Отечественной войны 1812 года // Изв. АН СССР. Отд.-ние техн. наук. 1946. № 11. С. 1673—1686.

⁸ Цит. по: Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 194—197.

⁹ Пензин Э. А. Документы местных органов горнозаводского управления как источник о побегах мастеровых, работных людей и крепостных крестьян в XVIII в. // Источниковедение истории классовой борьбы рабочих Урала. Свердловск, 1981. С. 137.

Даже в каторжном труде крепостные рабочие видели не только источник заработка, но и сферу приложения своих способностей. Нужно подчеркнуть, что отдельный работник, мастер выдвигался на первый план самим производством, которое было лишено дробной дифференциации процесса изготовления продукта и, как следствие, подобающей специализации. Даже в конце XIX века на уральских заводах, рудниках, вспомогательном производстве было всего несколько десятков профессий, считая такие как будильщик, древокол, относчик, рассыльный, светильник и т. п.¹⁰ Такое производство требовало активного участия работника в создании вещи: «...работник участвует в процессе не только физическим усилием, но и обуславливает качество продукта, поскольку решающее значение в производстве получают индивидуальные качества работника — его навык, природная ловкость, внимание и другие свойства, которые играют роль и у работников других пехов, например у кузнецов, молотобойцев при ковке — верность глаза, твердость руки и пр.»¹¹

Следовательно, в процессе труда появляются разного рода придумки по оснастке, полезные навыки, знание особенностей материала, наиболее выгодные приемы его обработки и т. п. «Старый и опытный мастер чувствовал свойства каждой крицы не меньше, чем ревматизм в своих ногах. Молот стукнет первый раз по крице, мастер уже знает: «Ненастье скоро кончится: крица крепкая». Или скажет, глядя на брызги сока: «Совсем прелая крица. Видно, оттепель на дворе будет. Больше восьми пудов не вытянуть сегодня». У него все связано: и погода, и звон чугуна, и влажность угля, и напор воды на колесе, и заработок. И он знает, как и чем дело поправить»¹².

Производственный опыт не только облегчал работу, но и приносил удовлетворение, рождал чувство душевной комфортности, самоуважения, толкал к дальнейшему совершенствованию. Отсюда один шаг до творчества «вымысленника», поэтому не случайно так много творцов техники вышло из крепостных рабочих. Кроме того, рабочий осознал, что трудовой опыт — единственное богатство, принадлежащее ему и только ему. И лишь эту единственную ценность рабочий может оставить своим детям. Отсюда особое

¹⁰ См. об этом: Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. М.; Л., 1960. С. 641—642.

¹¹ Каменский В. А. Работа заводских мастеров на металлическом заводе в 20-х годах XIX в. // Зап. историко-бытового отд. Государственного Русского музея. Л., 1928. Вып. I. С. 305.

¹² Федорова Б. Крепостной Тагил: Эпизоды из истории горного дела на Урале XVIII—XIX вв. Свердловск, 1940. С. 28.

значение всякой информации, связанной с производственным процессом, и особая роль семьи, семейных традиций в производственном процессе. Рабочий стремился приумножить, сохранить в тайне секреты трудового мастерства, даже унести с собой в могилу, но не передать чужому человеку. Опыт передавался только сыновьям или, если их не было, родственникам — здесь лежат истоки традиции трудового семейного воспитания. Кстати отметить, что число горнозаводских школ, о которых речь шла выше, во второй половине XVIII века сокращалось по мере того, как государственные заводы передавались в частное владение. Заводчики не хотели тратить на содержание школ и процесс обучения переносился непосредственно на производство — в этот период и возникают рабочие династии.

Семья играла основную роль в формировании нравственного облика крепостного рабочего, она была школой морального и трудового воспитания, в ней в первую очередь сохранялись и приумножались народные знания, культурно-исторические ценности и трудовые традиции¹³.

На Урале почти не было дворян и разночинцев. Вместо последних в школах, различных учреждениях трудились выходцы из среды крепостных рабочих, поэтому их часто называют крепостной интеллигенцией. Контакты между крепостными интеллигентами и крепостными рабочими существовали в различных сферах общественного быта, в том числе и в социальной борьбе первой половины XIX века. «Крепостные интеллигенты и боровшиеся вместе с ними передовые и наиболее образованные мастеровые были еще далеки от понимания общих целей борьбы, но они самоотверженно искали путей освобождения от крепостного гнета и сыграли известную роль в формировании сознания мастеровых и крестьян»¹⁴.

Отмеченные сущностные черты горнозаводского сословия, прикрепленного к заводам, стали основой духовного облика рабочего класса Урала, бурное развитие которого началось сразу после отмены крепостного права.

В. И. Ленин связывал начало формирования рабочего класса в России с падением крепостного права в 1861 году и с переходом к машинной индустрии, или фабрике — высшей стадии развития капитализма в промышленности. Капиталистические элементы в промышленности Урала существовали до 1861 года, например, практиковался на некоторых заводах частичный наемный труд.

¹³ См. подробнее: *Блажес В. В.* Предания о рабочих династиях // *Фольклор Урала. Рабочий фольклор.* Свердловск, 1978. С. 37—52.

¹⁴ *История Урала.* Пермь, 1963. Т. 1. С. 202.

Картина резко меняется после отмены крепостного права, хотя даже в 90-е годы сохранялись многие дореформенные черты в производстве. В. И. Ленин писал: «...Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков...отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»¹⁵.

После реформы происходит расслоение горнозаводского населения, появление «промежуточных прослоек» — людей, лишенных постоянного заводского заработка, численность которых постоянно возрастала. Это была, как пишет Т. К. Гуськова, не только резервная армия труда для крупной промышленности, но и среда для вызревания мелкобуржуазной стихии, влияющей на рабочих. Кроме того, появляются приезжие рабочие, к началу XX века они составляли уже 24,7% от числа всех рабочих Урала. Но типичной фигурой оставался, конечно, потомственный рабочий из местного горнозаводского населения. К концу XIX века сложился тип рабочей семьи, близкий к семье пролетария других промышленных районов России, но и здесь были отличия: а) семьи уральских рабочих были большими, было много неразделенных семей; б) вся семья обрабатывала земельный участок, ухаживала за скотиной; в) женщина была больше связана с домашним хозяйством, особенно важную роль играла женщина в семье рабочего-раскольника, где она выступала хранительницей нравственных и религиозно-суеверных традиций¹⁶.

Классовое самосознание уральского рабочего, его социальная активность формировались в ходе борьбы рабочих с капиталистической эксплуатацией и остатками крепостничества. Обычно выделяют два основных этапа рабочего движения¹⁷. Первый — с 1861 года до последних лет XIX века — начался с волнений и стачек

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 488.

¹⁶ См.: Гуськова Т. К. Облик рабочих Урала. С. 295—298.

¹⁷ У историков нет пока единой точки зрения на характер развития этой борьбы. См., напр.: Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954; Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Он же. Об аграрных требованиях рабочих Урала в 70—80-х гг. XIX века // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 18—33; Очерки истории большевистских организаций Южного Урала / Под ред. Н. К. Лисовского. Челябинск, 1972; Калугина Г.: В. Рабочее движение на горнозаводском Урале в 1895—1904 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976. С. 27—43.

1861—1864 годов, вызванных реформой. Но после 1864 года — упадок до начала 70-х годов, когда вновь возрастает удельный вес стачек среди различных выступлений, хотя, как пишет В. Е. Четин, в стачках «участвуют преимущественно высококвалифицированные рабочие (подмастерья, работники кричных, пудлинговых, катальных цехов) и небольшими коллективами»; в середине 70-х годов — очередной спад, а выступления уральских рабочих 1879—1882 годов мало чем отличаются от борьбы 70-х годов. «Народническое движение интеллигенции на Урале, как и во всей России, не было связано с рабочим движением. Рабочий класс Урала в своей стихийной борьбе шел особым путем»¹⁸. В 1886—1887 годах стачки возобновляются, в 90-х годах наблюдается новый подъем рабочего движения, причем стачки чаще проходят под руководством подпольных рабочих центров, что создает почву для возникновения и роста во второй половине 90-х годов уральских социал-демократических кружков и групп. «Таким образом, — делает вывод В. Е. Четин, — стихийное движение уральских рабочих, как и в центральных промышленных районах, развивалось волнообразно от одного подъема к другому, обогащаясь проблесками сознательности, организованности и опытом классовой борьбы, оно выдвинуло передовых рабочих-вожаров, подготовило благоприятную почву для возникновения и развития социал-демократического движения. Все это явилось объективной предпосылкой для начала соединения стихийного рабочего движения с научным социализмом, для превращения рабочего движения в открытую классовую политическую борьбу пролетариата против капиталистов и царизма»¹⁹.

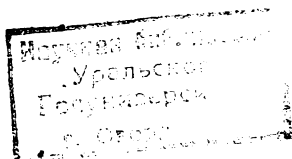
Второй этап — начало соединения рабочего движения с социализмом можно отнести на Урале лишь к 1899—1900 годам, когда стачки возникают и проходят под целенаправленным руководством социал-демократов²⁰. Общение с профессиональными революционерами многое меняло в рядовых рабочих, кроме того, появились первые уральские революционеры.

Т. К. Гуськова пишет, что в начале XX века массовое рабочее движение на Урале развивалось медленнее, чем в центральных и западных районах России и, кроме того, здесь особенно отчетливо проявилось соединение пролетарских форм борьбы и «неза-

¹⁸ Четин В. Е. Основные этапы развития рабочего движения на Урале. 1861—1904 годы // Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. Исторические науки. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 26—27.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ См.: Там же. С. 28—29.

бастовочных» выступлений (подача жалоб, прошений в разные инстанции, террористические акты, требования аграрного характера). Но для революции 1905—1907 годов характерны авангардная роль промышленных рабочих, крепнущая классовая солидарность, организованность, изживание монархических иллюзий, религиозных и сословных предрассудков и, кроме того, уральские рабочие «впервые почувствовали себя частью единого класса — пролетариата России», хотя было и запаздывание революционных выступлений, разрозненность действий рабочих при организации вооруженного восстания. В послереволюционное десятилетие происходит акционирование почти всех горных округов, усиливается концентрация горнозаводской промышленности при сохранении многих феодально-крепостнических пережитков. В составе горнозаводского пролетариата вычленяется несколько производственных групп: основные горнозаводские рабочие, вспомогательные и приисковые. У рабочих крупных предприятий наблюдается заметное повышение их культурного и технического уровня, ослабление связи с землей и хозяйством, возросшая подвижность, постепенное преодоление сословной ограниченности. А для передовых рабочих характерным является решительный разрыв с патриархальными традициями; в досуге таких рабочих — чтение книг и революционных газет, участие в деятельности кооперативных и культурно-просветительных организаций. «Наиболее передовые и сознательные рабочие, как правило, были членами появившихся после 1905 года легальных и нелегальных профсоюзов, а также местных революционных (преимущественно социал-демократических) организаций или во всяком случае поддерживали с ними связь. Все это не только расширяло культурный и политический кругозор рабочих, но и способствовало воспитанию коллективизма, организованности, классовой солидарности»²¹.

Отдавая должное содержательной работе Т. К. Гуськовой, отметим, все-таки, ряд неверных положений. Так, она пишет: «Рабочие проводили свой досуг в привычных «развлечениях», среди которых едва ли не главную роль играли драки и пьянство»²². Такие утверждения, не опирающиеся на конкретные данные, напоминают публикации дореволюционных уральских газет. На их страницах либерально-буржуазные журналисты, земские деятели усердно писали о моральной ущербности рабочих, причем иногда в основу характеристики бралась степень «разврата и спекулятивности». Газета «Уральский край» иронически

²¹ Гуськова Т. К. Облик рабочих Урала. С. 307, 310—311.

²² Там же. С. 302.

обобщала: «Как известно, между рабочими есть разница, например рабочие приисковые, рудничные, заводские. Нравы их различаются так: приисковый рабочий развращеннее и спекулятивнее рудничного, рудничный — заводского...»²³. Газета «Екатеринбургская неделя» одной черной краской описывала нравы всей молодежи Нижнего Тагила: «Молодежь эта распущена донельзя: водку пить, публично браниться — не составляет ни для кого исключения». Н. С. Полищук, процитировав эти слова и другую заметку «Безобразия тагильских ребят» из той же газеты, делает вывод: «Такая картина была типичной для многих заводских поселков Урала»²⁴. Вряд ли справедливо подобное обобщение. Местные газеты не писали о пьянстве среди чиновников, духовенства, среди интеллигенции, но достаточно было произойти пьяной драке в каком-нибудь рабочем поселке, как через несколько дней об этом оповещался весь Урал. Такие публикации создавали определенное общественное мнение, кроме того, попадали в статистику, в социально-бытовые очерки литераторов, этнографов. Разумеется, драки и пьянство среди рабочих были, как и среди крестьян, мещан и других групп населения, и необходимо анализировать конкретные данные по пьянству среди разных категорий рабочих (с учетом возрастных групп и т. д.), но только не говорить обобщенно, что в досуге уральских рабочих «едва ли не главную роль играли драки и пьянство».

Отметим еще один, неверный на наш взгляд, тезис Т. К. Гуськовой. Она пишет, что к началу XX века, «несмотря на известные сдвиги, общий культурный и технический уровень уральских рабочих, как в целом, так и в отдельных производственных группах, как правило, ниже средних показателей по стране»²⁵. При этом она приводит показатели грамотности! Они, конечно, мало проясняют картину и совсем не являются репрезентативными для определения культурного и технического уровня типичной фигуры горнозаводской промышленности — потомственного рабочего из местного горнозаводского населения.

Потомственные заводчане — это самые квалифицированные рабочие, подлинные мастера, на которых держалось все производство. «Это была замкнутая группа, в которой профессия передавалась по наследству. Проникнуть в эту среду было до половины 90-х

²³ Узянский В. Нижне-Сергинский завод // Уральский край. 1907. 5 июля.

²⁴ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX века. М., 1971. С. 166.

²⁵ Гуськова Т. К. Облик рабочих Урала. С. 301.

годов почти невозможно. Так, у нас на заводе литейщики были двух фамилий — Пищальниковы и Дылгины, слесари — Гоголевы, Горбуновы, кузнецы — Чебыкины, Денисовы и Зеровы, колясники — Макушины, столяры — Кашины, Кодаковы, каменщики — Обатуровы, Лызовы. Они называли себя не просто рабочими, а мастеровщиной»²⁶. Именно эта часть рабочих сохраняла секреты мастерства и высокие профессиональные навыки. Здесь воспитывались первоклассные доменные мастера, литейщики, прокатчики, гранильщики, камнерезы, слесари, токари, механики, которые создавали продукцию, выдерживавшую конкуренцию на мировом рынке и приносящую известность промышленному Уралу и России. Каслинское чугунное литье, кровельное железо, чугун с маркой «старый соболев», малахитовые изделия, златоустовская сталь и другая продукция — все это дело рук мастеровщины. В ее среде культивировалось стремление к профессиональному совершенствованию, к изобретательству. Положительная мотивация деятельности мастеров была постоянной и не удивительно, что из их среды выходили знатоки производства, для которых сам труд был не только необходимостью, но и радостью: «Трудновато нам работалось, горестно жилось. А металл плавил хороший. Только на печи и радости было. Как посмотришь на огненную реку, что изложни заливает, так на душе светло становится. Добрый чугун плавил... Без хвастовства, прямо скажу, лучше нашего тагильского чугуна во всей демидовской округе не было. Медали на Парижской выставке получали. Для пушек и снарядов металл лили. Добрый, древесноугольный, как стеклышко, блеснит» — это говорил коренной рабочий, пришедший на домну в 1887 году и проработавший на ней почти полвека²⁷.

Выжиг угля был сложным химическим процессом, во многом не понятным неграмотным или малограмотным рабочим, поэтому они считали, что в дело вмешиваются фантастические существа: прошел выжиг удачно, значит, «живинка» помогла, а не получился — «пустодымка» или «огневка» вмешались. В сказе «Живинка в деле» П. П. Бажов изобразил углежжение — самую грязную, низкооплачиваемую работу и показал, что даже здесь рабочий может достичь высот мастерства, и тогда труд становится сродни поэзии. Сказ выражает понимание уральскими рабочими настоящего профессионализма. Причем писатель использовал сугубо местный материал, не получивший даже текстуального выражения

²⁶ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 46—47.

²⁷ Дружинин С. Сорок пять лет на домне // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 102.

в сказе. В «Пермских губернских ведомостях» вскоре после отмены крепостного права за подписью «Северский житель» была опубликована статья, имеющая, на наш взгляд, непосредственное отношение к сказу: «На нашем заводе издавна заведен странный, не знаю, на чем основанный порядок частовременно переменять работы для мастеровых. Например, человек работает сегодня что-нибудь топором, завтра его посылают в железоплавильную фабрику, через месяц или через два в доменную, потом на добычу или на промывку медной руды и т. п. Таким образом, мастеровой в течение всей жизни переделает все и ничему не научится, и выйдет из него, что называется, ни рак, ни рыба»²⁸.

При большом избытке рабочей силы такое распределение людей на работу было выгодно хозяевам, ибо если рабочий «ни рак, ни рыба», то его легче эксплуатировать, можно держать на невысокой оплате, отправлять на «гулевые» дни и т. п. Тем ценнее выглядит стремление самих рабочих изучить «до дна» одну профессию, достичь в ней мастерства — именно такие мысли внушают старики Тимохе Малоручке, герою сказа «Живинка в деле». Когда Тимоха решил побывать сначала лесовалом, потом старателем, фабричным рабочим, углежогом, охотником, камнерезом, модельщиком, а к «пожилым годам... шорником на пожарной пристроиться», когда он стал хвастать: «На всяко дерево влезу и за вершинку подержусь», старики пытались его отговорить, хотели «его урезонить... только видят — не понимает парень». Тимоха перепробовал несколько профессий и как будто бы «не хуже людей у него выходило», но и не лучше. И только когда последовал совету стариков — носителей рабочей морали — понял суть высокой поэзии труда.

В некоторых работах уральского мастерового изображают изнеможенным, забитым, в худой одежде... Это было, но было и другое. На Тагильском заводе «есть люди из крепостных, получившие высшее образование, некоторые в столице, другие даже за границей. Очень много, большая часть служащих воспитаны в местном училище. Из мастеровых много грамотных», — писал И. Ф. Зорков в 1859 году. И добавлял: «Тагильский народ веселый, чистоплотный (в домах чисто и одежда опрятная), ловкий в работах, сметливый к мастерствам и предприимчивый к промышленности»²⁹.

²⁸ Несколько слов о жителях Северского горного завода во время пребывания их в зависимости от заводоладельцев, а также и по освобождении их от обязательных отношений к своим господам // Пермские губернские ведомости, 1863. 21 янв. В дальнейшем название этой газеты пишется сокращенно: ПГВ.

²⁹ Зорков И. Ф. Краткое описание производств и устройств казенных и частных заводов. 1859 год. — ГАСО, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 588, л. 13, 14 об.

Приведем свидетельство другого автора: «Отличительная черта уктусских мастеровых — бедность... Но только наступит воскресенье или другой какой-нибудь праздничный день, мастеровой уже не беден. «Жена, жилетку подай,— кричит он,— манишку подай, брюки подай...». Тогда пойдет с тростью в церковь, станет в позе барина — совсем не мастеровой. Если не в церковь, то пройдет гордой поступью по широкой улице... Как можно подумать, что это тот самый, которого недавно вы видели на морозе в одном изорванном халатишке»³⁰. Так картинно мог разгуливать рабочий по улицам Екатеринбурга в 60-е годы, причем священник Ф. Луканин ничуть не преувеличивает. Другие авторы отмечают то же самое, например, Д. Петухов пишет, что дедюхинские мастеровые живут бедновато, но «народ любит щеголять: иной парень либо девка из утлой и кривобокой избы выходят в праздники такими нарядными, что любо посмотреть»³¹. Показательно, что щегольство, праздничный шик нисколько не мешали отличной работе: «...сам род занятий заводских людей имеет на них развивающее влияние, вследствие чего заводской мастеровой по умственному развитию стоит выше здешнего крестьянина... Если бы кто-нибудь, увидев в праздничное время здешних чермосских мастеровых, гуляющих по улицам в драповых пальто и пальмерстонах, в лайковых перчатках и круглых шляпах, сделал бы заключение, что благосостояние здесь весьма развито, то сделал бы ошибочное заключение, потому что мастеровые дома спят на голом полу... в повалку... ест семья из одной деревянной чашки... Одеваются здешние мастеровые действительно щегольски: и все в пальто, и пальмерстоны, бурнусы...; национальный костюм почти совсем изгнан из употребления... Я слышал от заводских техников, что именно те мастеровые лучше работают, которые больше щеголяют»³². Эти свидетельства подтверждаются песнями 60-х годов, записанными в рабочей среде:

Молодцы садочком шли,
Раскрасавчики зелененьким,
Сюртучки на них чернеются,
А манишечки белеются,
Во правой руке тросточка,
В левой ручке сигарочка,
Он сигарочку покуривает,
Со девицей разговаривает...

³⁰ Луканин Ф. Уктус // ПГВ. 1865. 15 дек.

³¹ Петухов Д. Горный город Дедюхин и его окольные окрестности. Спб., 1864. С. 112.

³² Очерк быта мастеровых Чермосского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // ПГВ. 1864. 24 авг.

Такими же нарядным предстают и девушки:

На них платья белеются,
Полушалочки алеются,
Во правой ручке розовый цветок,
Во левой ручке немецкий веерок,
Веерочком помахивает,
Со молодым разговаривает...³³

По приведенным материалам видно, что уже в 60-е годы в среде уральской заводской молодежи сформировался идеал красоты, включающий в себя не только умение хорошо трудиться, но и умение по-новому одеваться, по-новому общаться. Утилитарные вещи — пальто, трость, шляпа, манишка, панталоны, веер, сигара — хотя и были «заимствованы» из быта привилегированных классов, в рабочей среде тяготели к превращению в знак, символ и этим заводская молодежь выделяла, отличала себя от тех же, предположим, крестьян. Даже в игровых песнях заметно подобное противопоставление:

Что Шабурска молодежь —
Хуже, гаже не найдешь:
На них синие рубашки,
Да косые ворота,
На них синие тяжелки
Да опояски портяны,
На них шапки холстяны...

То есть шабуровские парни высмеиваются, потому что они одеты по-крестьянски: на них все холщовое, домотканое, крашеное в синий цвет. Им противопоставляются парни из Александровска:

Александровская молодежь —
Лучше в свете не найдешь:
Носят розовы рубашки,
По три сотенки в кармашке,
Сапоги с калошами,
На них опояски шелковы,
На них шапки крымковы,
Пальто драповое,
По пяти целковых сапожки...³⁴

В 70-е годы историки уже писали: «Вся разнохарактерность происхождения сгладилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего.

³³ Мелехин Н. С. Песни и прибаутки, записанные в Билимбаевском заводе // ПГВ. 1869. 17 марта.

³⁴ Некрасов П. А. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890—1891 г. // Записки УОЛЕ. 1901. Т. 22. С. 156.

По отзывам всех наблюдателей, горнозаводские рабочие — один из наиболее развитых интеллигентных представителей рабочего класса, и даже крепостное право не могло окончательно обезличить их и забить, как обезличило и забило массу крестьянского населения»³⁵. В. И. Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 80-е годы, также обратил внимание на особый тип рабочего: «Кизеловский заводской рабочий уже утратил тип крестьянина... Если вы с ним заговорите, то окажется, что он и газеты почитывает и рассуждает уже не как крестьянин... Мне не раз приходилось заставлять в Кизеловском заводе рабочих за книгою... Между рабочими не редки и такие, которые сумели довести самообразование до весьма исключительной высоты»³⁶.

В целом заводские жители характеризуются исследователями как люди общительные, мажорно настроенные, «любящие разного рода увеселения»³⁷. Они «бережливы, расчетливы, словоохотливы..., весьма хитры и нельзя сказать, чтобы были не трудолюбивы. В религиозном отношении заботятся только о соблюдении одних обрядов, которые исполняются без душевных убеждений»³⁸.

Опубликованные сведения могут быть дополнены архивными документами, которые в свое время были составлены для служебного пользования. Например, известно, что для ежегодного губернаторского «Представления» царю собирались разного рода сведения — составлялся специальный перечень вопросов, куда входил вопрос о населении определенной местности. В делах прокурора Екатеринбургского окружного суда за 1898 год сохранилась обширная записка товарища прокурора по Нижнетагильскому участку, где, в частности, дается любопытная характеристика местного рабочего. Цитата большая, но ее стоит привести. «Крайне тяжелая и ответственная работа, где от малейшей оплошности и медлительности рабочего он и его товарищи рискуют встретиться со смертью и где каждое слово мастера — закон для рабочего, закалила местного горнорабочего, развила в нем сметливость, смелость и решительность («Огневая работа не думает», — говорят здесь), а вместе с тем крепко сплотила рабочую массу, развив в ней чувство солидарности. Поэтому если местный горно-

³⁵ Попов Р. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 331.

³⁶ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. Спб., 1890. С. 295—296.

³⁷ Бувеский С. Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. Казань, 1858. Кн. 1. С. 145.

³⁸ Описание Лысьвенского завода, составленное учителем Шалаевым в 1857 году // Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. Казань, 1858. Кн. 4. С. 143.

рабочий далеко не всегда получает образование в школе, если он обладает малым запасом точных знаний, если он не имеет ясного представления о том, что он должен делать и от чего воздержаться для поддержания своего здоровья и своих близких и т. п., то все же он, благодаря описанным условиям его деятельности, в девяти случаях из десяти по умственному развитию стоит значительно выше местного хлебопашца. Последний и простоватее первого, и менее знает, и в более сильной степени приобрел привычку «сидеть у моря и ждать погоды». При этом глубоко воспринятый хлебопашцем взгляд «Все бог да ведрушко» налагает печать спокойствия на его характер. Не таков уральский горнорабочий. Способный, самоуверенный и нервный, он привык надеяться на свои силы, при неудаче не раздражается. «До бога высоко», — говорит он в противоположность хлебопашцу и имеет тенденцию самолично осуществлять предполагаемое за собой или действительно принадлежащее ему право... Отношение местного рабочего к местным административным властям иногда отличается оттенком недоверия и подозрительности»³⁹. Этому высказыванию царского чиновника нельзя отказать в точности, конкретности, даже наглядности.

Не очень подробно, но объективно характеризовали рабочих заводские администраторы в документах, представляемых руководству Уральского горного управления в первые годы XX века. Серебрянский завод: «Уральский рабочий представляет тип настоящего, коренного заводского рабочего — в умственном отношении довольно развит, понятлив, ловок и легко приспосабливается ко всякой заводской работе»; Баранчинский завод: «Рабочие из местного населения отличаются особенной выносливостью при огневых работах, ... большинство из них практическим путем весьма основательно усвоило дело по выплавке чугуна, по отливке и отделке снарядов, а также слесарное, кузнечное, столярное дело»; Пермский пушечный завод: «Нельзя указать на какой-либо вид горнозаводского дела, к которому бы среди уральских рабочих не нашлось бы способных»; Нижнеисетский завод: «Вообще о рабочих можно сказать, что они отличаются большой способностью принаравливаться к самой разнообразной работе в весьма скорое время»⁴⁰.

Очень выразительный штрих духовного облика уральского рабочего начала XX века отметил один автор, скрывший свое имя

³⁹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 57, л. 122, 124 об.

⁴⁰ Цит. по кн.: Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. мат-лов и док. / Под ред. А. Танеева, Свердловск, 1926. С. 49—50.

под псевдонимом «Книгоноша». Он опубликовал две статьи, где сообщал, что специально ходил по деревням и заводам Екатеринбургского уезда продавать книги, чтобы сравнить спрос на книгу у крестьян и рабочих: «Из всех бывших со мной книжек обращали на себя внимание сборники стихотворений, которые крестьяне называли песенниками, ...бабы спрашивали «книжек божественных», молодежь — книжки для гадания, письмовники, сонники, и только в лучшем случае сказки или песенники»⁴¹. Совсем иначе выглядели рабочие, которые интересовались книгами социально-общественного содержания: «просили выбрать им книжки, где бы говорилось о рабочих союзах, о народных представителях»; «спрашивали словари», при этом «Книгоноша» не заметил в рабочих «робости», «запуганности», которые наблюдал у крестьян, когда предлагал им посмотреть книги»⁴².

Об уральских рабочих писали многие дореволюционные писатели. Мы не можем углубляться в характер освещения ими интересующей нас темы, но нельзя не сказать хотя бы кратко о Д. Н. Мамине-Сибиряке. «В произведениях этого писателя, — отмечал В. И. Ленин, — рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с беспорядком, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения...»⁴³ Писатель показал пагубное, разлагающее влияние социальных обстоятельств, остатков крепостничества, создал колоритные образы бродяг, босяков, кулаков, крестьян, опустившихся до лакейства, рабочих, сохранивших рабьи привычки. Но в то же время Д. Н. Мамин-Сибиряк видит в уральском рабочем потомственного труженика, духовные ценности которого закладываются семьей с ранних лет. «Дети мастеровых просто поражают своей смысленностью, развитием и известным художественным вкусом», — пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «От Урала до Москвы». Рядом поколений создается «настоящая рабочая гвардия», «совершенно особый тип мастеровых», — людей «славных и видных», «проворных и бойких», поражающих «необыкновенной ловкостью каждого движения», «силой, волей, умом...»⁴⁴

Как пишет И. А. Дергачев, писатель обратил внимание на то, что «рабочая среда на Урале издавна вырабатывала ироническое и сатирическое отношение к барам и их клеветам», и это отноше-

⁴¹ Книга в деревне: Впечатления книгоноши // Уральский край. 1906. 9 мая.

⁴² Книга в деревне // Там же. 14 мая.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 488.

⁴⁴ Цит. по кн.: Китайник М. Г. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск, 1955. С. 48.

ние не только отражается им в ряде произведений, но и используется в качестве сюжетно-композиционного принципа. В очерке «Отрава» говорится об «особенном мужицком юморе, который бьет, как обух». Мастеровой Савка (очерк «На Шихане»), побывавший в разбойниках, «умел представить все в самом смешном виде с той беспощадной мужицкой иронией, на которую способны только особенные мужицкие мозги»⁴⁵. Д. Н. Мамин-Сибиряк фиксирует «шутки и прибаутки», без которых «не работает русскому человеку» («Золотуха»); эту же особенность замечает писатель, рассказывая об опытном сплавщике в очерке «В камнях»: «Из-за белых зубов Окини так и сыплются бесконечные шуточки, прибауточки, пословицы и присказки»⁴⁶. Будучи убежденным, что «без песен русский человек не умеет работать», писатель показывает «вплетенность» комической песни в трудовой процесс. Например, в рассказе «Я... я... я» артель плотников поднимает бревна под юмористические куплеты «Дубинушки»:

Ох, старушка, наша мать,
Помоги бревно поднять...
Петербургски девки модны,
Ходят целый день голодны...⁴⁷

То же самое в неопубликованном рассказе «Легкая рука»:

Что, ребята, припотели,
Али выпить захотели⁴⁸.

Таким образом, духовный облик рабочего Урала был детерминирован особыми производственными, общественно-социальными условиями. Труд для уральского рабочего был не только источником материального благополучия, но и сферой приложения своих способностей, источником душевной комфортности. Поэтому в уральском рабочем развиваются наблюдательность, напористость, энергичность, инициативность, «сметливость к мастерствам», «предприимчивость к промышленности», ловкость в работе и другие позитивные свойства, в том числе открытость натуры, склонность к юмористическому поступку, шутке.

⁴⁵ Дергачев И. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977. С. 99—101.

⁴⁶ Цит. по кн.: Дергачев И. А. Фольклор в художественной системе Д. Н. Мамина-Сибиряка // Фольклор Урала. Литература и фольклор. Свердловск, 1976. С. 23—24.

⁴⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 12. С. 536—537.

⁴⁸ Цит. по кн.: Дергачев И. А. Фольклор в художественной системе Д. Н. Мамина-Сибиряка. С. 23.

Глава I
СЛЕДЫ СКОМОРОШЕСТВА
И ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ КОМИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ
ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В рассматриваемый период устное поэтическое творчество горнозаводского населения Урала, будучи частью национального фольклора, развивалось в русле общерусских поэтических традиций и одновременно имело свои региональные тематико-жанровые черты.

В свое время далеко не все жанры уральского фольклора были записаны, но сохранились многочисленные свидетельства о бытовании фольклора, а также пересказы, переложения народных произведений авторами, писавшими об Урале. Именно их сочинения являются сейчас самым богатым источником. Строгановская, Есиповская, Кунгурская летописи, «Сказание о происхождении Ермака», «Описание новых земель Сибирского государства» Н. Венюкова, «История Сибири» Ю. Крижанича и другие сочинения XVII — начала XVIII века имеют в своем составе этнографический и фольклорный материал самого разного характера: описания обычаев, легенды коренного населения, пересказы русских исторических песен, мемораты участников народной колонизации, уральские и зауральские предания о местных разбойниках и т. п. Для книжников XVII века фольклор был важнейшим источником фактической информации, содержащим часто сведения, которые не удавалось найти в каких-либо документах.

В этой функции уральский фольклор выступает и для многих авторов XVIII века. Так, фольклорные мотивы без труда обнаруживаются в «Слове о Сибирской стране» по Лихачевскому списку; в Строгановской летописи по Толстовскому списку есть текст исторической песни о Ермаке; Д. Г. Мессершмидт, бывший на Урале в 1720 году, дает местные сведения о кладах. То же самое можно сказать о Ф. И. Страленберге и более поздних исследователях: И. И. Георги, И. И. Лепехине, И. П. Фальке, П. С. Палласе и других. Особо следует отметить известного историка Г. Ф. Миллера, которого С. В. Бахрушин справедливо назвал одним из первых собирателей уральского и сибирского фольклора. В самом конце XVIII — начале XIX в. фольклор начинают использовать для характеристики мышления населения

Урала, его эстетической культуры, его исторических познаний. В этом плане его привлекает Н. С. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии», а также К. Ф. Модерах¹.

В 30-е годы XIX века уральский фольклор записывали А. С. Пушкин и В. И. Даль. Особенно ценные фольклорные сведения о Пугачеве зафиксированы А. С. Пушкиным в Бердской слободе. Сохранилось несколько уральских песен, записанных великим поэтом, например, солдатские песни «Из Гурьева городка», «Не белая березонька к земле клонится», семейно-бытовая «Во лесах дремучих», рекрутская «Один-то был у матери, единый сын»². Записанные В. И. Далем во время службы на Урале с 1833 по 1841 год фольклорные произведения вошли в сборники «Песни, собранные П. В. Киреевским», «Пословицы русского народа», и в знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка». В. И. Даль один из первых обратился к рабочему быту и записал свадебный обряд, бытовавший на Суксунском железоделательном заводе, основанном Демидовым. Сохранилась рукопись В. И. Даля «Свадебные песни в горных заводах Урала», которая лишь недавно была введена в научный оборот³.

В это же время любители старины, путешественники начинают описывать исторические достопримечательности с обязательным пересказом фольклорных произведений. П. И. Мельников-Печерский не случайно писал о поразившем его на Урале «русском духе и его неподдельной простоте»: «Здесь все: и образ жизни, и предания, и обряды носят на себе отпечатки глубокой старины»⁴. Поэтому он довольно подробно излагает ряд фольклорных произведений. Его примеру последовали учитель В. И. Рябов, бывший крепостной Демидовых Д. П. Шорин⁵.

Изучение этих и других источников убеждает в том, что в XVIII — первой половине XIX века фольклор горнозаводского

¹ См. об этом: *Смышляев Д.* Источники и пособия для изучения Пермского края: Материалы для указания книг и статей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии. Пермь, 1876. С. 130—132.

² См.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 176—183. См. также: *Измайлов Н. В.* Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» // *Пушкин: Исслед. и мат.-лы.* М.; Л., 1953. С. 266—297.

³ См.: *Литературное наследство.* Т. 79: Материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 171—231, 450—504.

⁴ *Мельников-Печерский П. И.* Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь // *Отечественные записки.* 1841. Т. 9. С. 4.

⁵ См.: *Рябов В. И.* Былина и временность Нижне-Тагильских заводов // *Учен. зап. Казан. ун-та.* 1848. Кн. 2. С. 3—27; *Шорин Д. П.* О древностях в окрестностях Нижне-Тагильского завода. — ГАСО, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 22, л. 1—18.

населения Урала был живым и ярким явлением ⁶. Названные исследователи выяснили, что бытовал обрядовый фольклор, присловья, приметы, поверья, устные рассказы-воспоминания, топонимические, семейно-родовые и исторические предания, эпические песни. Надо полагать, в среде рабочих людей бытовали песни и предания о Емельяне Пугачеве, Салавате Юлаеве, Ермаке, о вольных разбойниках, беглых людях. Скорее всего, рабочие использовали весь корпус лирических песен, а также мужские удалые песни. Вне всякого сомнения бытование в рабочей среде загадок, пословиц, примет. К началу XVIII века относится появление многих тем, связанных с открытием и эксплуатацией месторождений золота, железа, меди, камней-самоцветов и других полезных ископаемых. Эти темы могли реализовываться в разных жанрах, причем со значительной долей поэтического вымысла: появились такие зоо-и антропоморфные образы, как земляная кошка, охраняющая подземные богатства, козел-золотые рога, связанный с самоцветными камнями; птица-пророк филин, горный дух в облике старика или женщины-оборотня и другие. Повсеместно бытовало поверье, кстати, отмеченное П. С. Палласом, о Полозе: иногда он считался змеиним царем, главным хранителем богатств. Один из основных жанров фольклора рабочих — семейно-родовые предания, содержащие устную историю семьи, династии. П. П. Бажов писал, что в старой рабочей среде «всякий первый добытчик, открыватель рудника или прииска как-то связывался с тайной», причем у горщиков, рудознатцев тайна играла большую роль, чем у угольщиков или доменщиков ⁷. Поэтому в любом поселке часто распространялись вымышленные объяснения удачи или знаний, опыта того или иного рабочего. Даже в XIX веке совершенно серьезно про некоторых удачливых рабочих говорили: «Словинку знает, пособничков, видно, имеет, да нам не сказывает», «В тот раз в кабаке похвалялся — полозов след видел, потому и золото находит» ⁸.

⁶ См.: *Смирнова Н. С.* Очерк историографии рабочего фольклора // Учен. зап. Алма-Атин. пед. ин-та. 1941. Т. 2. С. 107—146. Отметим также наиболее значительные работы последнего времени: *Алексеева О. Б.* Устная поэзия русских рабочих: Дореволюционный период. Л., 1971. С. 33—117; *Кругляшова В. П.* Историческое развитие жанра народных преданий на горнозаводском Урале: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974; *Она же.* Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск. 1974; *Лазарев А. И.* Устная поэзия рабочих Урала: К вопросу об эстетической природе рабочего фольклора: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970; *Она же.* Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

⁷ *Бажов П. П.* Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 49.

⁸ Там же.

Приведем любопытный пример бытования заговоров среди рабочих Урала. В 1753 году одна из жительниц Полевского завода на исповеди сказала, что видела у соседа тетрадку «с волшебными словами». Оказалось, что рабочий этого завода Ульян Рудаков имел записи любовных и лечебных заговоров: «от печали», «для присушки девок», «для присушки мужика к бабе», «для лечения зубной боли» и т. п. и, в частности, в январе 1753 года с помощью Ульяна Рудакова «от зубной болезни Прасковья Никифорова исцеление получила». Полевской священник донес об этом своему начальству и в Екатеринбургском духовном правлении возникло «Дело по обвинению рудокопщика Полевского завода Ульяна Рудакова в составлении волшебной книжки (тетрадки с волшебными словами)»⁹.

Бытовали в рабочей среде песни местной тематики. К их числу относится «На промывке на ручной» — своеобразная жалоба на подрядчика, который дает непосильную работу, «розгами дерет», заставляет работать даже в праздничные дни. Труд в ранних рабочих песнях рисуется как каторга, мотивы обреченности, безысходности пронизывают эти искренние, но художественно аморфные песни. Они, как правило, тяготеют к конкретике, например, в песне «О, се горные работы» изображается изматывающий труд, упоминаются разные виды работ, инструменты: «есть корыто и гребок, протыкальник, молоток», «инструменты принимать, болотки и гребки, рудобойны молотки», называются номера «частей», то есть рабочих смен, фамилии уставщиков. В немногих песнях говорится о протесте, хотя и наивном. Так, горнорабочие мечтают подпоить конвой, а затем

Мы конвой весь перевежем,
Караульных разобьем,
Мы оружие все захватим,
Сами в лес с ним удерем¹⁰.

Лишь в двух дошедших до нас песнях рассказывается о волнениях уральских рабочих людей в первой половине XIX века. Одна песня сложена в среде рабочих челябинской группы заводов и касается волнений 1843 года; вторая, по предположению О. Б. Алексеевой, освещает восстание в Ревде в 1841 году, когда между рабочими и воинской командой произошло вооруженное столкновение. В песне подчеркнут трагический исход:

⁹ ГАСО, ф. 6, оп. 4, ед. хр. 398, л. 1—9.

¹⁰ Цит. по кн.: Шукшанов Н. Беглые: Из жизни рабочих Златоустовского завода в первой половине XIX века. Свердловск, 1959. С. 80.

Супротив каменных палат
Случилась баталия,
Во каменя, в оруженья,
В оружейную стрельбу.
Кучи, клады искучились.
По горам все разбежались,
На конюшню собирались,
Во рогожи пеленались,
Во могилушки таскались,
И во ямы хоронили ¹¹.

Рядом с такими песнями могут быть поставлены многочисленные песни и предания о разбойниках. Особенно импонировал простым людям благородный, справедливый, так называемый заводской разбойник — именно он является главным героем большинства песен и преданий Урала. Такой бунтарь грабит не только купцов, но и приказчиков, заводовладельцев. Награбленное он раздает неимущим, бедным, он — смелый, неуловимый и неуязвимый, потому что обладает чудесными свойствами: он может заговорить оружие противника, у него волшебный предмет (кольцо, перстень), который способен открывать ворота, разрывать цепи, такой разбойник может плавать по реке на раскинутой скатерти... Можно только поражаться народной фантазии, которая не знает пределов при освещении поступков справедливого разбойника, но главное то, что у этой фантазии социальный посыл: разбойник всегда побеждает народных антагонистов, оставаясь неуловимым ¹².

Видимо, следует ограничиться сказанным и перейти к интересующей нас проблеме; при этом необходимо подчеркнуть, что в фольклоре горнозаводского населения получают отражение все основные аспекты производственной и общественной жизни рабочих людей. В. П. Бирюков, О. Б. Алексеева, В. П. Кругляшова, А. И. Лазарев и другие фольклористы достаточно полно исследовали горнозаводский фольклор XVIII — первой половины XIX века, хотя они почти не касались вопросов сатиры и юмора. Ради полной репрезентативности возьмем для анализа лишь произведения, письменного зафиксированные в XVIII — первой половине XIX века.

В. Н. Татищев, член «ученой дружины Петра», в своем инте-

¹¹ См.: Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 92.

¹² См. об этом: Весновский В. Камская вольница // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 8—10. С. 17—20; Он же. Камская вольница // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 64—80; Блинов Н. Н. Сарапул: Ист. очерк. Сарапул, 1887; Топорков А. О Васильево-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 17—23; Кривошеков Л. Предание об ушкунниках // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 271—273.

ресе к народным пословицам «выходил далеко за пределы исторического и филологического их изучения, осознавая, очевидно, их большой общественный смысл и широкие возможности применения их в быту, в литературной практике, в полемике и т. д.»¹³ Поэтому он составил сборник, содержащий не только пословицы, но и присловья, книжные, церковные афоризмы — всего в его собрании 1339 текстов. Но «в основе сборника лежат народные пословицы, поговорки, крылатые выражения»¹⁴.

Выделяются пословицы, выражающие уважительное отношение к труду, к человеку труда: «честь без труда не сыскать»; «ремесло везде добро»; «не спеши языком, а не ленися руками»; «работа хвалит мастера»; «работой не выразишь, как рядок не вырядишь»; «ремесла за плечами не висят, а с ними добро»; «ремеслом и увечный хлеб сыщет» и многие другие, в которых труд осознается как основа жизни и источник высокой нравственности. И с этой позиции освещаются самые разнообразные темы: богатство, бедность, судьба человека, его поведение в быту и обществе, родственные отношения, честь, достоинство, любовь... Ироническая усмешка труженика ощутима в таких пословицах, как «на мир беда, а воеводе нажиток»; «красная нужда — дворянская служба»; «закон — как паутина: шмель пробьется, а муха увязнет». Человек труда позволял себе сатирическое высказывание даже в адрес царя: «где царь, тут и орда»; «руби меня, татарская сабля, не бей, царская плеть».

В сатирических пословицах о духовенстве и церкви проявляется не только просветительское вольномыслие В. Н. Татищева, не побоявшегося включить их в свой сборник, но и скептический, даже критический склад ума простых людей: «из одного дерева икона и лопата»; «глупого попа и в алтаре бьют»; «молебен есть, а пользы нет»; «поповы дети, что голубые кони — редко удаются»; «игуменя — за чарку, сестры — за ковши»; «каков игумен, таковы и братия»; «каков поп, таков и приход»; «попа сеном не кормят»; «поп поет свое, а черт — свое»; «четки святым не сделают»; «попович — вор, а поповна —...»; «голодный и патриарх украдет». Служители культа и их дети предстают в этих пословицах как жадные, пьянствующие, глуповатые, распутные. Пословицы уральского горнозаводского населения продолжают разрабатывать

¹³ Путилов Б. Н. Введение // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Сост.: М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961. С. 8.

¹⁴ Шаповалова Г. Г. Комментарий // Там же. С. 258. Фольклорный материал, собранный В. Н. Татищевым, приводится по этому же изданию.

антиклерикальную тему в традициях народной и демократической сатиры XVII века ¹⁵.

Кроме того, бытование сатирических пословиц, видимо, поддерживалось тем, что на Урале и в Зауралье находились приверженцы реформационной мысли, имевшей глубокие исторические корни. Например, такими сторонниками были драгун Гаврило Сурин, «станошный мастер» Вахромей Иванов, Михаил Антипьев — они отрицали причастие, критиковали иконы, тексты псалтыря и другие церковные сочинения; тот же Антипьев открыто говорил, что «и попы деньгами в начальство накупаются», он также «весьма непристойно и ужасно», как сказано в доносе, отзывался об образе Абалацкой божьей матери, а входя в дом, насмешливо приговаривал: «Спасу поклон, богородице поклон, всем святым поклон, а там пушай сами делят» ¹⁶.

Особенно много в сборнике В. Н. Татищева юмористических и сатирических пословиц, поговорок в адрес лентяев, хвастунов, болтунов, льстецов и т. п. Пословица может иронично сказать о заботах мачехи: «горе мачехино — пасынок сметаны не ест»; о человеке-пустобрехе: «медведь еще в лесе, а медведину продает»; о человеке, не умеющем сдерживать свое слово: «как тонет — топор сулит, а вытащат — то и топорща жаль»; о попавшем впросак: «метил в ворону, а попал в корову»; о великовозрастном глупце: «борода выросла, а ума не вынесла»; об обманчивой внешности: «по роже орел, а по уму тетерев»; «по бороде Аврам, а по делам хам»; «по бороде Никола, а по зубам собака». Народная мораль осуждает пьянство: «пьян да глуп, дак больше быют»; «пьянство в ремесле не товарищ».

Справедливо писал Г. И. Бомштейн, что к пословицам примыкают меткие слова, юмористические и сатирические присловья ¹⁷. Они разнообразят народную речь, делают ее образно насыщенной, острой и выразительной: «ленив, как корова»; «лысины не замажешь»; «медвежьи взгляды»; «Шемякин суд»; «собачья свадьба»; «пошло, как кривое колесо»...

Народные пословицы и образные речения, записанные В. Н. Татищевым, свидетельствуют об активном бытовании этого

¹⁵ См.: *Андрианова-Перетц В. П.* Народное поэтическое творчество XVII века: Пословицы // *Русское народное поэтическое творчество. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в. М.; Л., 1953. С. 440.*

¹⁶ *Пихойя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 113—115.

¹⁷ См.: *Бомштейн Г. И.* Рукописный сборник пословиц, составленный В. Н. Татищевым // *Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 16. С. 96.*

жанра, о продуктивном словотворчестве горнозаводского населения XVIII века. Это свидетельство самобытности живого русского ума, склонного и к едкой насмешке, и к добродушной улыбке.

Как и в других регионах, на Урале в XVII веке были скоморохи. До нас дошла «Память» верхотурского воеводы Рафы Всеволожского приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину, где речь идет об исполнении царского указа 1648 года, запрещающего «всякое мятежное бесовское действо» и предписывающего изгонять скоморохов¹⁸. В XVII веке из деятельности скоморохов «уходит то, что когда-то связывало их с язычеством, что делало их незаменимыми на народных игрищах»¹⁹, скоморохи становятся преимущественно инструменталистами, вожаками «ученых» медведей, кукольниками. Как культурное явление русское скоморошество остается в рамках XVII века, хотя его следы прослеживаются в XVIII столетии, в частности, на Урале. Вполне вероятно предположение А. А. Морозова, что поздние скоморохи, появляясь на Урале, оседали не в сельской местности, а «ближе к посадку и нарождающейся промышленности — у солеварен и горного дела, или подвизались в качестве «ярыжных» и на другой черной наемной работе. Если они еще сохраняли профессиональные навыки, то им было удобней сколачивать на посаде бродячие труппы, которые устремлялись для своего «промысла» по окрестным, а то и дальним местам»²⁰.

Если говорить непосредственно о следах скоморохов и их творчества, сохранившихся на Урале в XVIII и даже XIX веке, то здесь можно назвать довольно много фактов: 1) топонимические реалии (прозвища Гудок, Скрипник, фамилия Скомороховы, деревня Веселково, Скоморохово, речка Скомороховая); 2) многочисленные фольклорные произведения со скоморошьей тематикой, например, игровая шуточная песня «Скоморох идет по улице», записанная в XIX веке П. А. Некрасовым в Александровской волости Соликамского уезда (она же приводится вместе с описанием игры «Скоморох» В. Н. Шишонко в «Пермской летописи», а позже была записана П. С. Богословским на севере Пермской области и В. П. Бирюковым в Каменске-Уральском); сказка «Куда глаза глядят», детские песни типа «Уточка моховая»; 3) следы скоморошества в народных обрядах, связь балагурства свадебного

¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Спб., 1849. Т. 4, № 36. С. 124—126.

¹⁹ Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 109.

²⁰ Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 51.

дружки с искусством скоморохов. Фольклорные факты XIX—XX веков, связанные со скоморошеством, могут быть умножены²¹. Обратимся к материалу XVIII века.

Вслед за А. А. Морозовым автор этих строк считает, что нет никаких оснований связывать со скоморошеством появление обличительной сатиры, пародирования, вообще комических форм. Последние возникали и бытовали независимо от гротескно-комического искусства скоморохов, хотя полностью отрицать взаимовлияния, конечно, нельзя. По крайней мере, скоморох с его веселым искусством был заметной фигурой в народном быту и не случайно он сам стал предметом изображения в фольклоре.

Скоморохам могли подражать заводские шутники, острословы, балагуры... Сохранился за 1751 год «Журнал входящих и исходящих дел Полевской заводской конторы», и в нем есть записи о наказаниях местных рабочих. Среди прочих записей встречается такая: «4 мая работник Петр Ушаков наказан батожьем за то, что у правяного амбара на стене тесовой написал углем личину и пустые враки»²². Трудно сказать, в чей адрес метил рабочий Полевского завода, но ясно одно: его «высказывание» было юмористическим, если не сатирическим, о чем свидетельствует лексика записи в журнале — личина, враки, батожье — это терминология официальных документов XVII века, пресекавших пародные развращения и творчество скоморохов.

Н. С. Ярцев, бывший управляющий уральскими горными заводами в конце XVIII века, оставил рукопись своего труда «Описание уральских гор», где рассказывает об одном любопытном случае: «...повстречался с одним престарелым горным служителем, который на вопрос наш: от кого бы получить нам достаточные сведения о количестве добываемого золота, — не сказал ни слова, только сею песенкою отвечал...

Всяк-де спляшет, да не как скоморох,
Один-де кривобок, а другой — хромоног,
Дудочки златые иным тоном веселят,
Кто ими играет, те инако говорят:
Винцо лишь подпивай и ничего не примечай,

²¹ См. об этом: *Куручкин Ю. М.* Из театрального прошлого Урала: Заметки собирателя. Свердловск, 1957. С. 21—30; *Горелов А. А.* Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения»? // Русский фольклор. М.; Л. 1962. Т. 7. С. 293—312; *Шемякина Е. П.* Фигура скомороха в русском фольклоре Приуралья // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1982. С. 74—83; *Власова З. И.* Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Русская литература. 1985. № 2. С. 113—127; *Шенгаев Л. С.* Русское скоморошество в XVII веке // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1949. Вып. 6, филол. С. 47—68.

²² ГАСО, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 81, л. 35.

Блестящие колечки лишь на ручки надевай,
Играй в гудок, играй, только дела твоего.
Будешь сыт и пьян от колечка своего,
Не мешай, не болтай, а что видишь — не скажи,
Что в избе услышишь — ничего не выноси,
Бока палками отдуют, так и будешь кривобок,
Кольца на ноги наденут, так и станешь кривоног.
Прощай, друзья, прощай! Я весело живу —
Нету дела никакого — музыкантом я слыву!»²³

Случай с Н. С. Ярцевым отражает народно-поэтическую традицию, предписывавшую в разговоре с незнакомым человеком вместо конкретного ответа процитировать или пересказать песню, притчу, байку, пословицу, которые в свою очередь выполняют не столько информативную, сколько шутивно-поучительную функцию. Такой принцип ведения разговора связан, как правило, с юмором, даже если речь идет о серьезных, может быть, небезопасных вещах. Нельзя не ответить и нельзя конкретно ответить, поэтому человек как бы отнекивается, но в шутивной форме, цитируя комическое произведение.

О. Б. Алексеева, комментируя эту песню, связывает ее непосредственно с уральским горнозаводским бытом: «Если мы вспомним, что не только за непослушание и «буйство» заковывали людей в железо, но и за оглашение земельных богатств, что мрачные заводские застенки и темницы заживо погребали под своими сводами неугодных заводскому начальству и жесточайшие наказания грозили тем, кто попытался бы говорить об этом и «сеять смуту», то значение приведенной песни проявится. Фраза:

Не мешай, не болтай, а что видишь — не скажи,
Что в избе услышишь — ничего не выноси... —

несомненно передает атмосферу заводской жизни, когда крепостной рабочий вынужден был молчать обо всех издевательствах и насилиях, над ним совершаемых... От имени скомороха-гудоника... песня предупреждает (надо бы сказать: весело предупреждает. — В. Б.) о необходимости молчания и в достаточно яркой форме раскрывает тяжесть угнетения и наказаний»²⁴.

²³ Цит. по: Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 76—77.

²⁴ Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 77—78. Не случайно на Урале распространен шутивный запрет: «Говори полуротком, гляди полуглазом, ешь не доедай, пей не допивай»; отметим также советы поменьше говорить: «Говори, да оглядывайся», «Много знай, да мало бай» (Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936. С. 9, 13). Кстати сказать, первая строка анализируемой песни — «Всяк спляшет, да не как скоморох» — записана В. Н. Татищевым как пословица (См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. С. 50).

Все это верно, однако мимоходом отмеченному скомороху-гудошнику следует придать принципиальное значение, тогда в целом это будет не «серьезная» рабочая песня, созданная под влиянием иносказательной крестьянской лирики, как считает О. Б. Алексеева, а комическая песня из репертуара уральских скоморохов. Ведь о жестокой действительности говорится шутя, в плясовой тональности, кроме того, ощутима самоирония гудошника. Даже сегодня можно услышать от какой-нибудь старушки отказ спеть песню днем, когда положено работать: «Люди скажут: песни поет — дела у нее нет!». Эта же этическая норма закреплена в известной пословице «делу время и потехе — час». А в анализируемой песне герой заодно подчеркивает свою отстраненность от дела, от работных людей: «Я весело живу — нету дела никакого — музыкантом я слыву». И благодаря именно этой отстраненности, благодаря тому, что он — музыкант-бездельник (скоморох, шут), он имеет право сказать открыто обо всем, но только в шутливой форме. Перед нами произведение, непосредственно отражающее уральскую действительность XVIII века и связанное с древнерусской смеховой традицией, позволявшей публично говорить обо всем «музыканту», «веселому», «дурацкой персоне»²⁵.

То же самое можно сказать о песне «Как у нашего сударя, света батюшки». Песня поется от имени веселых бродячих людей. Сначала они традиционно по-скоморошьему льстят хозяину: у него дом с косящатыми окнами, таволжной матицей, с золочеными булатными крюками да пробоями, а затем опять-таки традиционно просят разрешения «поскакать, поплясать, про все города сказать», в том числе и про демидовские. Их «рассказ» содержит совсем не смешные, если не сказать страшные, подробности заводского труда: на демидовских заводах секут батошьем, вешают, морят голодом, сажают в тюрьму — но обо всем этом веселые бродяги рассказывают в плясовом ритме, дурачась, потешая и потешаясь, а потешают они своей глупостью, которая выявляется через несоответствие направленности действия и результата: они будто бы испытывают то, что никак не должны испытывать:

Хоть не нас секут батошьем — у нас спинушки болят,
Ах, не нас вешать ведут — на нас петельки кладут²⁶.

²⁵ См. об этом: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. М., 1984. С. 16.

²⁶ См.: Чулков М. Д. Собрание разных песен. М., 1780. Ч. 4. С. 142. П. Н. Шеффер первый высказал предположение о связи этой песни со скоморошьей поэтикой и «с той же местностью, к которой должны быть приурочены тексты Сборника Кирши Данилова». См.: Сборник Кирши Данилова / Под ред.

Показательно, что в дальнейшем (в записях XX века) из песни исчезает образ веселых бродяг, потешающих слушателей своей глупостью, и песня теряет смысловую объемность. Более того, в варианте, записанном Е. М. Блиновой, речь идет уже о бедствиях беглых рабочих, но содержание не соответствует игриво-задорному тону, а в варианте, записанном В. П. Бирюковым, она превратилась в обычную шуточную плясовую, где допустимы контрастные смысловые контаминации и поэтому мотив тяжелой работы соседствует с описанием сударушки, которая белится, румянится:

У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Работушка тяжела,
Да сударушка нажита,
Сударушка девушка,
Ближняя соседушка,
Ближняя, недалняя,
Своя деревенская,
Тамошна крайнская
Белится, румянится... 27

Эти две песни — «Всяк-де спляшет, да не как скоморох» и «Как у нашего сударя, света батюшки» — по своей поэтике примыкают к Сборнику Кирши Данилова²⁸, хотя в нем нет песен с мотивами каторжного труда и песен от лица профессиональных «музыкантов», веселых бродячих бездельников, потешающих слушателей своей глупостью. Последнее обстоятельство является очень существенным для облика Кирилла Данилова. Он допускает самоиронию в песне «Да не жаль добра молодца битого — жаль похмельного», но нигде не занимает позицию скомороха, профессионального «разумного дурака», который смешит людей собственной глупостью. Он — носитель эпоса, эпический певец и как таковой использует традиционные народные комические песни, часть которых несет следы влияния скоморошьего искусства. Поэтому вряд ли прав А. А. Горелов, категорически утверждающий, что Кирилл Данилов — певец-скоморох, но он безусловно прав, когда находит многочисленные «скоморошьи привнесения» в комические и даже «серьезные» песни (например, концовки «Дюка Степановича» и «Михайла Скопина»), наконец, он прав

П. Н. Шеффера. Спб., 1901. С. 31. Аргументы П. С. Богословского о связи этой песни с Уралом см.: *Богословский П. С. Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница: Опыт анализа и локализации текста* // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 3—76.

²⁷ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 287.

²⁸ См.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958.

и в том, что, привлекая свидетельства современников скоморошьяго искусства Олеария и В. Н. Татищева, вслед за А. А. Морозовым отмечает в творчестве скоморохов «смешение комического и серьезного»²⁹. Очевидно, не все скоморохи были исполнителями одновременно комических произведений и былин, исторических песен, но среди них могли быть подлинные носители эпоса.

Настоящий носитель эпоса всегда знаком со всей жанровой системой фольклора. И хотя предпочтение отдается эпическим песенным жанрам, ему известны и другие, бытующие в его местности. А. Ф. Гильфердинг пишет про П. Калинина, пропевшего 14 былин: «...он знает еще много духовных стихов и предлинных сказок», про сказителя А. Сарафанова: «...он считается отличным знатоком сказок», про сказителя В. Аксенова: «...он мастер рассказывать сказки»³⁰. Подобные свидетельства оставили А. Д. Григорьев, А. М. Марков, Н. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская и другие собиратели. Сами сказители, например, М. Д. Кривополенова, Ф. А. Конашков, во время своих выступлений в Москве, Петербурге, Архангельске наряду с былинами пели комические небылицы, рассказывали сказки.

Соседство богатырской сказки с былиной, былины с преданием, исторической песни с пародией, небылицей, былины со скоморошиной — это устойчивая особенность акта творчества эпического певца. Сказители вводят на правах равноценных эпические и неэпические песни. Так, А. Д. Григорьев про сказителя Е. Бешенкина пишет: «Он пропел четыре старины: «Камское побоище», «Василий Окулович и Соломан», «Выезд и бой Сокольника с Ильей М.», «Старину о льдине и бое женщин», а также неприличную песню о сове. Кроме этой песни, он знает еще много других»³¹. Собиратели с удивлением отмечали, что сказители поют былинку, пытаются рассказать богатырскую сказку и тут же переходят к комическим эротическим песням, причем так поступают даже глубоко религиозные пожилые люди. А. Вокуев пропел Н. Е. Ончукову не только восемь старин, но и песни, «да в большинстве такие, что как-то не вяжутся они с его деловитостью и серьезностью, ни с тем, что он старообрядец и в таких летах, когда его ровесники уже думают о прекрасной матери пустыне»³².

²⁹ Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения». С. 305.

³⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 95; Т. 2. С. 235, 381.

³¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1910. Т. 3. С. 502.

³² Ончуков Н. Печорские былины. Спб., 1904. С. 256.

В Сборнике Кирши Данилова примерно такая же картина, поэтому, например, К. Ф. Калайдович, встречая комические песни, испытывал скорее досаду, чем исследовательский интерес, и он моментально менял позицию ученого на позицию блюстителя правил благопристойности своего времени и обнаруживал в Данилове не народного поэта, которым только что восхищался, а морально нечистоплотного человека: «Данилов писал более для людей необразованных, поэтому у него много фарсов, пел не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей, посему-то он пренебрегал умеренностью и правилами благопристойности... певец наш, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаниями о сладострастных вакханках, терял уважение к стыдливости»³³. К. Ф. Калайдович при публикации Сборника исключил из него, во-первых, так называемые скоморошины, во-вторых, по религиозным соображениям не опубликовал «Голубиную книгу» — она показалась ему «неприличною по смешению духовных вещей с простонародным рассказом»³⁴. Всего К. Ф. Калайдович вывел из Сборника десять юмористических и сатирических произведений, и эпос Данилова сразу стал каким-то причесанным, дисквалифицированным.

Последовательность песен в Сборнике свидетельствует, что отношение Данилова к эпическим жанрам не имеет ничего общего с отношением фольклориста-собиранья, что Данилов располагает песни, не руководствуясь научной идеей. Он открывает свой сборник былинной о Соловье Будимировиче, за ней помещает веселую скоморошину про гостя Терентища и его похотливую жену Авдотью Ивановну, затем следует снова былина о Дюке Степановиче и две исторические песни «Щелкан Дудентьевич» и «Мастрюк Темрюкович»; от них певец переходит к древнейшей былине «Волх Всеславьевич», полной языческих реминисценций и представлений, и тут же дает разухабистую песню «Сергей хорош», где герой, возвращаясь с пирушки, устроенной ради него гостиной женой Кристиной, застаёт свою супругу в объятиях любовника. А после этой комической песни Данилов снова начинает: «Во стольном городе во Киеве...» — пошла былина «Иван Гостиной сын»... Если не делать никаких натяжек и в таком же плане рассмотреть весь состав Сборника, то окажется, что Данилов смело переходит от древней величавой истории к житейским историям, его ничуть

³³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. М., 1818. С. 28.

³⁴ Там же. С. 29.

не смущает соседство песен героических и комических, наоборот, он к этому стремится.

Кирилл Данилов все-таки группирует песни: дает подряд две-три или три-четыре песни одного жанра, у него даже есть одна группа, состоящая из двенадцати «старин». Однако эти группы находятся в общем разножанровом потоке и не выстраиваются в последовательность, присущую фольклористическим собраниям. У Кирилла Данилова, как у настоящего эпического певца во время исполнительского процесса, скорее жанровая непоследовательность возведена в принцип, хотя она непременно сочетается с группировкой одножанровых произведений (одножанровых — с точки зрения самого певца).

Закономерно, что у эпического певца одножанровые группировки находятся в разножанровом потоке, но закономерно и то, что такой поток имеет свою субстанцию — то, что делает его собственно эпическим — это преобладание эпических песен: былин, исторических песен, эпических комических песен, духовных стихов.

В Сборнике Кирши Данилова не только преобладание жанра эпических песен, но и преобладание одножанровых песенных группировок. Былины помещаются главным образом в первой половине Сборника, они идут под № 1, 3, 6, 8—11, 15—26, 28, во второй половине — № 47—50, 57, 68, а если учесть, что Данилов фактически не разделяет былины, баллады, исторические песни XIV—XVI веков, они для него все — старины, тогда преобладание группировок оказывается более внушительным: № 1, 3—6, 8—11, 13—23, 25—26, 28, 30, 40, 45, 47—51, 57, 68. Комические песни расположены под № 2, 7, 27, 38, 42, 46, 55-а («Во зеленом садочку»), 56, 58, 61—63, 65—67. Главным образом во второй половине Сборника расположены и немногочисленные песни других жанров. Получается, что между «старинами», комическими песнями и песнями других жанров установлено противоречивое единство: они контрастируют, перебивают друг друга, как бы борются, певец после серии былин переходит к комике; проза, речевой ритм соприкасаются с поэзией, музыкальной интонацией, если учесть, что ряд песен имеет явные прозаизмы; сопрягаются разные темы и герои, историческое и повседневное. И все это не превращается в бессистемное мелькание проблем, персонажей, жанровых форм, ритмов, потому что преобладание группировок (и отдельных «старин») постоянно поддерживает эпическую тональность, эпопейное мироощущение, жанровую определенность.

Если современные теоретики фольклора относят комические

эпические песни к разряду второстепенных, периферийных³⁵, что и отражается в композиции эпических сборников и антологий (их место всегда только в конце!), то Кирилл Данилов не устанавливает иерархии среди эпических песен. Они для него все значимы, поэтому в его Сборнике пародия «Агафонушка» находится в окружении былин «Царь Саул Леванидович» и «Садко богатой гость», скоморошья песня «Из монастыря Боголюбова старец Игренищо» «обрамлена» исторической песней «Никите Романовичу дано село Преображенское» и былинной «Садков корабль стоял на море»... Если Данилов сначала помещает «Свиньи хрю, поросята хрю», а потом «О Стеньке Разине», то, следовательно, можно считать, что он уравнивает ценность комической эротической песни и исторической песни о знаменитом вожде народного восстания. Для нас, воспитанных на иных историко-культурных традициях, это вещь невероятная, чуть ли не кощунственная. Поэтому никто из современных собирателей, составляя фольклорный сборник, не будет придерживаться именно такой последовательности, во всяком случае, не поставит комическую песню перед исторической. А Кирилл Данилов относится к этому вполне спокойно, и здесь проявляется не примитивизм мышления, не социальный инфантилизм, но своеобразная духовность народного певца.

Кирилл Данилов обращается с песнями не как классификатор, а как художник: с их помощью он познает и воссоздает многоликую и противоречивую жизнь. Он ощущает потенциальную силу и возможности каждого жанра, традиционные песни для него суть форма живая, податливая, способная видоизменяться вплоть до приобретения иной ипостаси, если того требует идея. Поэтому Данилов постоянно контаминирует разные жанры, привносит элементы, мотивы, сюжетные фрагменты и даже целые сюжеты одного жанра в другой. Он может свободно контаминировать песню и предание, вообще передать в песенной форме известную ему историческую информацию; для него не составляет труда сказочный сюжет про набитого дурачка воссоздать в форме песни, мотивы юмористики внести в духовный стих и т. п. Поэтому многие произведения Сборника лишены «жанровой чистоты» и невозможно определить их жанр одним термином. И дело не в терминологической бедности современной фольклористики — таков материал Сборника. Не случайно, например, Б. Н. Путилов прибегает

³⁵ «На периферии эпических песенных жанров стоят пародийные эпические песни... Мы имеем в виду народные пародии типа русских «скоморошин» (Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 137).

к описательности, когда возникает необходимость определить жанр того или иного произведения: «былина-баллада шутового содержания на тему семейных взаимоотношений»; «песня-повесть»; «пример соединения песни и прозаического рассказа»; «произведение, относящееся скорее к жанру эпических духовных стихов (песен религиозного содержания), чем к жанру былин»; «казачья военно-историческая песня лиро-эпического характера» и т. п.³⁶

А когда нужно использовать комические формы, Кирилл Данилов прибегает к всеобщему для народного песенно-повествовательного эпоса закону композиционного контраста. Действие этого закона возможно как в пределах отдельного эпического произведения, так и в границах единичного проявления исполнительства или акта творчества³⁷.

Говоря о функционировании закона композиционного контраста в рамках одного эпического произведения, мы имеем в виду не только обрамление волшебных сказок начальными и финальными комическими присказками, но и обрамление былин комическими запевами и концовками. Последние — важнейшие элементы композиции. Справедливо утверждает Ф. М. Селиванов, что «эпическая композиция — форма бытия эпического человека во всей его эстетической полноте и многомерности», в то же время мы должны объяснить тот факт, что запевы и концовки в былинах не только «акцентируют внимание аудитории на истинности эпического содержания и его значимости в продолжающейся жизни народа»³⁸, но и элементарно осмеивают, по крайней мере, иногда иронически комментируют серьезное эпическое содержание. Когда сказитель былин про Илью Муромца как бы вкладывает в уста старухи, сидящей на печи «да расширь ноги», мы вправе усмотреть здесь определенную дискредитацию всего эпического повествования. Именно с такого юмористического алогизма начал сказитель Е. Зайцев былин про Илью Муромца и Соловья-разбойника:

На печи, печи, на печном столби
Тут сидит старуха да расширь ноги,
Говорит старуха таковы слова:

³⁶ Путилов Б. Н. Комментарий // Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958. С. 594, 599, 605, 613, 620, 629.

³⁷ Подробнее об единичном проявлении исполнительства и акте творчества см.: Блажес В. В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. Свердловск, 1977. С. 19—34.

³⁸ Селиванов Ф. М. Изображение человека в былинах // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 196, 198.

Не все сказители прибегают к использованию комических запевов и концовок, но эпическая традиция «предписывает» соседство комического и героического в эпосе, допускает обрамление серьезного былинного повествования комическими композиционными элементами, поэтому некоторые сказители начинают былину с комического запева и сознательно указывают на него, противопоставляют его собственно былине, именуя ее «старинной», а запев «сказочкой», «прибауточкой», обозначают границу между запевом и зачином: «Да то-де Добрынюшке не сказочка, да теперь старины ево начал пойдет» ⁴⁰.

Применяя его, сказочники сталкивают веселую и часто эротическую начальную присказку и страшную волшебную сказку не только для привлечения внимания слушателей, но и для выделения специфики сказки, причем хорошие сказочники конец инициальной присказки подчеркивают ради четкости контраста: «Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди». Закон композиционного контраста действует и в финале сказки, когда нужно вывести слушателей из сказочного в реальное время ⁴¹, когда необходимо приглушить, нейтрализовать возникшие у слушателей отрицательные эмоции. Одновременно сказочник может продемонстрировать собственное неверие в сказочный вымысел. Поэтому в конце повествования сказочник делает резкий переход от логики к абсурду, то есть от сказки — к присказке. Присказка всегда абсурдна, и это может служить отличием ее от конечных формул, с помощью которых сказочник завершает сказочный сюжет. Например: «повенчали и в палаты помчали»; «веселым пирком да за свадьбу»; «стали жить, поживать» — это обычные финальные формулы; сравните конечные присказки, они абсурдны: «сказке конец, соломенный дворец, во дворце-то пять овец да шестой жеребец. Девка на печку лезет, пуговицы рвутся, сарафаны дерутся...»; «вот у них в огороде был царь Ватута, своих два пупа, вся и сказка тута»; «я там был, пиво пил, по усам бежало, в рот не попало...» Реализуя закон композиционного контраста, сказочник окружает серьезную волшебную сказку развлекательно-потешными, абсурдно-алогичными композиционными противовесами. Страшная волшебная сказка оказывается в своеобразном комическом коль-

³⁹ Онежские былины / Подбор текстов и науч. ред. Ю. М. Соколова. М., 1948. С. 647.

⁴⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 3. С. 116, 118, 217.

⁴¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 233.

це, а в целом возникает противоречивое единство, чреватое мощной эстетической силой.

Былинные прибауточные запевы и концовки, или веселые конечные припевы, как их называл В. Ф. Миллер, отличаются от инициальных и финальных присказок только тем, что абсурдность в них слегка может быть редуцирована, но они подчиняются закону композиционного контраста и, соприкасаясь с былинной, окружая ее, создают атмосферу незлобивой насмешки, легкой ироничности. Как и сказочные присказки, комические запевы и концовки не связаны с сюжетом былины. Будучи исполненными, они создают вокруг былины юмористический контекст, который слегка снижает и одновременно выявляет и оттеняет сущность былины, ее героический колорит.

Сказители могут вместо прибауточного исхода вставлять ради комизма непристойные мотивы⁴². Излюбленным исходом является «Ай, Дунай, Дунай, боле век вперед не знай», с его многочисленными вариантами, в которых иногда исчезает смысл или вводится имя, деревенское прозвище исполнителя; в функции комического исхода может выступать фрагмент эпической пародии или отрывок шуточной песни, в котором, к примеру, сравнивается стоимость животных, людей и вещей: кони — семи рублей, сабли — по пяти рублей, старушечки — по полущечке, девушки — по денежке; иногда в конце былины исполняется даже финальная сказочная присказка⁴³.

Былинные запевы и концовки часто ироничны, поскольку содержат двойственную оценку: сказитель одновременно хвалит толстобрюхих бабенок-пошозерочек и «церковное строенье в каменной Москве», широкие подола пудожаночек и колокольный звон в Новгороде, «сильных, могучих» киевских богатырей и пучеглазых молодок-слобожаночек⁴⁴. Такие запевы и исходы родственны блазонам — жанру народной комики, проанализированному

⁴² См., напр.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 2. С. 209; Т. 3. С. 126; *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. С. 175, 325.

⁴³ См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 639, 684; Т. 2. С. 174, 289; Т. 3. С. 160, 180, 560, 604; *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. С. 97, 132, 151; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. С. 246, 247, 255, 452; Илья Муромец / Подгот. текстов, статьи и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 283, 494; Былины Пудожского края / Подгот. текстов и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 256.

⁴⁴ См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 554, 558; Т. 3. С. 166, 555; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 121, 420; Онежские былины. С. 571.

М. М. Бахтиным⁴⁵. Причем сказители один и тот же запев могут исполнить по-разному: как однозначный, и тогда он дает изображение «широких, бесконечных просторов родной земли, величавой русской природы» и подготавливает слушателей «к повествованию о важных, значительных событиях, к восприятию образов большого, обобщающего значения»⁴⁶ — таков известный запев Кирилла Данилова к былинне «Про Соловья Будимировича» — «Высота ли высота поднебесная...» Однако тот же величавый запев Кирилл Данилов в былинне о Суровце-Суздальце трансформирует в комический путем сопряжения неожиданных разностей: сказитель дает описание прекрасной русской природы и тут же говорит о старлицах-родильницах, о том, что «брат сестру за себя емлет»... В результате возникает ироническое возвеличивание, комическая хвала:

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Непрвския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,
А и быстры реки понизовския.
При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям — родильницы,
Чернецы по дорогам — разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет...

Наконец, тот же запев Кирилл Данилов пародически трансформирует в «Агафонушке»:

Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широкое раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синие море — в лохани вода...

Предварительно подытоживая, подчеркнем, что комический запев или исход — это всегда новый жанровый поворот, новый

⁴⁵ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. 1965. С. 464—466.

⁴⁶ Русское народное творчество. М., 1956. Т. 2, кн. 1. С. 184.

угол зрения на действительность, отраженную в былине. Контрастируя с былинной, комические запевы и исходы вносят мотив легкого осмеяния, легкого снижения былинного повествования и тем самым не дают художественному миру былины «оторваться» от реальной действительности, они как бы заземляют этот идеализованный мир. Эпическая традиция допускает их использование, но не обязывает сказителей всегда прибегать к закону композиционного контраста в пределах отдельного произведения.

Иногда художественная логика диктует соотношение историко-героических и комических песен в процессе исполнения и тогда мы сталкиваемся с функционированием закона композиционного контраста в пределах акта творчества. Кирилл Данилов, об этом мы уже говорили ранее, также использует закон композиционного контраста: между песнями о былых героических подвигах, богатырских поединках он вставляет скоморошины, пародии, шуточные небылицы. У него комическое — это та половина, без которой нет целого.

Если рассматривать комические песни не изолированно, а в системе исполнительского контекста сказителей, то можно заметить, что с их помощью устанавливается определенное равновесие, так сказать, идеального и материального. Очевидно, что народный эпос, будь он лишен комического в его разнообразных формах проявления, приобрел бы догматический колорит, стал бы тяжеловесно-скупноватым, но этого нет, потому что сатира и юмор органичны в народном эпосе, сатира — одно из средств «выражения основной идеи героического эпоса»⁴⁷. А. М. Астахова писала: «Приемы сатирического и юмористического изображения былина использует и при создании художественного образа некоторых богатырей (Алеша Попович, Чурила). Обличаются и высмеиваются их недостатки и слабости. Оттенки в их сатирическом освещении различны в зависимости от общего их положения в эпосе. Чурила, представленный обычно как придворный богатырь, как герой новелл, не совершающий никаких воинских подвигов, подвергается более едким насмешкам, чем Алеша Попович, хотя последний и наделяется многими отрицательными свойствами. Но в глазах народа, несмотря на эти черты, он остается богатырем-воином, защитником родной земли». И еще одно наблюдение: «В былинном эпосе создан ряд ярких комических сцен, рассыпаны меткие, остроумные оценки изображаемого, отдельные сатирические и юмористические замечания. Своих

⁴⁷ Астахова А. М. Сатира и юмор в русском былинном эпосе // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 39.

героев-богатырей народ также наделил юмором, остроумием, иронией, и в особенности самого любимого своего богатыря, воплотившего лучшие национальные качества, — Илью Муромца»⁴⁸.

Представим хотя бы на минуту, что герои русского эпоса страшатся смеха, не способны оценить юмор, и эпос сразу потеряет свою жизненную наполненность, сочность бытия, а герои былины превратятся в благочестивых существ. Былинные персонажи не похожи на последних, потому что народ наделил своих эпических героев умением шутить, смеяться, то есть материальным мироощущением, а если говорить точнее, собственным мироощущением. Подлинные носители эпоса, такие, как Кирилл Данилов, поднимаются до стихийного понимания человека как противоречивого единства высокого и низкого, идеального и материального, что получает отражение в акте творчества сказителя через закон композиционного контраста.

Комическое «ограничивает» гиперболизм, идеальность эпоса настолько, чтобы «не позволить» ему оторваться от действительности, поэтому монументальность эпоса, идеальность его героев удивляют, но не подавляют человека, поэтому человек воспринимает эпос с восторгом, с восхищением, но без раболепного благоговения. Идельный, точнее, идеализированный герой эпоса всегда остается для слушателей «земным», реальным, исторически достоверным, и даже фантастика не мешает слушателям воспринимать эпического героя как деятеля отечественной истории. А. Ф. Гильфердинг писал: «...Мой провожатый слушал былину с такою же верой в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событии вчерашнего дня, правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном. То же самое наблюдение мне пришлось делать много раз»⁴⁹. Далее он продолжает: «Иногда певец былины, когда заставишь петь с расстановкою, необходимой для записывания, вставляет между стихами свои комментарии, и эти комментарии свидетельствуют, что он вполне живет мыслию в том мире, который воспеваешь. Так, например, Никифор Прохоров сопровождал события, описываемые им в былине о Михайле Потоке такими замечаниями: «Каково, братцы, три месяца прожить в земле!», или «Вишь, поганая змея, выдумала хитрить еще», или «Вот подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны кого-нибудь из грамотеев заявляется сомнение, действительно ли все было так, как поется в былине, рапсод объясняет

⁴⁸ Астахова А. М. Сатира и юмор в былинном эпосе. С. 39.

⁴⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 36.

дело весьма просто: «В старину-де люди были вовсе не такие, как теперь»⁵⁰. Последняя фраза точно передает, во-первых, представление сказителей об эпических героях как именно о людях с их силой и слабостью, и во-вторых, передает противопоставление прошлого и настоящего, допускаемое народным сознанием.

В то же время народ совершенно не абсолютизирует прошлое, что опять-таки выражается через комическое: народное сознание не допускает, чтобы «порвалась связь времен». И если сказители с полной убежденностью утверждают, что в «старину люди были вовсе не такие, как теперь», т. е. необычайно сильными, могучими, то те же сказители поют, будто в старину Илья Муромец сражался не только с тьмою поганых, но и с обыкновенным зайцем. Иронизируя и тем самым выражая отрицательное отношение к абсолютизации старины и ее героев, сказители поют, будто «в старые годы, прежние» вообще происходили невероятные вещи, что тогда был, например, не только обычный тусок, но и город Туес, и в нем жила княгиня льдина, а в Петров день она растаяла и не стало в городе управителя и поэтому начался бой золовок с невестками:

А боевыми палками — мутовками,
А вострыми копьями да все веретенами...⁵¹

Пародия выставляет в комическом виде эпического «дородного доброго молодца», того молодца, который в былинах и исторических песнях находится в ореоле славы и уважения, любви и почтения. Здесь же он корыто принимает за большую реку, ездит на чужих дровнях, отбирает у ребятишек хлебные корки... «Психологическая загадка пародирования предметов, пользующихся уважением или благоговением пародиста,— пишет современный исследователь, — заключается в природе юмора. Юмор не таит в себе деструктивного отношения к предмету. Юмористическая пародия не «соблазн греховный» и не проявление вольнодумства... Юмористические пародии в фольклоре не убивают и не дискредитируют жанры... В одних случаях они граничат с комическим использованием традиционных жанров... в других представляют собой шуточную, гротескно-комическую переработку эпического материала»⁵². Соглашаясь с этим наблюдением, подчеркнем, что юмористические эпические песни — это не бездумная забава,

⁵⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 37.

⁵¹ См.: Онежские былины. С. 851; См. также «пародию на старину об Илье и Издолище или на старины об Илье М. вообще» в кн.: Архангельские былины и исторические песни, собранные Григорьевым... Т. 1. С. 433—434.

⁵² Морозов А. А. Пародия как литературный жанр: К теории пародии // Русская литература. 1960. № 1. С. 64—65.

в системе эпоса они суть форма выражения человеческой природы. Ведь в юмористических эпических песнях человек предстает как бы с обратной стороны: если в былинах, исторических песнях изображаются главным образом его общественные дела и поступки, то здесь он нарочито погружен в атмосферу быта, дома, семьи, он весь в своей повседневности, будничности. В этой обыденности оказываются чуть ли не равновеликими все: и эпический богатырь, и безымянный «дородный добрый молодец», и любой другой человек — сам исполнитель или какой-нибудь однодеревенец исполнителя. Поэтому существуют комические песни, именуемые собирателями «пародиями на местных пьяниц». Например:

А было у Васьки у Захарова
Не упито было не ухожено,
Не баско — хорошо было не уношено,
На царев кабак да было сношено.
Кабы Васенька Захаров как домой пришел,
А принес-де-ле он зелена вина,
А как по полу стал Васенька похаживать,
А сухи-де тюни да стал растаптывать,
А затем-де-ле стал да выговаривать:
«Уж вы подьте-ко, сходите нын по Васеньку,
Уж по Васеньку-де нынче по Ханавова,
Вы затем еще сходите по Онику,
По Онисима сходите по Захарова,
Вы сходите по Ераку Большебородова,
Вы сходите по Панка да еще Русого».
Как собрались-де удалы добры молодцы,
Как сидели они, пили целы суточки ⁵³.

Кирилл Данилов, подчиняясь традиции самопародирования, дозволенности комического уравнивания себя с эпическими героями, сочиняет комический экспромт «А и не жаль добра молодца битова — жаль похмельного». Явно дурачась, Данилов сравнивает себя, с больной головой после похмелья, с умирающим на поле брани воином. Б. Н. Путилов комментирует: «Заключительные слова «Замените мою смерть животом своим» обычно встречаются в песнях военно-бытового содержания, где их произносит герой песни: он просит не оставлять его смертельно раненным после

⁵³ Цит. по кн.: *Ончуков Н.* Печорские былины. С. 175. А. М. Астахова приводит другие примеры «местных» пародий. Одна из них возникла, по словам исполнителя, по следующему поводу: «Объелся в деревне Ниже человек молодым и помер. Про него самоскладена старина»; при этом «использовано былинное изображение пира» (Былины Севера / Подгот. текста А. М. Астаховой. М., 1938. Т. 1. С. 297, 625; Т. 2. С. 498, 788). Иногда сказители сочиняли сами про себя, например, В. И. Чичеров отмечает: от сказителя С. А. Башкирова «записана «Небылица» про самого себя» (Онежские былины. С. 223).

сражения. В данном тексте эти слова носят шуточный характер: положение «молодца похмельного» как бы уподобляется судьбе молодца, погибающего от ран»⁵⁴.

Эпические самопародии, как и «местные пародии», судя по собранному материалу, однотипны, но уникальны, так как имели локальное бытование. При исполнительском процессе они выполняли функцию «стыковки» эпической старины, эпического богатырства с крестьянским миром, крестьянской обыденной жизнью. Кирилл Данилов, ощущая необходимость связи высокой героики с комикой, не только сочиняет самопародию, но и мастерски передает обычную эпическую пародию. Его «Агафонушку» справедливо считают классическим образцом народной эпической пародии. Эта пародия начинается с описания боя-драки свекровки и снохи. На драку выбегает поглазеть богатырь. Выглядит он несуразно: с одной стороны, сказано, что он — «сильной-могуч», его именуют ласково — Агафонушка, величают уважительно — Никитин сын, то есть ему придают черты былинного героя, а с другой стороны:

И шуба-то на нём была свиных хвостов,
Болезнью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки,
Сливные коросты — то петельки.

Комизм характеристики, построенной на контрасте величественно-эпического и низменно-бытового, усиливается бездействием Агафона. Если он «сильной-могуч богатырь», то эпическая логика обязывает его вступить в бой, пародия же оставляет его бездействующим: он только «выбежал» на драку женщины и как бы замер, демонстрируя свою пародированную сущность. Он ничего не делает и вместе с тем он действует в том смысле, что его появление с чирьями и коростами привнесло исключительную абсурдность. Собственно, цель пародии достигнута, и допустим элементарный обрыв, но существует и возможность продолжения в плане комического алогизма. Агафон глазаёт на драку, а «ватапоры»... — и следует перечисление срамных действий комических персонажей:

А втапоры старик на печи лежал,
Силу-то смечал, во штаны...
А старая баба умом молода,
Села... сама песни поет,
А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, оне песни поют,
Бездырыя бегут.....
Безносые бегут — понюхивают...

⁵⁴ Путилов Б. Н. Комментарий // Древние русские стихотворения... С. 62¹

Кроме внутреннего сцепления на базе абсолютной абсурдности, здесь есть и внешнее, осуществляемое формулой введения эпических персонажей. И дальше, когда прибежали еще три богатыря, действует тот же двойной механизм сцепления.

Эти «могучие богатыри», у которых «блинами голова испроломана», «соломой ноги изломаны», «кишкой брюхо пропороно» и которые опять-таки никак не проявляют свое богатырство, — они, как и Агафон, просто «выбежали» на драку. Эти персонажи вновь напомнили предмет пародии и сделали возможным продолжение ее на уровне логического нонсенса:

В то же время, в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою
А и среди синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут кряковист дуб,
А на том сыром дубу кряковистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила...

Контаминацию Кирилл Данилов осуществляет в «Агафонушке», как и в настоящей былине, с помощью временных формул, чем сознательно подчеркивается одновременность происходящего в разных местах, и таким образом временной «стержень» оказывается важным структурным элементом. А чтобы придать еще большую устойчивость и четко обозначить композиционную завершенность всего произведения, вводится обычная финальная былинная формула «А и то старина, то и деяние». Наличие перверсивных мотивов в «Агафонушке» не является доказательством двусоставности: фрагменты поэзии комического алогизма подчинены пародийной цели. В «Агафонушке» тот самый случай использования «готовой рамки пародируемого оригинала», о котором писал еще П. В. Шейн⁵⁵.

У Кирилла Данилова есть несколько комических песенных новелл. В первую очередь назовем «Про гостя Терентища», где изложен известный сюжет о лживой и похотливой жене⁵⁶. Здесь комическое передается, с одной стороны, через затейливый сюжет, где движущей силой оказывается ум, находчивость скоморохов, разоблачающих «недуг» купчихи Авдотьи Ивановны, с другой — через несоответствие былинной формы и очевидной бытовой характеристики предмета повествования. Причем у Данилова пес-

⁵⁵ См.: Шейн П. Пародия в народном песнетворчестве // Ежемесячные сочинения. (Литературный журнал И. Ясинского). 1903. № 3. С. 193.

⁵⁶ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барач, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. № 1360.

ня носит подчеркнуто бурлескную тональность: он начинает с обычного эпического зачина, дает былинное описание купеческого двора, затем — гридни: «покрыта седых бобров, потолок черных соболей, а и матрица-то валженная, была печка муравленая, середя была кирпичная...» — и далее через прием ступенчатого сужения певец доводит описание до... «недуга», и здесь выясняется, что певец пародийно использует былинную форму. А. А. Горелов обнаружил около десяти текстовых совпадений у «Гостя Терентища» с другими былинами и историческими песнями Сборника. Например, «описание гридни Терентия совершенно совпадает с описанием двора Ставра и Чурилы в былинах «Про Ставра-боярина» и «Чурила Пленкович», совпадают расспросы о пропавшем герое, описание кровати слоновых костей с былинной «Про Соловья Будимеровича» и т. п.»⁵⁷ Таким образом, кроме всего прочего, выдерживание былинного стиля в рассказе о купеческом «недуге» и его лечении «червлёным вязом», «дубиной ременчатой» позволяет видеть в жанровом облике этой песни типичный бурлеск.

Песенную новеллу «Из монастыря Боголюбова старец Игренищю» Б. Н. Путилов относит к числу «блестящих образцов скомошьей песни»⁵⁸, Д. М. Балашов — к числу юмористических и сатирических баллад⁵⁹, но перед нами опять-таки бурлеск. Колоритна фигура главного героя: он монастырский старец, т. е. вроде бы немощный, дряхлый, но он — Игренищю! Это прозвище, по предположению В. И. Чернышова, «связано с названием масти лошадей: игрений — рыжий» и с названием рыжих лошадей — игренка, игренчик⁶⁰. Прозвище, конечно, передает нечто сильное, «лошадиное», поэтому «старец Игренищю» воспринимается как поэтическо-смысловой оксюморон: старец-конь, старец-жеребец. В этом лукавом прозвище обыгрывается нерастрченная сила монаха, которая проявляется, как только он остается один на один с девушкой-поварихой. Игренищю показан как хитрый и сильный мужик: он хитроумно пронес в свою келью девушку, усыпил бдительность сборщиков пошлыны, пообещав всем им подарки. А сборщики оказались и глуповаты, так как не поняли иносказательного смысла его обещаний, и слабоваты, так как он спокойно одолел каждого в отдельности. В русском фольклоре

⁵⁷ Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кириши Данилова // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 173—174.

⁵⁸ Путилов Б. Н. Комментарий // Древние российские стихотворения... С. 452.

⁵⁹ См.: Народные баллады / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 413.

⁶⁰ Русская баллада / Предисл. ред. и примеч. В. И. Чернышева. Л., 1936. С. 448.

хитрый и сильный человек, не приносящий общественного зла, всегда овеян симпатией. Старец Игренищо не составляет исключения, хотя он монах. Поскольку забавная история похищения девушки монахом и его борьба со сборщиками дани передается былинным слогом и средствами былинной поэтики, то фигура старца приобретает эпический оттенок, а все повествование в целом — жанровую ипостась бурлеска. К примеру, только в бурлеске обычное избиение может выглядеть, как в былине:

А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища...⁶¹

Народная мораль сочувственно относится не только к монаху, практически отвергающему идею аскетизма, но и к монашке, поступающей подобным образом. Правда, такой монашкой в песне «Чурилья-игуменья» оказалась женщина не из «простых», а «царская богомольница», «княженицкая племянница» Стафиды Давыдовны. Она заперлась с пономарем Иваном в своей келье, когда все монашки ушли вместе с игуменьей к заутрене. Но монашки догадались, почему отсутствует «княженицкая племянница» и рассказали игуменью, а та послала дьяка Федора в келью к Стафиде... — такая веселая сама по себе история, случившаяся в Благовещенском монастыре, опять-таки повествуется величавым былинным слогом:

Да много было в Киеве божьих церквей,
А и больше того почестных монастырей,
А и не было чуднея Благовещения Христова...

Смешно выглядит игуменья. Д. М. Балашов на этот счет пишет: «Выход «лисы» Чурильи к заутрене комически сопоставляется с нашествием Батыги или Калина-царя на Киев»⁶², имея в виду описание:

⁶¹ Д. М. Балашов справедливо пишет, что комизм усилен тем, что действие происходит во время великого поста, поэтому старец и просит сугубо постной пищи:

Пришел-та старец под окошечко
К человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белая,
А и той свеклы красная.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия...

(Народные баллады. С. 413).

⁶² Народные баллады. С. 413.

Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-та Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.

В песенной новелле «Сергей хорош» Кирилл Данилов не выдерживает полностью жанровый канон бурлеска. Здесь только зачин содержит приметы эпического стиля: сначала идет обращение к «дворянам» с просьбой благословить «про Сергея-то сказать», который именуется как настоящий герой — Сергей Борков сын Федорович, затем нарочито уточняется, что «не сергеевский Сергей, не володимирский Сергей», но далее вдруг говорится, будто живет он «у попа во дворе в приворотной избе», и становится ясно, что зачин этой песни «пародирует зачин исторических песен» с их тягой к исторической точности, обстоятельности⁶³. Пародийность зачина становится еще более ощутимой в дальнейшем, потому что Сергей, заявленный как эпический герой, оказывается обычным фольклорным дурачком: возвратившись от купчихи Кристины, он застает свою жену в объятиях «чужого мужика»... Сергей «мужика испужал, а мужик побежал, на повесть скакнул, он повесть обломил и скотину задавил»: быка, овцу, семерых поросят. И расплакался Сергей: если бы попозже пришел, то повесть была б цела, скотина жива и жена весела.

То же самое можно сказать о сюжетной песне «Усы, удалы молодцы», в которой тема нападения разбойников на богатого мужика разработана в юмористическом плане. Б. Н. Путилов, комментируя эту песню, пишет, что «начало напоминает песню о разинском сынке, речь атамана выдержана в манере пародии на выступления атамана в исторических песнях»; здесь еще появляется сын крестьянина, болтливый дурак, которого Усы шутя обещают «в есаулы взять»; и «в результате усиления шутливо-забавных мотивов собственно разбойничья тема в песне оказалась несколько притушенной, зато усилены мотивы обличения богатого крестьянина»⁶⁴.

Редко Данилов прибегает к иносказательности в песенной новелле. Герой песни «Кто Травника не слыхал» аллегоричен: Травник — это щеголь-неудачник, постоянно попадающий впросак. Летал он к Потанькиной, видимо, жене, но Потанька поставил «плужок под окошко к себе на лужок» и Травник попался

⁶³ Народные баллады. С. 413.

⁶⁴ Путилов Б. Н. Комментарий // Древние российские стихотворения... С. 458—459.

в плужок да «едва вырвался»; полетел он в Москву, но и там не повезло, вернулся к жене и тесть примерно наказал зятя. Аллегоризм помогает создать образ легкомысленного, невезучего любителя веселых походов, «но песня содержит и критическое изображение тех порядков, при которых Травника все бьют, сажают его в тюрьму, берут с него деньги»...⁶⁵

Известно, что некоторые плясовые шуточные песни строятся как приглашение кого-либо к пляске с последующим припевом, состоящим из набора бессмысленных тавтологических повторов или из набора иноязычных слов и выражений, — подобный контраст порождает шутливость и одновременно служит композиционным приемом. Все сказанное относится к шуточной песне «Там на горах наехали бухары», где в русский лексический поток вставлены, как считает А. А. Горелов, польские, бурятские, татарские, еврейские слова, а в припеве — валахтантарарахтарандаруфу — частично можно видеть «искажение бурятских слов в русских устах и в русской орфографии XVIII века»⁶⁶.

В Сборнике есть еще три юмористических песни, в которых разрабатывается традиционная для народной комики тема тещи и зятя: «Ох горюна, ох, горю хмелина», «У Спаса к обедне звонят», «Теща ты, теща моя», и, наконец, две шуточно-небыличных песни с элементами простонародной эротики: «Свиньи хрю, поросята хрю», «Стать почитать, стать сказывать». Про них Б. Н. Путилов пишет: «Как художественное целое эти произведения просто не существуют (в них нет даже сколько-нибудь законченного и ясного сюжета), но в них можно обнаружить отдельные зерна истинно народного юмора, меткость характеристики и т. д.»⁶⁷. Думается, правильнее считать отсутствие сюжета в подобных песнях вполне правомерным, сама природа таких «сборных» шуточно-плясовых песен предполагает ради комизма контаминацию мотивов, фрагментов других песен, даже частушек.

Итак, видно, что Данилов знаком с разными жанрами народной комики: шуточной песней, пародией, небылицей, бурлеском и т. п. — в них можно увидеть второсортность и отнести их на «периферию эпических жанров», что и делали ученые, начиная от К. Ф. Калайдовича и кончая некоторыми современными фольклористами. На наш взгляд, комические песни суть формы передачи неукротимых ритмов бытия, его яркости, сочности, многообразия,

⁶⁵ Там же. С. 459.

⁶⁶ Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кириши Данилова // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 192.

⁶⁷ Путилов Б. Н. Комментарий // Древние российские стихотворения... С. 401.

материальности. У Данилова идеалом оказывается именно бытие. Эта материальность мироощущения объясняет наличие комических мотивов в былинах. С ними мы встречаемся в былинах «Про Соловья Будимировича», где осмеивается «голый щап Давыд Попов», в былинах «Три года Добрынюшка стольничал», в которой Змей Горыныч, увидев обнаженную саблю Добрыни, бежит, «хвост поджав», в былинах «Первая поездка Ильи Муромца в Киев», где от свиста и шипа Соловья-разбойника не только Владимир и бояре, но и богатыри от страха по двору ползают на карачках и среди них, так сказать, цвет русского богатырства: Самсон Кольванович, Сухан-богатырь сын Домантьевич и даже Святогор. Примеры можно было бы продолжить, скажем только, что даже драматический исход действия иногда не останавливал Данилова перед тем, чтобы исполнить юмористическую концовку и придать новое звучание всему произведению.

Повествование об отравлении и безвременной смерти Михаила Васильевича Скопина певец завершает мажорно: «То старина, то и деянье... как бы добрым людям на послушанье... веселым молодцам на потешенье». Кажется алогично, жестоко: песня о гибели совсем молодого человека, о горе матери и вдруг — «на потешенье», поэтому некоторые исследователи видят здесь скоморошью переделку. Конечно, следы скоморошья припевки ощутимы, однако следует обратить внимание на то, что в данном контексте «веселые молодцы» их «потешенье», мотивы «меда, зелена вина, пива» говорят не о скоморошья беззаботности, не о бездумной потехе, а утверждают силу жизни, бытия. В результате смерть Скопина и финальное потешенье молодцев, контрастируя, создают двуединый образ — смерть и жизнь неразрывны, одно в другом, одного нет без другого. Песня о трагическом эпизоде истории оказывается также «привязанной» к жизни, современной певцу, нынешним «добрым людям», «хозяину ласковому», то есть слушателям. Сам же певец выглядит не потешником, выпрашивающим угощение, а эпическим повествователем, ощущающим историю как часть текущей жизни.

Материальность мироощущения Кирилла Данилова объясняет уместность юмористических тонов даже в духовном стихе «Голубиная книга», где Адам с Евою на «Фаор-горе кричат-ревут зычным голосом», а оказавшись перед Христом, закрывают «соромы ладонцами». Поэтому и в «Сорока каликах» Касьян, напоминающий агиографического героя, умеющий творить настоящие чудеса, вместе с другими паломниками кричит таким голосом, что «с теремов верхи повалилися», в погребах «питья сколыбалися», под князем Владимиром конь «окарачелся», а богатыри с коней попада-

ли — испугались. Их испуг вызывает улыбку певца и слушателей:

А Спиря стал постыривать,
Сема стал пересемывать.

Сказанное выше не означает, что Кирилл Данилов все общественно и государственно значимое стремится перевести в комический план, юмористическую тональность. Он готов это сделать лишь в том случае, если это диктуется идейно-художественной необходимостью и допускается народнопоэтической традицией. Здесь главное — чувство меры и Данилов его имеет. Излагая в традициях народного юмора «великий грех» Адама и Евы, их изгнание из рая, Данилов вполне серьезен при освещении основной темы духовного стиха «Голубиная книга». То же самое можно сказать о «Сорока каликах». Он может иронизировать над старцем из монастыря Боголюбова, похищающего девушку-чернавушку, над недалекими «ребятами десятильниковыми», он может осмеять монастырские порядки в «Чурилье-игуменье», но его смех не касается божественной силы, святых, христианских догматов и установлений.

Таким образом, можно констатировать, что Кирилл Данилов не создает хронологически упорядоченной картины исторической действительности, что его интересует не только история. Как типичный носитель эпоса во время акта творчества Кирилл Данилов делает неожиданные с нашей точки зрения, но обусловленные народнопоэтической традицией проблемно-тематические перепады, сближения эпох, соотнесения событий и героев, и у него возникает эпопейное повествование, не имеющее, как и действительность, жизнь, вообще бытие, строго очерченных границ.

Народы и личности, жизнь и смерть, война и мир — вот что интересует Кирилла Данилова как эпического певца. Эпическая форма предоставила ему возможность свободно обращаться с многообразием лиц, событий, и он, интуитивно ощущая содержательность, миросозерцательный характер эпической формы, успешно использует предоставленную свободу. История, «старина», хотя и изображаются им как седая давность, в то же время бессознательно ощущаются как органическая часть жизни, протекающей в настоящее время. Поэтому он внимателен к истории своего народа, отдает должное историческим событиям и личностям, но для него важны и размышления бедняка, тоска солдата по родине, веселье разбитного парня и другие человеческие чувства, поступки, побуждения. С поражающим нас простодушием он переходит от исторически-значительного к комическому, обыденно-повседневному. Он сопрягает общее и частное в единое напряженное целое.

Как эпик Кирилл Данилов ощущает мир во всей его сложности и противоречивости, он пытается «общее обнять и человека», но, повторяем, о каких бы высоких государственных делах он ни повествовал, как бы ни «возносился мыслью под облака», у него все-таки всегда остается ощущение жизни как таковой. Перед нами абсолютизация бытия, которая, кстати, вообще характерна для народного мировосприятия.

Разумеется, когда Кирилл Данилов инкорпорирует в ряд исторических или былинно-библейских тем бытовые темы и мотивы, точнее, когда он сопрягает былины, исторические песни с небылицей, пародией, шуточной песней, он выглядит с современной точки зрения странно-наивным. Наше сознание, наш художественный вкус противятся: можно ли высокую эпiku сопрягать с юмористическими, бытовыми прозаизмами? Однако надо учитывать, что наивность Кирилла Данилова — это наивность эстетического порядка. «Наивное как эстетическая категория, — пишет А. Ф. Лосев, — означает не просто недомыслие, не просто неумение разбираться в фактах и принимать черное за белое. Наивное в эстетическом смысле есть действительно оперирование с отдельными фактами, большими или малыми; однако эти факты всегда несут здесь на себе печать больших и глубоких закономерностей жизни, печать того, что обобщает их и выходит из состояния взаимной изоляции. Но наивный субъект не понимает того обстоятельства, что он оперирует не просто с отдельными фактами, но именно с большими и общими закономерностями этих фактов. А так как эпический субъект как раз мало размышляет об общих закономерностях жизни, то это и значит, что эпический субъект есть наивный субъект. Здесь перед нами наивное сознание. Об общих закономерностях жизни оно знает только бессознательно»⁶⁸.

* * *

Мы остановились кратко на всех жанрах и подробнее — насколько позволял репрезентативный материал — на комических жанрах, бытовавших в XVIII веке в среде горнозаводского населения Урала, и можем констатировать относительно народной комики следующее:

1. Традиции народной демократической сатиры XVII века ощутимы в пословицах и поговорках, записанных В. Н. Татищевым на Урале в 30-х годах XVIII века. В них предметом сатирического

⁶⁸ Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960. С. 164.

осмеяния оказываются представители властей, черное и белое духовенство, дворянская служба, барская мораль, причем сатирическая критика дается с позиций человека труда. Историки отмечают, что русский абсолютизм в XVIII веке придавал большое значение законодательству как средству идеологической обработки масс. «Народу внушалось, что подчинение законам — основа его благосостояния, что политика государственной власти определяется законами, что она равно печется обо всех своих подданных»⁶⁹. Но на практике все выглядело иначе. Мастеровые и работные люди, притесняемые заводчиками и местными властями, требовали восстановления законных прав, подавали индивидуальные и коллективные челобитные — кстати сказать, даже в начале XIX века их подача на имя царя приравнивалась к волнениям — и, как правило, челобитные оседали в архивах государственных учреждений⁷⁰. Поэтому в среде горнозаводского населения бытовали сатирические пословицы, присловья о несправедливом суде, о несовершенных законах, о взяточниках-судьях: «за волосы свидетеля тянут»; «за малое судится — большее приложит»; «судейские ворота не всегда отворятся без серебра»; «где сила владеет, тут закон уступает»⁷¹. То же самое в XIX веке: «в земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде — крючки»; «закон что дышло: куда повернул, туда и вышло»; «судья суди, а за судьей гляди»; «судья, что голодное брюхо, — молча просит»⁷². Скорее к XVIII веку относятся пословицы и поговорки о каторжных, работавших на Екатеринбургском монетном дворе. В них с едкой усмешкой обыгрывается как «царево подаренье» клеймо «СК» на спине рабочего — ссыльно-каторжный. Эта аббревиатура иронически «расшифровывалась» как «сукин кот»: «сукин кот на спину сел», «сукин кот да сукин кот, а того не ведают, что царево подаренье», иногда оно иронически называлось «царским орлом»: «с монетного двора на площади царского орла получил»⁷³. Разумеется, вера в царя, в силу царской власти была непоколебимой в среде мастеровых и работных людей, и тем не менее они позволяли себе насмешливо обыгрывать «царскую» тему в пословицах, имевших общерусский

⁶⁹ Черкасова А. С. Челобитные мастеровых и работных людей как исторический источник по истории положения и классовой борьбы трудящихся Урала // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 19.

⁷⁰ См. об этом: Там же. С. 16.

⁷¹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. С. 50, 53, 63, 64.

⁷² Дореволюционный фольклор на Урале. С. 8, 9, 19.

⁷³ Там же. С. 18, 19.

характер «до бога высоко, до царя далеко», «жалует царь, да не жалует псарь»⁷⁴.

2. Бытуют комические песни, отражающие страшную жизнь рабочих людей, в частности, повествующие о том, как на уральских заводах вешают, заковывают в кандалы, бьют батожем, морят голодом, но обо всем этом поется «по-дурацки», от лица бездельника-скомороха, который прикидывается предельно глупым и тем самым веселит честной народ. Иными словами, в фольклоре горнозаводского населения еще частично сохраняется традиция древнерусского смеха, одна из функций которого, как пишет Д. С. Лихачев, от лица глупца «обнажать, обнаруживать правду»⁷⁵.

3. Некоторые черты поэтики искусства «разумных дураков» присутствуют в песнях Сборника Кириши Данилова, в частности, в концовках былины «Дюк Степанович», исторической песни «Михайла Скопин», в песне «Да не жаль добра молодца битого — жаль похмельного» и некоторых других. Но в целом Кирилл Данилов находится вне традиции искусства скоморохов, смешавших как бы своей собственной глупостью. Он — эпический певец, а не скоморох-потешник. Фольклористы обычно рассматривают эпического певца как исполнителя былин, исторических песен, духовных стихов. Но подлинный носитель эпоса, если его не корректируют собиратели, всегда не просто поет известные ему былины или исторические песни, а стремится создать эпическую картину мира. При этом он использует преимущественно былины, духовные стихи, исторические песни, иногда богатырские сказки, другую историческую информацию, хранящуюся в форме преданий, сказаний, и, конечно, комические жанры. Во время акта творчества эпического певца смысл выражается не только исполняемыми произведениями, но и системой реплик, пояснений, а также тем, какому жанру отдано временное предпочтение, соотношение жанров, характером переходов от одного произведения к другому, длиной интервалов между песнями сходной тематики и одной жанровой принадлежности, то есть порядок песен и паузы между ними имеют смысловой и структурообразующий характер. В целом последовательность произведений, способ их группировки, дискретность, протяженность — существенные свойства акта творчества.

Чтобы использовать комическое при создании эпической картины мира, Кирилл Данилов, как и другие певцы, прибегает к закону

⁷⁴ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 10.

⁷⁵ Лихачев Д. С., Панченко А. М., «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 20.

композиционного контраста. Этот закон — всеобщий для народного песенно-повествовательного эпоса. Он действует в пределах отдельного эпического произведения — когда певцы «обрамляют» былины комическими запевами или концовками, а также в пределах акта творчества, когда певцами сознательно сталкиваются былины, исторические песни, баллады, духовные стихи с комическими песнями. Со-и противопоставление порождало образность.

Материалы Сборника Кириши Данилова свидетельствуют о бытовании в среде горнозаводского населения комических песен, имеющих различный тематический и жанровый облик. Тематика всех комических песен связана с торжеством ума, находчивости, справедливости, с торжеством радости, земного веселья, с осуждением скупоści, простоватости, зависти, аскетизма. Бытовали бурлеск (типа «Старец Игренищю»), пародии, самопародии, юмористические сюжетные и бессюжетные песни, шуточно-небыличные песни, насыщенные мотивами простонародной эротики.

4. Среди работных людей были критически мыслящие остро-словы: вспомним еще раз рабочего Полевского завода Петра Ушакова, который в 1751 году был бит батошкой за то, что «написал углем личину и пустые враки». От таких рабочих XVIII века тянется нить к рабочим-сочинителям первой половины XIX века, о которых Н. Берви-Флеровский писал, основываясь на устных рассказах-воспоминаниях: «Дерзкие памфлетисты и сочинители подвергались, как говорит молва, в особенности в прежнее время, не только наказаниям, но и жестоким истязаниям. Про одного сочинителя-памфлетиста рассказывают невероятную вещь, уверяют, будто бы его наказывали, пока он съел свое произведение»⁷⁶. Памфлетиста, очевидно, били, пока он не съел свое сочинение. Подчеркнем, что Н. Берви-Флеровский пишет о «памфлетистах и сочинителях» из среды уральских горнорабочих. Еще один случай, имевший место в 1836 году на Чермо́зском заводе, сообщает А. А. Савич: «Окончившие местную приходскую школу Алексей Третьяков, Иван Вас. Баканин и Федор Егор. Лодейчиков составили пародию на какую-то оду Державина, в которой высмеяли свирепого заводского полицмейстера Василия Наугольных, за что в свое время были биты нещадно»⁷⁷. Разумеется, ода Державина

⁷⁶ Берви-Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб, 1869. С. 324.

⁷⁷ Савич А. А. Тайное «Общество вольности» на Чермо́зском (Лазаревском) вотчинном заводе 1836 года // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 29—43; См. также: Фольклор фабрично-заводских рабочих: Статьи и тексты / Под ред. П. М. Соболева. Смоленск, 1934. С. 69.

была использована лишь для пародирования формы. Главное в том, что молодые сочинители осмеяли заводского полицмейстера — перед нами один из ранних примеров узколокальной сатиры. Бросается также в глаза, что и в XVIII, и в первой половине XIX века одинаково жестоко наказывали местных «сатириков».

Эти факты дают основание считать, что в первой половине XIX века появляются сатирические произведения рабочих в виде письменных сочинений, «ориентированных» на литературу, иными словами, эти сочинения создаются как литературные, хотя, может быть, в них и было ощутимо влияние фольклорной поэтики. Это второе русло народной сатиры, а первое русло — устнопозитическое, традиционное, идущее из XVIII века. Все народные «сатирики» мыслили в формах социально-нравственного опыта своей среды, поэтому их сатирическое слово находило живой отклик в этой среде.

Глава II

ЮМОР И ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ

§ 1. Юмористические песни, «наговоры», присловья в трудовом процессе (спешка и сплав железных караванов)

Продукция всех уральских заводов вплоть до XX века отправлялась по рекам раз в году в специальных плоскодонных барках — коломенках и полуколоменках. Сплав барок обычно занимал до Перми — 6—10 суток, Казани — 27—30, Нижнего Новгорода — 45—48, Астрахани — 75—80, Петербурга — до 140 суток. Основной транспортной магистралью была Чусовая, которая поднимала до 70% всех отправляемых грузов, остальные 30% приходились на Косьву, Вишеру, Ай, Инзер, Уфу, Юрюзань, Катав, Сакмару, Белую. Почти все население прибрежных поселков этих рек было занято постройкой коломенок и их сплавом, кроме того, заводчики нанимали тысячи сезонных рабочих, например, только на Чусовой армия наемных рабочих достигала ежегодно в конце XIX века 20 тысяч¹. Такой способ транспортировки промышленной продукции для второй половины XIX века был уже устаревшим, поэтому В. И. Ленин назвал его примитивным², подчеркнув тем самым отсталость промышленности Урала. Но для решения наших задач это благодатный материал, поскольку к концу XIX века, как отмечают историки, сплав сохранился примерно таким, каким он был столетие назад.

Известно, что в промышленных городах и поселках Урала был обычай с приходом весны устраивать маевки: в воскресные дни группы жителей уходили в окрестный лес, на речку, устраивали чаепитие, игры, пели песни, иногда это были группы семейные с детьми, иногда мужские, иногда смешанные молодежные. Позже, в первые годы XX века, в связи с развитием революционного движения, маевки во многих заводах приобретают характер тай-

¹ О сплаве писали очень многие историки, краеведы, назовем лишь несколько последних работ: *Бойко Ф. И.* Из истории горнозаводского транспорта на Урале // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 40—52; *Сутырин Б. А.* Из истории судоходства по реке Чусовой в XIX веке // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1964. С. 18—43; *Он же.* Караваны казенных заводов Урала первой половины XIX века // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. С. 62—78.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 488.

ных сходок, социал-демократических собраний — о них пойдет речь в дальнейшем, а сейчас имеются в виду маевки, бывшие формой воскресного отдыха рабочих, их встречи с обновленной весенней природой. Эти заводские маевки не имели строго закрепленных дат и проводились в конце апреля — в мае, когда весна полностью набирала силу³. Но в чувовских поселках жители вместо нескольких апрельско-майских маевкок устраивали один праздник. Еще в середине XIX века существовала традиция отмечать приход весны до отхода железного каравана: «Устраивались качели и скакульки, разбивались палатки, водились хороводы, раздавались звуки балалаек, и весь контингент пристанского населения проводил около недели так же шумно и весело, как во время пасхи»⁴. Однако авторы, писавшие о сплаве в 70—80-е годы, не упоминают о весеннем празднестве до отхода каравана. Вероятно, в эти десятилетия как праздник утверждается только сам день отплытия.

Отбывал караван по большой воде, через 2—3 дня после ледохода, чаще всего в Егория вешнего — 23 апреля. День был «не престольный» и официально не праздничный, но для рабочих пристаней — самым большим годовым праздником. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: «Весенний сплав для Каменки — праздников праздник, и все одеваются в самое лучшее платье и ставят последний грош ребром...»⁵. В этот день все жители вставали с четырех утра и празднично нарядные шли на берег к баркам. Процитируем дальше Д. Н. Мамину-Сибиряка: «Тысячи четыре бурлаков, как живой муравейник, облепили все кругом, и в воздухе висел глухой гул человеческих голосов, резкий лязг нагружаемого железа, удары топора, рубившего дерево, визг пил и глухое постукивание рабочих, конопативших уже готовые барки... И над всей этой картиной широкой волной катилась бесшабашная «Дубинушка» с самыми нецензурными запевками...»⁶.

Отметим праздничную атрибутику. Яркая одежда жителей, смотревших спишку и погрузку, дополнялась подчеркнуто торжественным нарядом некоторых участников сплава. Особо шегольски одевались косные. «Самое их название,— пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк,— произошло от «косной» лодки, в которой они разъезжают. На всех пристанях они одеваются в цветные рубахи и щеголяют в шляпах с лентами. Собственно косные не исполняют никакой

³ См. об этом: Уткинский завод // Урал. 1897. 16 мая; Нижний Тагил // Урал. 1961. 3 мая; Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 105.

⁴ Карельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале // Русское богатство. 1905. № 11. С. 316.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 5. С. 12.

⁶ Там же. С. 6—7.

особой должности, а существуют по истари заведенному порядку, как необходимая декоративная принадлежность каждого сплава»⁷. Эту декоративность отмечают все, кто наблюдал сплав: «В косной сидят тринадцать смельчаков — двенадцать гребцов и рулевой. Все двенадцать человек в ярко-красных шароварах, фуражки матросские с длинными красными лентами. На рулевом рубашка малинового цвета, тоже кашемировая, лента на фуражке голубая, шаровары красные»⁸, «у косных красные опояски и красные ленточки на шляпах, на опояске белые кисти до колен, а ленточка на шляпе долгая, до половины спины. У съемщиков — синие ленты и синие опояски или зеленые. На косных красные рубахи, на съемщиках — черные»⁹. Замыкал караван спасатель на лодке, который был обязательно в черной одежде — «на солнце блестит жуком».

Праздничный облик железному каравану придавали и другие атрибуты, выполнявшие и декоративную, и отличительную функции: флаги, двух-трехцветные гербы, специальная окраска казенки, на которой плыл караванный и управитель завода. Нос у казенки был всегда выкрашен в цвет своего завода, например, Шайтанский завод красил нос барки в желтый цвет, Ревдинский — в черный; каюты на палубе казенки красились зеленой краской; на носу казенки — цветной флаг, рядом иногда водружался герб, например, у ревдинцев он имел «форму веера — черное с красным»; иногда посреди казенки ставилась мачта с «большим кругом, раскрашенным разными красками, а на палубе стояли три-четыре пушки, расукрашенные лентами»¹⁰. Небольшие пушки местного производства часто стояли на каждой барке; при отходе каравана из пушек салютовали; «когда барки проходили дуга и тысячная толпа приветствовала их, снова раздавались выстрелы»¹¹.

Вообще надо заметить, что небольшие пушки в XIX и даже в начале XX века часто находили применение в будни и особенно часто — в праздники. Стреляли охотничьим порохом или минным, доставая его у рудничных запальщиков. Стреляли в лесу, на глухих покосах, отпугивая от стана медведей; стрельбой у присковых контор отмечали каждый пуд добытого золота; стреляли на именинах состоятельного человека, стреляли даже в «христову заутреню»... И, конечно, обязательно стреляли на народных гуляниях

⁷ Там же. С. 45—46.

⁸ Кореванова А. Моя жизнь // Штурм. 1934. № 5—6. С. 104.

⁹ Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961. С. 57—58.

¹⁰ Кореванова А. Моя жизнь. С. 103—104; См. также: Лахтин В. М. Сплав по реке Чусовой горнозаводских караванов. Одесса, 1886. С. 18—20.

¹¹ ГАСО, ф. Р. —318, оп. 1, ед. хр. 83, л. 67.

и празднествах. Например, в дореволюционном Нижнем Тагиле «самое главное на празднике была стрельба из пушек,— писал местный краевед И. А. Орлов.— Сколько их ставили на обоих берегах заводского пруда, точно сказать нельзя»¹².

Праздничный облик каравану был необходим еще и потому, что он шел навстречу нескольким ярмаркам: Левшинской, Лаишевской, Нижегородской¹³. На чужих ярмарках уральцы также стремились выглядеть своим караваном броско, по-праздничному нарядно.

По традициям того времени праздник без вина — не праздник. И администрация шла на дополнительные расходы, угощая рабочих тремя чарками водки. Первую чарку подносили всем участникам спешки, после того, как последняя коломенка оказывалась в воде, вторую чарку — после загрузки барок и третью — когда все барки выходили из гавани в Чусовую¹⁴. Чарка вина подчеркивала благополучную завершенность того или иного этапа работы, и каждый рабочий, выпивая чарку, ощущал себя причастным к всеобщему труду. Кроме того, вино поднимало настроение и, хотя выдавалось строго по норме, вносило в нелегкий трудовой процесс колорит праздничного пира.

Спешка (спихивание, сталкивание) построенных барок в реку открывала главный этап празднично-трудового дня, и сразу звучала артельная песня сплавщиков. В 1960 году автору этих строк пришлось беседовать в г. Усть-Катаве Челябинской области с 83-летним Т. Т. Кувайцевым, который сам в молодости был сплавщиком. Он рассказывал, что в Катаве последними запевалами были братья Шатовы. Один из них, чаще Иона Шатов, залезал на нос барки и, дождавшись тишины, запевал:

Эй! Давай, давай сюда,
Размещайся кто куда,
Барку на воду посадим
И в поход ее снарядим.
Чтоб счастливым был поход,
Чтоб вернулся весь народ
И за праздничным столом
Встречали брагой и вином!
Наша сила двинет и пажмет,
Барка на воду скакнет,
А караванному и лоцманам
Поднести по чарке нам.

¹² Нижне-Тагильский краеведческий музей, ф. 5, оп. 1, д. 11, л. 7. Далее: НТМК.

¹³ См.: Из хроники // Урал. 1906. 12 апр.

¹⁴ ГАСО, ф. Р. —318, оп. 1, ед. хр. 83, л. 66—67.

Эй, старушка, божья мать,
Помоги нам барку снять,
Эй, вы, други, иди плотней,
За шесты берись дружней!

Подготовься, подловчись,
Кто шестом, а кто плечом,
Эй, давай, давай, давай,
По-ти-хонь-ку на-чи-най
Да ухнем!¹⁵

Эта песня была своеобразным призывом и благопожеланием. В ней звучала уверенность в силе рабочих — иронически выраженная просьба о помощи, обращенная к богородице: молодая красивая женщина именуется старушкой. Таков был торжественно-комический «запев» праздника.

Затем в течение нескольких часов, пока шла спишка и загрузка барок, звучали артельно-трудовые песни.

Эти песни звучали не только на сплаве, но и в заводских складах, цехах, на строительных площадках — везде, где требовались подъем, перемещение габаритных или тяжеловесных деталей, конструкций. Широкое бытование артельно-трудовых песен на Урале в конечном итоге было обусловлено избытком рабочей силы и низкой технической оснащенностью предприятий. «На работе сила нужна, ведь механизмов раньше никаких не было. Под «Дубинушку» все робили. Потом, в советское время, начали вводить-вводить механизмы. А то 70 миллиметров толщину зубилом рубили — легко сказать! Лебедки да ваги были — попробуй-ка с ними! Вал из цеха в цех 6—7 человек катили, а гурты острые, чуть — и соскочит. Один раз закатили в канаву нечаянно, так сколько народу собрали, чтобы вытащить. И тащили под песню. Старички были, они знали. Который-то из них запоет: «Дубинушка, ухнем, ух берем! Ух, зеленая, сама пойдет!» А тут еще и матерщину подложит. Для смеха. Я молодой еще был, не запева, это — дело стариков. Все под «Дубинушку». Как без нее?»¹⁶. Это недавно рассказывал нам старый рабочий, пришедший в прокатный цех в середине 20-х годов и еще заставший техническую оснащенность производства такой, какой она была в конце XIX — начале XX века. И главное он выделяет точно: роль песни (той же «Дубинушки» в ее комическом варианте) в организации трудового процесса.

¹⁵ С незначительными изменениями эта песня была записана от другого информанта в 1965 г. башкирскими фольклористами (Ахметшин Б. Г. Традиционные устные рассказы сплавщиков горной Башкирии // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1972. Вып. 2. С. 55—56).

¹⁶ Фольклорный архив Уральского университета, кол. «Н-Уфалей-1987». Далее: ФА УрГУ.

«Дубинушка» была основной артельной песней сплавщиков, не случайно Д. Н. Мамин-Сибиряк поставил припев-возглас из этой песни эпиграфом к своим «Бойцам», имеющим подзаголовок «Очерки весеннего сплава по реке Чусовой», как не случайно Ф. М. Решетников в «Подлиповцах» цитирует ее, описывая спичку: «Дернем-подернем, да раз! ха!» — и двигается барка, а не заплет бурлак этой простой песни — и силы нет». Кстати сказать, Ф. М. Решетников первый отметил организующую функцию «Дубинушки» в трудовом процессе сплавщиков.

Песня задавала и поддерживала рабочий ритм, определяла динамику трудовых усилий артели. Песня приближалась к речитативу, а часто и была им — отсюда уральские названия артельных песен, их исполнителей и исполнения: наговоры, заговоры, наговорщики, приговаривали... «А на барке наговорщики стояли, наговаривали — они заставляли вместе дернуть:

Вот зоренька занялась, да,
Я, младенька, собралась,
Грянем вдруг, да ходом!

Такой приговор требовался... А там вверх по воде вели, так тоже приговаривали:

Караванный-господин
Нам на водку посулил,
Грянем вдруг да ходом!»¹⁷

Иногда «наговаривали» три-четыре человека, а все молча или с кратким восклицанием в нужный момент напрягали силы, но чаще запевал один, а припев-восклицание, состоящий из трех — пяти слов, подхватывали все остальные. Запевала (или наговорщик, распорядчик) — обычно рядовой рабочий, «не обязательно голосистый, но знающий много припевов или складывающий их на ходу»¹⁸. Иными словами, знание производственной ситуации, конкретных способов решения производственной задачи, знание возможностей артели у «распорядчика» сочетались с хорошей памятью, чувством поэтической традиции, способностью к импровизации; это был чуткий организатор, умеющий создать и выдержать ритм трудового процесса. «...Через свой ритм и интонацию, через веками сложившуюся форму-структуру (запев — хоровой подхват) артельная песня позволяет работающим легко регулировать напряжения мышц как по известной каждому команде. Эффективность такой команды-песни чрезвычайно велика: каждый командует и сам себе, и одновременно всем остальным, командует

¹⁷ Предания реки Чусовой. С. 59—60.

¹⁸ Орлов И. А. О работе артелей. — НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 78, л. 2.

даже в том случае, если в данный момент не поет, так как «участвует» в песне своими рабочими мускулами,— пишет А. А. Банин, специально изучавший трудовые артельные песни. —Организирующая функция песни во время артельных работ имела и другую, не менее важную сторону: через характерность музыкальных интонаций и с помощью поэтического текста артельная песня эмоционально воздействовала, вдохновляла людей на нелегкий труд, заражала трудовым задором. Таким образом, артельная песня включалась в процесс работы как необходимая составная часть»¹⁹.

Соглашаясь с этими справедливыми суждениями, подчеркнем, что эмоциональное воздействие достигалось через повтор команд-восклицаний: многократный повтор становился постепенно эмоцией и, кроме того, эмоционально-эстетическое воздействие песни если не всегда, то в подавляющем большинстве случаев было обеспечено комическим началом.

Артельные трудовые песни — преимущество юмористические, причем приемы создания комического в них примерно те же, что и в обычных шуточных песнях, частушках. В трудовых песнях, хотя и встречаются устойчивые куплеты, общие места, однообразные припевы-команды, все-таки основную роль играла импровизация, от которой в значительной мере зависел комический эффект. И поскольку артельную песню вел импровизатор-мужчина, то вполне естественно, что он, ради достижения комического результата, опирался на народно-поэтическую традицию, допускавшую эротическую тематику.

У Татьяны душечки
Груди, как подушечки,
Эх, ра-аз!

Это, пожалуй, один из самых скромных куплетов. Обычно импровизатор обыгрывал фаллические мотивы. Именно это имел в виду Д. Н. Мамин-Сибиряк, когда говорил о бесшабашной «Дубинушке» с «самыми нецензурными запевами». Хотя следует сказать, что в целом, конечно, артельные трудовые песни эротичны, но не сексуальны. И рядом с неприличными комическими песнями были и эвфемистические, смягчавшие прямой смысл грубого или интимного высказывания. В них фигурируют мотивы копра с движущейся чугунной бабой, толстого бревна, забивания сваи и т. п.

Тематического ограничения для импровизаций фактически не существовало. Предметом шутки могли стать все, начиная

¹⁹ Банин А. А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971. С. 63.

от члена артели до лица духовного звания или управителя. Более того, поэтика комических артельных песен предполагает обращение именно к местному факту, к конкретному лицу, будь то караванный, местный богач, кто-нибудь из участников сплава или даже из зрителей. И. А. Широков, работавший в молодости на сплаве, вспоминал: «В припевках пели про подрядчиков, про хозяев, про артельщиков, про проходящих мимо, про попа, попадью. На припевки не обижались»²⁰. Например, на Чусовой пели про косного Агапа:

У Агапа в шапке вши,
Возьми гребень, расчеши²¹.

Спеть про всем известного человека, оттенив какую-нибудь его черту, реальную или выдуманную «для смеха» (и все понимали, что черта именно выдуманная), — все равно что где-нибудь в другой, не рабочей ситуации, но обязательно «на народе» пошутить над ним. Такие припевки по смыслу не отличались от обыденной подначки, бытовой шутки, но поскольку они были рифмованными и пелись, да еще в атмосфере всеобщего весенне-праздничного настроения, то, очевидно, имели заметный успех. Другое дело, что некоторые припевки типа «У нас Ванюшка не весел, что-то голову повесил»²² кажутся лишненными комизма, но, вероятно, импровизатор и все другие знали, что у этого Ванюши вовсе не горе, а совсем другая причина его пасмурного настроения (может быть, болит голова с похмелья, или накануне ввязался в драку и понес ощутимые даже сегодня потери, или что-нибудь в этом роде) — причина, над которой можно публично пошутить. Или, например, сейчас редуцировался комизм припевки «Золотая наша рота тянет черта из болота». На самом деле, здесь рабочая артель иронично уподоблена «золотой роте» — так на тагильских заводах именовали компании праздно шатающихся пьяниц (а совершенно опустившихся пьяниц звали «золоторотыми») ²³.

Запевала обращался к так называемым прозвищным частушкам, причем брал опять-таки местные частушки, и тогда в «наговорах» появлялись тексты, несущие ироническую хвалу: «А за Аничкой березки, тамо девки недоростки» или «Во деревне-то Пшеница по семи рублей девица». Он использовал также шуточные частушки, бытующие в данной местности. При этом частушка разбивалась припевом-восклицанием:

²⁰ НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 78, л. 2.

²¹ Цит. по кн.: Предания реки Чусовой. С. 61.

²² НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 78, л. 3.

²³ Там же л. 2.

В Александровском на рынке
Утонул Иуда в крынке.

Ой, дубинушка, ухнем!
Раззеленая сама пойдет!

Звали, звали на поминки
Добывать Иуду с крынки.

Ой, дубинушка, ухнем!
Раззеленая и т. п.

Трудно сказать, местные духовные лица упоминаются в артельных песнях или нет, но поп, дьякон и члены их семей постоянно являются предметом народной насмешки:

А у батюшки Вавила
Попадья шибко ленива.
Раз еще, берем еще!²⁴

В тех местах, где на сплаве трудились люди разных национальностей, в числе артельных песен были пародии на песни мордвы, чуваш, татар, башкир. С. Пономарев приводит примеры подобных песен²⁵, но неверно их объясняет. К примеру, он пишет: «Про башкир, работающих на сплаве, про их начальное положение и про тоску о родной хате поется такая песня:

Сакмарик — река болина бистра,
Тащить бревна болина толста.
Ай, береvнышко, береvнышко!
Ты скажи моей отца-матерям,
Что я царский служба знаем,
Лопатам землям ковыряем...»²⁶

Конечно, здесь русские сплавщики пародировали не содержание башкирской песни, а ее форму, неумение правильно говорить по-русски. Такие пародии бытовали лишь в двуязычной среде.

Какой-либо тематической последовательности в исполнении комических припевов не было, наоборот, комизм усиливался через тематические перебивы, через неожиданные переходы. Тематико-композиционный контраст был средством выражения комического. Импровизатор мог спеть про подрядчика и сразу про какую-нибудь девушку, пришедшую издалека посмотреть артельную работу: «Приходила гостя дальна из Романова Наталья», или про «модную» девушку: «Ой, у девки платье длинно: из-под платья ноги видно!», и тут же про местного мужика, бывшего капрала, у кото-

²⁴ НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 78, л. 3.

²⁵ См.: Пономарев С. Что поет про себя Приуралье // Северный вестник. 1887. № 12. С. 75—76.

²⁶ Там же. С. 75.

рого «пantalоны с ног упали»... Но после каждого куплета непременно следовала команда-припев про дубинушку²⁷.

Куплетом, предваряющим команду-возглас, могли быть фрагменты шуточных небылиц. В них комизм кроется в несоответствии качеств и действий: «Из-за моря кума в решете приплыла, веретешком правила, юбкой парусила» или «На печи собака лает, на гнезде петух поет, под шестком баран ревет»²⁸.

В качестве артельной юмористической песни могла бытовать шуточная лирическая. Например, известная песня про бабу-неумеху, которая квасила квашню три недели, а потом стала булки катать, прикреплялась в малоизмененном виде к местному парню Мите Щербаку²⁹. В такой же функции бытовала комическая песня о похождениях зайца³⁰. Наконец, функцию трудовой песни выполняли частушки. Тот же П. А. Некрасов в разделе «Песни шуточного свойства, поющиеся при артельных работах» приводит четыре частушечных спева, каждый из которых скреплен одной темой, юмористическим настроением и припевом. Это обычные частушки о веселой девушке, которая прямо заявляет: «Я гуляю, веселюсь, тятки с мамкой не боюсь», или о бравирующих парнях, о смышленном солдате, преуспевающим в любовных похождениях. Иногда в таких частушках встречаются конкретные имена, вероятно, местных парней и девушек. Отметим также юмористические песни, в которых иронически обыгрывались неудачные действия, оплошности отдельных сплавщиков, ведь каждое лето при сплаве садилось на мель или разбивалось о прибрежные скалы несколько барок. В этих произведениях также называются конкретные имена и нет ничего выдуманного, у них строгая фактическая основа. По крайней мере, так утверждают информанты. И поскольку событие передано в песенной или раешной форме, оно сохранялось в памяти сплавщиков несколько поколений. Например, в Старой Утке в 1902 году «во время отвала... барка Фомы Болонина туриться начала: задела передней частью, мелихватила, пошла на отур (начала на месте крутиться)...» — этот промах сплавщика комически обрисован в местной песне:

...Не хватило Фомке толку:

Фомка голосом воет,

²⁷ См. напр.: *Некрасов П. А.* Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890—1891 гг. // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1901. Т. 22. С. 170.

²⁸ Там же. С. 171, 173.

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Там же. С. 174.

А барка носом землю роет.
«Батюшки, кисло молоко
Не утопите...»³¹

В селе Чусовском бытовала песня, сложенная В. Н. Пантелевым, где шла речь о том, как опытный сплавщик Сидор Степанович Крюков «барку убил об Волегов боевой камень»:

К Волеговке подплывали,
В воде камень не видали,
Руль направо своротили,
Тут и барку проломили.

Далее сообщается, как к севшей на мель барке подплыл на казенке подрядчик Софрон Павлович и дал сплавщику «по уху»:

Вот, глядим, плывет Софрон,
Больно был горячий он.
И кричит он: «Где сплавщик?»
И по уху его — чик!
Сидор под гору свалился
И за шапку ухватился ³².

Про ученика сплавщика Савву Макурина:

У Саввы голос тонкой,
Собирает свои котомки...³³

Спишку, погрузку и выход барок из гавани смотрели сотни, даже тысячи людей. Они реагировали на все шумно и весело, хотя работа шла тяжелая и порой опасная. Словесное общение в это время допускало разного рода вольные шутки, юмористические реплики, присловья. «Публика переживает, если не больше, чем рабочие на барках, то, по крайней мере, столько же. Вот в одном месте кучка взорвалась хохотом, в другом ахнули и замерли в беспокойстве за судьбу барки, за рабочих...»³⁴ Если при спишке кто-то из рабочих по нерасторопности, неопытности оказывался в воде, одни кричали: «Утонет!», другие: «Черт его утопит!»³⁵

Наконец, отметим чусовские присловья, «речения-побаски», в которых отражен сплав. Они хотя и не связаны с праздником, но имеют юмористический колорит. На них обратил внимание П. П. Бажов еще в дореволюционное время, когда работал учителем, а летом путешествовал на велосипеде по чусовскому побе-

³¹ Предания реки Чусовой. С. 67.

³² Там же.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ *Кореванова А.* Моя жизнь. С. 103.

³⁵ См.: Предания реки Чусовой. С. 65.

режью. «...Речения-побаски я записывал в летние вакалы... Я думал: соберу их побольше и когда-нибудь издам. В частности, думал, что это будет интересно для филологического отделения Академии наук. Но эта моя работа погибла. Записи были утрачены во время гражданской войны»³⁶. Несколько речений П. П. Бажов все-таки помнил и цитировал разным литераторам. К. Рождественской он приводил один пример: «Весело живем: кабака на горе, со всех сторон видно и спускаться легко»³⁷. М. Батину — два примера: «Живем весело: кабака на горе, Серьги далеко видно и спускаться ловко», «Где сеют да веют да молотят, да всяко канителют, а у нас снял штаны, полезай в воду и тащи полным кулем»³⁸. Последнее речение в письме к Л. Скорино он передает несколько иначе: «У них пашут да боронят, сеют да жнут, молотят да веют, а у нас снимай штаны, полезай в воду и тащи полным кулем»³⁹.

Это речение отражает в юмористической форме работу жителей некоторых чувовских поселков. Если барки с железом садились на мель или разбивались о прибрежные скалы, то после спада воды приходилось доставать со дна слитки чугуна, пачки железных листов и перетаскивать их на берег, т. е. буквально «полезай в воду и тащи кулем». Такая работа кормила. Еще каламбурили так: «Честно живем, а от Разбойника кормимся», «Печку не топим, а тепло она дает»⁴⁰, — о камни Разбойники и Печка особенно часто разбивались барки. Бывали годы когда разбивалось во время сплава несколько десятков барок, гибли люди, и тем не менее непрямой труд, который приходилось выполнять чувовлянам, давал им повод для самоиронии.

Таким образом, спешка была не только трудовым днем, но и праздником, т. е. элементом духовной культуры определенной социально-профессиональной группы уральских рабочих — всех, кто был связан с валкой, транспортировкой леса, его обработкой, постройкой барок, их погрузкой и сплавом. Со сплавом были связаны рабочие разной квалификации, но главной фигурой был коренной уралец-сплавщик, морально-трудовой потенциал которого был предельно высок. «Чувовские сплавщики — одно из самых интересных и в высшей степени типичных явлений своеобразной жизни чувовского побережья, — писал Д. Н. Мамин-

³⁶ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 109.

³⁷ Рождественская К. В. Воспоминания о Бажове // Бажов П. П.: Сб. статей и воспом. Пермь, 1955. С. 179.

³⁸ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. С. 109.

³⁹ Там же. С. 144.

⁴⁰ Там же.

Сибиряк.— Достаточно указать на то, что совсем безграмотные мужики дорабатываются до высших соображений математики и решают на практике такие вопросы техники плавания, какие неизвестны даже в теории. Чтобы быть заправским, настоящим сплавщиком, необходимо иметь колоссальную память, быстроту и энергию мысли и, что всего важнее, нужно обладать известными душевными качествами... Хладнокровие, выдержка, смелость — самые необходимые качества для сплавщика... Кроме всего этого, сплавщик с одного взгляда должен понять свою барку и внушить бурлакам полное доверие и уважение к себе»⁴¹. Спешка — в первую очередь праздник именно таких рабочих, поскольку главная идея праздника была связана с выполнением производственно-трудовой задачи. Хотя, конечно, в основе этого праздника была также и другая идея — идея весеннего торжества, весеннего обновления природы. И в целом можно считать, что спешка — это двуединство трудового процесса и образно-чувственной формы отражения производственно-бытовой жизни людей прибрежных заводов и поселков, это сближение и переплетение производственных и празднично-эстетических потребностей. В этом уникальность спешки.

Радостная гамма цветов праздничной одежды зрителей и участников сплава — косных, рулевого, съемщиков, спасателей, декоративно украшенной казенки с ее флагом, заводским гербом, а также стрельба из пушек, извещавшая о начале спешки, о выходе из гавани в реку, затем угощение тремя чарками вина, звуки, движения и другие театрально-зрелищные элементы несли в себе социально-бытовой опыт уральских рабочих XVIII—XIX вв. Главной идее этого весеннего праздника труда были подчинены все жанры собственно народного искусства: песни, «наговоры», частушки, шутки, «речения-побаски», даже приветствия типа «С весной, с вешней водой!», «Со сплавом!».

Начинался праздничный день с торжественно-комической песни и заканчивался весельем: как только скрывалась за поворотом реки казенка, люди среднего возраста и пожилые отправлялись угощаться или устраивались где-нибудь на берегу, молодежь развлекалась на качелях и «скакульках», плясала и пела, звучали балалайка и гармонь⁴².

Важное место занимала трудовая песня, которая воздействовала эмоционально, эстетически, а также регулировала мышечные усилия рабочих и помогала им включиться, а затем выдерживать

⁴¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 46.

⁴² См.: Кореванова А. Моя жизнь. С. 104.

необходимый ритм трудового процесса. Можно констатировать значительную роль комического начала в трудовых песнях, их юмор. Эти песни содержали эмоциональную критику, не отрицающую свой объект в существе. Исключения не составляют и припевки о церковнослужителях. Песни о попе во время сплава — не столько социальная критика, сколько соленая шутка, эмоциональная несдержанность. Юмор трудовых песен, какие бы оттенки он ни приобретал в каждом конкретном случае, чрезвычайно далек от социальной критики, далек от сатирического утрирования. Это веселый, радостный юмор, оптимистически окрашенный, публично-праздничный. Его принимали все присутствующие, и никто не обижался или, по крайней мере, делал вид, что не обижается, если оказывался задетым певцом-импровизатором. В тематических импровизациях запевалы многое шло от логики случайного, были непредсказуемые, спонтанные мотивы, но тогда импровизацию «спасала» прикрепленность случайно вымышленного к конкретному лицу. Эта обращенность к конкретному человеку, появление имярек в юмористической артельной песне — едва ли не обязательно для ее поэтики.

В то же время в юмористических произведениях, непосредственно «вплетенных» в трудовой процесс, ощутима связь с фольклорной традицией XVIII—первой половины XIX века.

1. Производственно-организационные формы сплава заводской продукции, а также его декоративно-праздничная атрибутика вместе с комической «Дубинушкой», с юмористическими песнями-восклицаниями, повтор которых определял необходимое эмоционально-эстетическое воздействие,— все это берет начало в XVIII столетии и не могло не испытать влияния народной морали и искусства. В частности, во всех комических песнях, в припевках о промахе, недосмотре какого-нибудь сплавщика, в шутливых подначках и т. п. ошутим идеал умелого, ловкого, сноровистого рабочего. С позиций этого идеала изображается и оценивается трудовая деятельность каждого рабочего, включая знаменитых сплавщиков. И этот идеал созвучен народному мнению о труде, о мастерстве, которое закреплено в уральских афористических жанрах, записанных В. Н. Татищевым в первой половине XVIII века.

2. Если иметь в виду не прямые контакты, а типологическое сходство, то комическое в произведениях сплавщиков той же природы, что и в Сборнике Кириши Данилова. У Кирилла Данилова вся комика изображает человека в его повседневности, передает радость бытия, его многообразие и сочность, сигнализируя о материальности мироощущения исполнителя. То же самое можно сказать

о комических произведениях, звучащих на спишке и сплаве, но разумеется, функция этих произведений иная: создать праздничную атмосферу, определить размеренность трудового ритма, юмористически оценить человека, чья трудовая деятельность не вполне, хотя бы временно, соответствует идеалу.

3. Связь с предшествующей фольклорной традицией есть и на поэтическом уровне, например, организующим началом комических трудовых песен часто является простонародная эротика, пародирование, использование перверсивного принципа; на спишке и сплаве звучали припевки, даже частушки, начальные формы которых существовали, видимо, в XVIII веке.

§ 2. Отражение культа физической силы в устных юмористических рассказах

Практически в каждом заводском поселке или городе бытовали устные рассказы и предания о местном силаче или силачах. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о чувовском силаче Василии Балабурде, П. П. Бажов отмечал распространенный среди рабочих культ силы прокатчика, забойщика. Соглашаясь с тем, что писали о силачах уральские фольклористы⁴³, добавим, что народные рассказы-ки освещают эту тему преимущественно в комическом плане.

Разумеется, есть рассказы, которые безусловно могут быть отнесены к категории «серьезных» преданий, обычно это информативные сообщения, где отмечены место, имя, действия силача. Но чаще всего это рассказы в форме мемуаров или фабулатов с выраженным юмористическим колоритом, который, к сожалению, существенно приглушается или даже нейтрализуется при письменной фиксации. Такие юмористические рассказы о силачах надо слышать, тем более, что в сюжетном плане они часто однотипны с преданиями о тех же силачах.

Тема физической силы, ловкости, сноровки — одна из основных в народной юмористике и, в частности, в юмористике рабочих. Она непосредственно связана с жизнью рабочих, их постоянной занятостью на производстве, она обусловлена характером мужского общения, наконец, она всякий раз возникает на народных празднествах, гуляниях, где непременно имеют место жизнерадостный смех и веселая соревновательность.

⁴³ См.: *Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. С. 110—119; *Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 118 и след.

«Производство тяжелое, сила нужна. Забойщики очень сильные были, потом воротные, которые руду или людей в бадьях поднимали. Еще прокатчики были высокие, сильные: там трехпудовые болванки, их надо щипцами на другие ролики перекинуть — и так десять часов. Не каждый выдержит». Множество подобных рассказов опубликовано в «Былях горы Высокой», в сборниках В. П. Бирюкова, М. Г. Китайника и других фольклористов. Эти рассказы создают картину производства, основанного на использовании физической силы человека, и одновременно — образ идеального рабочего. В трудовой среде существовал идеал физически крепкого, спокойно-уравновешенного рабочего, берущегося за любую работу и выполняющего ее с ловкостью и сноровкой; кроме того, этот рабочий обладает чувством юмора и сам не прочь пошутить. Этот идеал рабочего ощутим во всех юмористических рассказах о силачах, которые можно разделить на три группы.

Первая группа рассказов повествует о том, как силач на спор или ради забавы, ради удивления людей поднимает огромные тяжести: в Ревде Санутко Заровляев⁴⁴ без труда взваливал на плечо 18-пудовый лом, который едва поднимали несколько мужиков; в Кордюково силач легко справлялся с 25-пудовым возом; в Мраморском силач одной рукой забрасывал мешок муки на плечо; в Отрадново Петр Нечаев мог зубами поднять центнер муки; в Полевском Паша Заря на спор с одним купцом два мешка муки нес под мышками до Северки (9 верст); на Сосьвинском заводе силач на спор уносил вместе с саями 10 пудов муки; в Меркушино Роман Аввакумович мог «собрать сразу все дрова с подсаньев в охапку и унести»; в Бурляево силач на спор поднимал несколько связанных бревен и т. п.

Обычно на спор шел силач — любитель всеобщего восхищения, публичного эффекта. Такой спорщик сам мог попасть в смешное положение. Например, рассказывают, как однажды два сысертских мужика заспорили, поднять или не поднять лошадь: «...один сразу под нее подсунулся и поднял. А лошадь какая-то пугливая оказалась, ногами крутит, ему большой синяк на рожу посадила. Смеху было!»⁴⁵ Но народная молва, разносившая веселые вести о промахе какого-нибудь силача, никогда его не осуждала: промах — это лишь случайность, единичная оплошность и не больше. В рабочей среде допускалась демонстрация своей силы в любых обстоя-

⁴⁴ Здесь и далее имена, прозвища, фамилии силачей даются по записям, которые хранятся в архиве кафедры фольклора и древней литературы Уральского университета; все эти люди жили в конце XIX — начале XX в.

⁴⁵ ФА УрГУ, кол. «Сысерть-1981».

тельстввах — и на производстве, и в быту. «Мой отец, как бык, здоровущий был: двух братьев возьмет за ремни, каждого в руку и выше себя подтянет. А то руку на лавку положит: «Ну-ка, кум, встань». Кум встанет на ладонь, а он руку поднимет от лавки. А то коновозчики остановятся на перекур, начнут тянуться, он всех перетянет. Раньше привычка была у мужиков: чуть что, начинают тянуться»⁴⁶.

Особенно популярны были соревновательные поединки сильных мужчин в праздники⁴⁷. Поединки принимали разные формы: тянулись на палках, мерялись силой «на локотках», «на поясах», боролись в круге «на вылет», когда каждый мог бросить вызов предыдущему победителю⁴⁸, устраивались поединки силачей перед кулачным боем: каждая сторона выставляла своего поединщика. Надо сказать, что о кулачных боях много и справедливо писали, как о пьяных праздничных драках, которые кончались если не смертью некоторых участников, то их увечьем. Но были на многих заводах вплоть до Октябрьской революции кулачные бои по строгим правилам, запрещавшим бить лежащего, употреблять какие-либо предметы для удара, ограничивавшим время кулачного боя и т. п. Победители таких поединков и боев оказывались предметом восхищения, и в рассказах о них подчеркивались сноровка, сила, осмотрительность. В. П. Кругляшова пишет: «В сюжете «силач — участник и победитель кулачной борьбы» варьирует манера борьбы и значительность победы: двух-трех человек уронит, когда и пять-шесть; этот и по десять человек, бывало, побарывал... В преданиях очевидна эстетическая оценка силачей. Она проявляется в любовании их действиями, в прямых оценках типа: красивый был, крупный, плотный, хороший... Сила, могутность — качества

⁴⁶ ФА УрГУ, кол. «Н-Уфалей-1983».

⁴⁷ Также популярна была борьба силачей в передвижных цирках. См., напр.: *Казанцев*. Нижний Тагил // Уральский край. 1908. 5 янв.

⁴⁸ Поединки сильных мужчин всегда превращались в зрелище и были украшением праздника: «Само собой разумеется, что зрители не остаются равнодушными к зрелищу: одобрения и порицания, остроты и насмешки сыплются градом со всех сторон на борцов» (*Горшенев Е. А.* Заметки о быте Пермской губернии. 1865 год. — ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7). Сильные мужчины «выясняли отношения» в течение нескольких часов при неослабевающем интересе зрителей. Например, в Невьянске борьба начиналась с 3—4 часов дня и продолжалась «до поздней ночи» и все время была «масса зрителей» (Невьянск // Урал. 1897. 9 апр.). Даже сегодня старики с удовольствием вспоминают прежние борцовские состязания, называют имена, характерные детали. Победитель — тот, кто «круг унес» — становился героем дня, известным человеком, и память о нем, как о победителе, сохранялась в поселке иногда даже после его смерти.

⁴⁹ *Кругляшова В. П.* Жанры сказочной прозы... С. 114.

красивого человека»⁴⁹. То же самое можно сказать и об устных юмористических рассказах на эту тему.

Вторая группа юмористических рассказов тематически связана с производством, с подъемом тяжестей по производственной необходимости. Рисуеться типичная ситуация: силач делает один то, что под силу лишь нескольким рабочим. Например, в Маслово Афанасий Александрович один носил на барки 25-пудовый якорь; в Аятке кузнец Троян рельс 30 пудов «поперек колен себе положит» и везет на телеге; на Зырянском руднике Аркадий Исаков один ставил на место сошедшую с рельс груженую вагонетку; в Дерябиной грузчик Фома Кузьмич носил на колодке по 7 мешков; в Полевском заводе 30-пудовые чугунные печки Иван Поселянинов один передвигал с места на место; на Нижнесергинском заводе Степан Филатов слиток 20 пудов — «на руку и в печь» и т. п. О таких силачах рассказывалось с доброй улыбкой, с радостным восхищением, причем обычно или подчеркивалось, или подразумевалось, что рабочий выполняет все это по необходимости, а не ради демонстрации своей физической крепости. Хотя иногда требовалось показать именно силу. Возчики, транспортировавшие руду к домам, готовую заводскую продукцию к пристаням, обычно ездили обозами и зимой часто в пути возникала спорная ситуация: встречались два обоза, а дорога узкая, по обочинам глубокий снег, никто не хочет отворачивать и начиналась перепалка... Но выходил силач и переставлял в снег двое-трое саней из встречного обоза, тогда остальные уже сами съезжали, уступая дорогу. Ирония этих рассказов всегда направлена на «посрамленных», молва разносила насмешку по всей округе и поэтому в некоторых рассказах говорится, что если возчики знали о силаче, едущем во встречном обозе, то сразу уступали дорогу, чтобы избежать язвительных пересудов. Были случаи, когда встречные обозы выставляли своих поединщиков, чтобы они померялись силой. Приведем один рассказ, в котором ощутима эпическая традиция, проявляющаяся в насмешке над силачом другой национальности: «Наши поехали в Ирбит, а навстречу пятьдесят возов. У наших Журавлючин, сила у него лошадиная была. А у них тоже силач сидит — татарин. Встретились возы, не уступают друг дружке дорогу. Тут решили, чтобы силачи померялись силами. Татарин-то хвастался, вышел такой гордый, а Журавлючин подошел, схватил его за пояс, через голову переметнул да отбросил с дороги в снег. Те возы, все пятьдесят, сразу отворотили»⁵⁰.

⁵⁰ ФА УрГУ, кол. «Ирбит-1976».

С доброй улыбкой в юмористических рассказах сравнивалась сила возчика с силой лошади. И там, где лошадь не справлялась с грузом, справлялся рабочий-силач: он выпрягал лошадь, вытаскивал воз с рудой, строительным камнем, чугунными слитками, листовым железом... В Квашнино это делал Яков Прокопьевич, в Дерябино — силач Август, в Романове — Петр Иванович, в Полдневой — Василий Шептаев, в Ревде — Василий Кузьмич Левин, в Верхотурье — Афанасий Логинов, на Зыряновском руднике — Василий Толмачев, в Алапаевске — Владимир Исаков, в Абрамове — Михаил Макаров, в Нижне-Сергинском заводе — силач, по прозвищу Саэнта... «Отец рассказывал, что у его деда сила была неимоверная. Они работали на старательстве, золото намывали. Вот нагребли однажды песку полну тележку, надо вывезти на крутую горку. Лошадь с места не сдвинет. Дед подойдет, поднимет с задних колес и говорит: «Вы чо, я насилу оторвал от земли, где же лошади вывезти»⁵¹. Еще пример: «Едет Бабин, догоняет второго, у него лошадь застряла. «Помоги,— просит передний-то,— бью ее, бью, никак не тащит!» — «Зачем лошадь бить, лошадь жалеть надо». Выпряг лошадь и сам вывез воз. Это было не только в Сысерти, про такое я слыхал и в Курганской, и в Челябинской областях, а фамилий не помню», — рассказывал нам однажды сысертский краевед Ф. Ф. Васильев. В таких рассказах силачи-работчие наделяются не только жалостью к лошади, но и скромностью. Они, как правило, никому не рассказывают, что вывозили воз вместо лошади, иногда даже стараются сделать это скрытно, что и дает повод людям рассказывать об их скрытности с легкой, поощрительной улыбкой⁵².

Третья тематическая группа включает рассказы о шутках силача. Иногда он своими шутками доставлял людям неудобство, но с этим мирились и рассказывали если не с восхищением, то с долей удивления, например, о том, как силач поднял угол избы, положил туда шапку и с хозяина шапки потребовал выкуп (как правило, шкалик водки) — это стандартная шутка силача, как и нарочитое утаскивание лома с заводской плотины. На каждом уральском заводе есть плотина и везде находился свой «похититель» плотинного лома. Приведем лишь одну запись: «Рассказывали про силача Евгеньча. В молодости он прокатчиком работал. Пришел к хозяину, к Соломирскому, просить железа

⁵¹ ФА УрГУ, кол. «Касли-1979».

⁵² Блажес В. В., Елизарян Е. Л., Борисова Т. П. Традиционный рабочий фольклор в современном городе // Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. С. 23.

на крышу, а Соломирский: «Ты сам железо делаешь, зачем у меня просишь?». Отказал, значит. Тогда Евгеньч пошел на плотину и вагу к себе домой унес, на сеновал закинул. А вага — это рельса, которой поднимали затвор у плотины, ее человек десять поднимали. Куда делась? Тут кто-то видел, сказали, мол, Евгеньч утащил. К нему приехали на лошади, просят: Помоги». Он снял с сеновала, положил на телегу: «Повезите!» Евгеньч был балагур, чудил»⁵³. Или силач мог шутя создать всем неудобство: например, прикатить громадный валун, положить на дороге — пусть все объезжают, пока кто-нибудь уважительно не попросит убрать камень. Но и над силачом шутили, хотя дошедшие до нас рассказы носят явно вымышленный характер⁵⁴. Например, силачу Якову Пономареву «в шутку гири по два пуда привяжут, чтобы он не заметил. А с другой стороны позовут: «Эй, Яков, иди сюда». Он побежит и не чувствует гири. А они только звенят, пол-то чугунный в кричной был»⁵⁵.

Инерция удивлять слушателей крепостью силача способствовала созданию образа женщины-силачки, которая побеждает мужчин, если они нарушают моральные нормы. Например, рассказывали, что в Висиме была Прасковья Ивановна, «ростом около двух метров», и однажды в лесу ей встретились холостяки Степан Цырков и Федор Черных, «оба первые силачи»: «Наше дело холостяцкое, а твое бабье, вот и хотим попробовать тебя». Тогда она взяла их «за шивороты, приподняла обоих над землей, развела руками, а потом стукнула лбами и спрашивает: «Ну, как попробовали?» Долго они за ней бежали, просили, чтобы она никому не говорила Дорого им это обошлось»⁵⁶. Сюжетная ситуация, рисующая физическое превосходство женщины, предоставляла большие возможности для юмористических импровизаций, и рассказчики сознательно вводили реальные имена, фамилии, чтобы усилить комический эффект через контраст реальных элементов с вымышленными действиями женщины: «Рассказывают. Однажды, это было давно унесший круг победитель поднял побежденного и под общий смех поддал коленкой, что не полагалось, считалось насмешкой. Тут назвалась жена конного пастуха Кожурина, надела чекмень, мужнины шаровары, подпоясалась опояской. Взялись. Она его повалила. Хохот. Он: «Не согласен, давай снова». Взялись еще. Опять победителем стала Кожурина. Подняла его, поддала коленкой: «Боль

⁵³ ФА УрГУ, кол. «Сысерть-1981».

⁵⁴ См.: Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы... С. 112.

⁵⁵ Предания реки Чусовой. С. 86.

⁵⁶ Фольклор на родине Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1967. С. 73.

ше так не делай». Под свист, хохот толпы опозоренный борец убежал»⁵⁷.

Таким образом, подавляющее большинство юмористических рассказов о силачах освещают реальные обстоятельства, реальных людей; в подобных рассказах создается две разновидности образа заводского силача: один любит всеобщее внимание, легко идет на спор, шутку, даже озорство, на демонстрацию силы, другой — скорее скрытен, избегает показа своей физической незаурядности, жалостлив к слабым людям и животным. Тот и другой овеяны народной симпатией, потому что в глазах тружеников физическая сила мужчины — это в первую очередь хорошая работа в забое шахты, в цеху завода, на конных перевозках, на сплаве, затем это добрый заработок и, наконец, это достаток в семье. Сила мужчины — это сила кормильца семьи.

Демонстрация физической силы «на народе» путем поднятия тяжестей, борьбы на поясах, в кулачном бою и т. п. всегда была увлекательным зрелищем, захватывающим спектаклем, интересным представлением со своим динамичным сюжетом, то есть эта демонстрация выполняла эстетическую функцию: сила, высокий рост, могучность были, говоря словами Н. Г. Чернышевского, «выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, выражением всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешутливой, но не чрезмерной работе»⁵⁸, иными словами, сила считалась одним из основных признаков мужской красоты.

Обратим внимание на то, что демонстрация силы непременно строилась на соревновательной основе. Соревновательность вообще характерна для народного труда и быта, а для труда и быта рабочих — особенно. Даже на вечорках часто устраивалась пляска-соревнование нескольких парней, причем каждый должен был не только знать и уметь «выбрасывать коленца», но и иметь силу, выносливость: «Парни часто одни плясали барыню. Выйдут человека четыре и под гармонь пляшут, пока один всех не перепляшет. У кого какие колена, а надо, чтоб разные и больше. Полчаса шуруют, как не больше. Взмываются. Мой братик двоюродный был на славе — ух, плясал»⁵⁹. Даже в производственных условиях могла быть веселая соревновательность — об одном таком случае вспоминают старые рабочие Нижнеуфалейского завода. В их рассказе рабочий не только сильный, но и быстро бегающий, причем

⁵⁷ НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 11, л. 4.

⁵⁸ Чернышевский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 12.

⁵⁹ ФА УрГУ, кол. «Алапаевск-1978».

их не смущают явно преувеличенные возможности героя рассказа. «Смотритель завода Пономарев был серьезный барин, но однажды отколол смехотворное дело. Работал в прокате Панфилов Семен, по прозвищу Сема Жигаль. Этот Сема бегал так быстро, что от него не уходил ни один заяц. Обязательно поймают! И вот смотритель вызывает Сему: «Укради, Сема, колышку шинного железа на глазах у обходных: пробеги с колышкой через проходные ворота, чтобы тебя не поймали. Если сделаешь, то колышка будет твоя и я еще тебе дам полтинник на бутылку водки». А колышка весит два с половиной пуда, но Сема говорит: «Что ж, смогу убежать!» Вот Пономарев тут же написал записку магазинеру, чтобы он отпустил колышку шинного железа, а сам пошел к воротам проходной и предупредил дозорных: «Сейчас побегут в ворота с железом, нужно поймать вора». И вот на одну сторону ворот встали стражник Ковшин и дозорный Яковлев, а на другую сторону обходные Логинов и Иванов Алексей Петрович, по прозвищу Алеша Мигалец. Сема Жигаль шел снизу и на плече нес колышку железа. К воротам он подходил как-то вприпрыжку, а потом как бросится в ворота и тут же отпрыгнул назад. Обходные хотели ухватить Сему, а он проскользнул и пустился наутек. Все бросились за ним, но так и не смогли догнать. Убежал Сема и колышку унес. Пономарев с руганью на обходных: «Какие вы есть сторожа завода! Белым днем крадут железо, а они не ловят. К чертовой матери вас падо выгнать!»⁶⁰.

В цикле юмористических рассказов о силачах ошутима, с одной стороны, национальная традиция восхищения силой, умом, высокими моральными свойствами крепких, богатырского типа людей — традиция, проявляющаяся во многих жанрах русского фольклора, начиная от эпических песен и кончая поговорками, а с другой стороны — это типично местные, узколокальные рассказы, отражающие конкретику текущей жизни.

Бросается в глаза, что нет юмористических рассказов, где герой был бы сильный, но глупый, дурной, приближающийся к типу простака. Через силу, ловкость героя всегда проявляется его ум, сообразительность, поэтому облик героя в целом оказы-

⁶⁰ Агапитов А. П. История Нижне-Уфалейского завода. — Рукопись хранится в библиотеке пос. Нижний Уфалей Челябинской области. На первой странице рукой А. П. Агапитова помечено: «Все это восстановлено из моей памяти, а также из воспоминаний старых рабочих: Прямыцына Ивана Николаевича, Панфилова Александра Ефимовича, Калинина Михаила Алексеевича, Бормотовой Марии Яковлевны. 25 марта 1963 года». В цитируемом рассказе сохраняется стиль.

вается гармоничным. Больше того, весь цикл рассказов о сильных людях дает мужской идеал, поэтому смешными выглядят побежденные и проигравшие, поскольку они в своих действиях как бы посягали на идеал. И сила насмешки могла быть, очевидно, пропорциональна несоответствию претендента и идеала. Самая резкая, осуждающая насмешка была в адрес тех, кто позволял себе хвастовство, бахвальство силой — таких в юмористических рассказах побеждали даже женщины.

§ 3. Типы заводских юмористов и основные темы их творчества

Развитие сатиры и юмора уральских рабочих было обеспечено творчеством заводских балагуров, острословов, юмористов. Они в значительной мере формировали общественное мнение, были своеобразными катализаторами. В любой артели, в любом цехе находились рабочие с обостренным чувством социальной справедливости и в то же время открыто, оптимистично смотрящие на жизнь, знающие силу публичного слова и умеющие им владеть. Они мыслили в формах коллективного нравственного опыта, в формах художественного опыта своей среды, поэтому их слово находило живой отклик в этой среде.

На людях при всеобщем внимании шутники и балагуры не терялись, скорее, наоборот, активизировались — такова натура юмориста. Хорошо зная «изнутри» думы, ожидания, настроения, запросы своей среды, они умели зло или с насмешкой сказать о наблевшем, о том, что тяготит, давит, угнетает. Едкой шуткой, каламбуром они говорили о том, что если не в всех, то у многих было «на уме», поэтому их остроты и шутки становились в прямом смысле общественными, приобретали значение публично выраженного отношения рабочих к тому или иному социально-производственному или бытовому явлению. Сказал цеховой острослов на перекуре пару анекдотов про мастера, симпровизировал небылицу про казначея, придумал прозвище полицейскому, рассказал всем известную сказку про священника — вроде ничего особенного не сделал, а настроение у людей поднялось, жизненный тонус изменился и, может быть, дан толчок к укреплению негативного отношения к тому же мастеру, полицейскому, попу.

Наиболее объемную характеристику дореволюционных балагуров и острословов из рабочей среды дал П. П. Бажов, причем сделал он это в чисто фольклористическом плане. Следует напом-

нить, что П. П. Бажов принял самое деятельное участие в составлении и комментировании известного сборника «Дореволюционный фольклор на Урале». Он не только дал в сборник «записанные по памяти» четыре сказа, но и ряд пословиц, поговорок, записи восьми дореволюционных песен, кроме того, он в течение нескольких месяцев был официальным редактором сборника. Комментируя юмористические и сатирические песни сысертских рабочих, П. П. Бажов считал необходимым подробно развернуть характеристику одного из острословов Сысертского завода — Н. Н. Медведева, по прозвищу Мякина. Это был «веселый заводской рабочий», «слыл на заводе за балагура и песенника». П. П. Бажов дает анализ его репертуару: «В трезвом виде он... избегал задевать в своих остротах заводское начальство. Говорил либо о прошлом, либо «проезжался по части святых отцов»... Но мне,— вспоминает П. П. Бажов,— все-таки больше памятливы его песни-импровизации. Это было творчество грубое по замыслу, яркое по обилию образов, тонкое по отделке деталей. Редкая легкость стиха была изумительна. Песня, каждый раз новая, лилась спокойно, уверенно, как будто она давалась в давно знакомых, заученных словах... Некоторые из песен начинались общеизвестной частушкой, припевкой, порой в них вводились готовые фразы из других песен. Получив широкое хождение, эти «мякинины песенки» сокращались и дополнялись. Даже песни, посвященные своей улице Шиповке, распевались в других концах Сысерти с соответствующей заменой названия и некоторой переделкой. В силу этого совершенно невозможно отделить личное творчество Медведева от того, что было составлено другими, и эти песни без большой ошибки можно назвать песнями сысертской молодежи конца прошлого столетия». П. П. Бажов пишет также о классовой направленности творчества Н. Н. Медведева: «Революционером его едва ли можно назвать. Скорее это был юморист, смеявшийся и над собой, и над ближайшим окружением, но все же его творчество было классово направленным. Правда, иногда импровизатора просто тешили смешные положения, в которые он ставил героев своей песни... Порой в песнях слышались политические мотивы, и надо сказать, что именно эти песни быстро и широко распространялись по всей Сысерти»⁶¹.

Позднее, в очерке «У старого рудника» П. П. Бажов еще раз вернулся к этому заводскому острослову и подчеркнул сознательную грубость его песен: «Обычно скромный в быту и воздержанный

⁶¹ Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936. 289—290.

на язык, он всегда был нарочито грубым в своих песенных импровизациях, посвященных барину, заводскому начальству или попам»⁶². Будучи в веселом состоянии, Мякина открывал окна своего домишки и устраивал настоящее представление для соседей: «Показываются отопки сапогов, рваные рубахи жены и детей, покровитель дома Микола милостивый. Все это сопровождается прибаутками завязного раешника. Хохоchet толпа...» Когда Мякина видел, что интерес к его «выставке» пропадает и толпа расходится, он объявлял, что все закрывается до великого четверга святого Полштофа»⁶³.

К числу заводских юмористов П. П. Бажов относил также известного В. А. Хмелинина, от которого в 90-е годы XIX века слышал старинные предания, сказы. В. А. Хмелинин рассказывал про старое-бывалое только детям, которые приходили к нему вечерами на караулку у Думной горы, где он сторожил дровяной склад. А днем его место чаще всего было у поселкового магазина в кругу взрослых. «Реальный Хмелинин был просто краснобай, он умел ярко, хорошо рассказывать», — писал П. П. Бажов и отмечал едкую иронию, задиристость его реплик, ответов, баек, рассказов⁶⁴. В кругу взрослых он был часто насмешник, остролов. При всех он мог, например, обыграть прозвище расходчика — Собака. Однажды при выдаче получки расходчик пренебрежительно крикнул В. А. Хмелинину, чтобы он получил свою пятерку за охрану дровяного склада на Думной горе:

— «Эй, Протча, огребай бабки! Ставь крест — получай пятерку. Не убежала у тебя гора-то?

— Гора, Иван Андреич, не собака, зря метаться не станет.

Среди ожидающих получки — смех. Расходчик делает вид, что не понял ответной насмешки, и продолжает подшучивать:

— Сказки там сказываешь. Только у тебя и дела!

— Кому ведь это дано, Иван Андреич. Иному вон сказать охота, а только твякать умеет.

Опять смех. Расходчик откровенно сердится:

— Ты у меня гляди!

— На то и в караулке держат. На людей не кидаемся, а глядеть — глядим. Недаром пятерку-то платишь.

— Отходи, говорю. Не задерживай!

— Вот это верное слово сказал.

⁶² Бажов П. П. Соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 2. С. 324.

⁶³ Бажов П. П. Уральские были. Из недавнего быта Сысертских заводов: Очерки. Екатеринбург, 1924. С. 59—60.

⁶⁴ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. С. 115.

Когда старик отходит, в толпе одобрительные замечания... Таким бывальцем, знатоком всех наших песков, ловким балагуром и «подковырой» слыл Хмелинин среди взрослых», — заключает П. П. Бажов, а в другом месте добавляет, что даже сюжеты сказов он излагал взрослым с грубым комизмом, особенно если в числе слушателей был кто-нибудь из администрации: «Раз мне удалось, притаившись за углом, у заводских магазинов, слышать, как старик рассказывал в присутствии начальства, и я рад, что это больше не повторилось. Сказ о Хозяйке Медной горы превратился в такую грубую похабщину, что мне до слез было обидно...»⁶⁵.

Когда П. П. Бажова спрашивали, кого из известных ему в детстве стариков он мог бы поставить рядом с В. А. Хмелининым, писатель называл несколько имен. Один из них — А. Е. Клюква, «очень интересный человек». У него «было больше злободневности», чем у В. А. Хмелинина. Даже в старости «он немножко озоровал. Скажем, к нему приезжают охотники, а ему не хочется возиться с ними, но в то же время нельзя и отказать. Он высмолит избушку — и, пожалуйста, милости просим! А объяснение есть: высмолил от блох». Клюква был «балалаечник, веселый, кудрявый старик. Недружелюбен он был только по отношению к начальству»⁶⁶.

Приведенные наблюдения П. П. Бажова, вынесенные им из молодости и подкрепленные его глубоким знанием труда, быта, культуры рабочих, представляют исключительное значение для изучения фольклора. В частности, его наблюдения убеждают в том, что смех рабочих, с какими бы сторонами жизни ни был связан, никогда не избегал злободневности, сатирической направленности. Далее заметно, что заводские шутники и балагуры, названные П. П. Бажовым, это не пустословы, ищущие легкой жизни и не знающие настоящего труда. Напротив, это мастера, профессионалы. Тот же А. Е. Клюква — бывший прокатчик, В. А. Хмелинин был забойщиком, старателем, а в пожилые годы считался «знатоком всех наших песков» (в среде старателей это самый высокий авторитет). Н. Н. Медведев в молодости прошел «огневую» работу, потом стал отличным столяром — «был своего рода художник, и ему поручалось изготовление наиболее тонких деталей», хотя платили ему гроши, и он был «чуть не нищим», но всегда сохранял «веселый нрав».

К сожалению, приходится констатировать, что некоторые остро-
словы не избегали спиртного, тот же В. А. Хмелинин не случайно

⁶⁵ Бажов П. П. Соч.: В 3 т. Т. 2. С. 323.

⁶⁶ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. С. 115.

имел одно из прозвищ Стаканчик. Или был в XIX веке на Чусовой хороший сплавщик Акинтий Яковлевич Гилев, по прозвищу Акиня Балагур. Его шутки знали «от Перми до Кунгура», но знали также, что Акиня «пьяный плавал, ко столбу его привяжут, чтобы не упал, он руководит — «налево», «направо», «нос направо», и пьяный плывет, и никогда барку не убьет. Судов сорок согнал он за свою жизнь, а то и больше»⁶⁷. Вместе с тем можно уверенно говорить о явном «преувеличении возможностей мастера» (выражение П. П. Бажова) в народных рассказах (и в юмористических, и в преданиях). Чрезмерное опьянение выступает как средство, как прием, выявляющие мастерство сплавщика, доменщика и т. п. Это очень наглядно продемонстрировал П. П. Бажов, когда у него спросили о границе между обычным сообщением и фольклорным повествованием: «Если я, например, скажу, что А. А. хорошо пишет резолюции, это просто рассказ (т. е. просто информация.—В. Б.). А если я скажу, что А. А. — вот это мастер так мастер: запьет, две недели на работу не ходит, а как чугуны не идет, бегут к нему — что делать? — а он посмотрит с пьяных глаз на домну да скажет: «Подбрось два короба аверинского песка да подбрось фоминской руды, теперь ладно будет», — и печь пойдет, и чугуны пойдут. В основе этого рассказа лежат факты из деятельности какого-то особенного мастера. Но все это преувеличено, и это уже фольклор»⁶⁸.

Поэтому рассказчики так часто используют мотив чрезмерного опьянения, чтобы выразить свое восхищение находчивостью, удачей, остроумием местного весельчака. Про того же Акиню Балагура говорили, что он с кумом пропил лошадь, а потом стихами рассказывал, как у висимского кабака медведь съел лошадь у сулемского мужика; или когда ему хотелось выпить, он балагурил, как бы сравнивая нестойкого на ногах пьяницу с наклонившейся невянской башней: «Ну, ребята, надо башню править, она маленько на боку стоит»⁶⁹.

Показательно, что именно шутники и балагуры были наиболее здравомыслящими людьми, весьма индифферентными в вере, скептически настроенными ко всякого рода суеверным установлениям. Они обычно отменяли предрассудки, рассказы о чудесах, о хозяевах природных стихий и т. п. Их природное остроумие, мажорное восприятие жизни было тем ферментом, который существенно преобразовывал общественное мнение, способствовал формированию

⁶⁷ Предания реки Чусовой. С. 70.

⁶⁸ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. С. 118—119.

⁶⁹ Подробнее о нем и его балагурстве см.: Предания реки Чусовой. С. 70.

материалистических представлений. Эту особенность балагуров окружающие непременно фиксируют. Приведем два примера: «Был у нас один шутник, Саша Корякин. Пойдет кто говорить, мол, если кому приснятся вши, тот платину найдет. А он: «Я вшей на себе ловлю, а платину найти не могу». В Висимском заводе был Симка: «под молотом работал, обжимальщиком... чудак... пересмешиник. Говорили про всяких домовых, он сделал бороду из конопли, кого за чем пошлют, он испугает...»⁷⁰

Пугали чаще всего искателей легкого счастья, легкого обогащения. Во второй половине XIX века в рабочей среде еще были достаточно устойчивы поверья, предписывавшие разные способы получения богатства. Иногда поверья специально записывались; «эти рукописи-книжки хранились как ценность и передавались потомству секретно. В книжках указывалось,— вспоминает А. Кореванова, которой приходилось их видеть,—где и какой лежит клад, и кто его закопал, и на сколько лет, и как его взять, и кому... В книжках говорилось и о папоротнике: если кто сумеет взять его цветок, тот будет богат...»⁷¹. Поэтому повсеместно бытовали юмористические рассказы с такими сюжетами: 1) шутник сам рассказывает человеку, где и как искать клад, или случайно узнает, что кто-то идет искать клад, и дурачит легковерного искателя клада: подсовывает горшок с нечистотами, подбрасывает мертвую собаку и т. п.; 2) кто-то идет в лес ночью на Ивана Купалу искать цветок папоротника, а шутник изыскивает способ напугать этого человека и выставить на посмешище; 3) шутник рассказывает легковерному человеку какой-нибудь способ обогащения, явно пародически трансформированный, и легковерный попадает в смешную ситуацию, например: если сварить кошку в бане и обязательно ночью, затем достать у кошки «костку-невидимку», то станешь невидимым: иди в лавку и бери, чего хочешь — легковерный все это выполняет, оказывается битым хозяином лавки и предметом всеобщей насмешки⁷². Рабочая мораль в принципе допускает лишь один — трудовой путь достижения материального благополучия, поэтому над любителями нетрудового обога-

⁷⁰ Фольклор на родине Мамина-Сибиряка. С. 80.

⁷¹ Кореванова А. Рассказы-воспоминания. — ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 23, л. 64.

⁷² Неустановленные авторы. Фольклорные записи. — ГАСО, ф. 2111, оп. 1, ед. хр. 33, л. 8; ф. Р. — 318, оп. 1, ед. хр. 23, л. 65—66. В архиве кафедры фольклора и древней литературы Уральского университета хранятся десятки записей подобных рассказов, сделанных в разных районах Урала.

щения — искателями кладов — подтрунивали, ехидничали, их «дразнили», над ними «долго смеялись»⁷³.

Предметом насмешки становились обычно суеверные парни и девушки. Здесь также складывались типичные сюжеты: 1) парни спорят что-либо сделать (пройти ночью возле места, где водятся «блазни», или залезть ночью в избу к местной колдунье, или принести земли с могилы и т. п.), шутник прячется в соответствующем месте и пугает парня; 2) девушки собираются гадать (в овине, в бане, на росствии и т. п.), шутник как-либо вмешивается и пугает девушек (появляется переодетым в вывороченную одежду, или завернутым в простыню, или подменяет предметы гадания, или подает неожиданные и странные звуки и т. п.)⁷⁴.

В конце XIX века среди шахтеров Бисертского завода еще сохранялась вера в «горную матку». П. П. Ермаков пишет в своих воспоминаниях: «Стариковских побасенок о явлениях в разных видах «горной матки» было очень много в те времена, и сами старики настолько верили в существование горного духа, что в ночную смену не решались по одному идти в забой». Но молодые шутники уже не верили в горный дух и шутили над суеверными товарищами. Однажды 17-летний парень опустился ночью в шахту запасным ходом и когда пришли в забой четверо забойщиков, он начал стонать и завывать, имитируя звуки «горной матки» — и все забойщики «не помня себя, бросились бежать из шахты»⁷⁵. Б. Г. Ахметшин, анализируя несказочную прозу шахтеров Башкирии, также отмечает «веселые рассказы, высмеивающие мистический страх горняков перед горным духом»⁷⁶. Кстати сказать, у П. П. Бажова есть сказы, построенные на пародировании веры в сверхъестественное, например, «Сочневы камешки», «Травяная западенка», в которых действие отнесено к XIX веку, а сатирическими персонажами выступают недалекий Ванька Сочень и Яшка Зорко, опустившийся до положения барского лакея.

Основываясь на собственных наблюдениях, П. П. Бажов писал, что многие рабочие, хотя и выполняли церковные обряды, держали в домах иконы, «но большого усердия к церковным делам не проявляли»; если женщины и старухи могли сколько угодно посещать церковь, то для мужчин «считалось достаточным сходить в церковь

⁷³ Кореванова А. Рассказы-воспоминания. Л. 67.

⁷⁴ ГАСО, ф. 211, оп. 1, ед. хр. 33, л. 6, 7; ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 22, л. 135—136.

⁷⁵ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 21.

⁷⁶ Ахметшин Б. Г. Предания, легенды и другие устные рассказы горнозаводской Башкирии: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1968. С. 179—181.

на пасхе или в рождестве да в свои именины»; причем поселковое общественное мнение было на этот счет чутким: «излишне усердствующих презрительно звали боголизами (все божьи следочки оближет!) и боголазами (забота есть — на бога лезть); говели чаще старухи, реже старики, а из молодых лишь те, кто собирался жениться или выходить замуж (чтоб заминки не вышло от попов!)». П. П. Бажов называет такое положение дел религиозным равнодушием, «обрядоверием»⁷⁷. И заводские балагуры своими шутками, действиями поддерживали и укрепляли «обрядоверие» рабочих. Даже на производстве балагуры могли в церковный праздник устроить пародийную службу в доменном цехе, как это сделали рабочие Паншин и Старцев на Алапаевском заводе, за что были оштрафованы управителем⁷⁸. То же самое делали рабочие Нижнесергинского завода, о чем пишет в своих воспоминаниях А. Е. Кикоин, непосредственный участник этих шуток, имевших нешуточное значение: «Рабочие, один по фамилии Васильев, другого забыл, по-своему проводили антирелигиозную пропаганду: сделали на голову парики, а также бороды, которые приклеплялись при помощи резинок к ушам, из консервной банки и проволоки смастерили кадило; один из них был «попом», другой — «дьяконом», а мы, озорные ребята, шли за певчих. Начиналось примерно так: «дьякон»: «Наш поп благочинный, пропил тулуп овчинный, стоимостью два с полтиной — приблизительно-о-о-о». Мы же, «певчие», громогласно тянули: «Приблизительно, приблизительно, приблизительно!» Или: «Нашему попу — хвост ржавой селедки и ведро вонючей водки — удовлетворительно-о-о», мы опять: «Удовлетворительно, удовлетворительно, удовлетворительно!» и так далее в этом роде. Не обходилось и без слов нецензурного произношения. Пели русские народные песни на церковные мотивы, а в заключение шли прибаутки тоже на церковный лад, вроде таких: «Святы божьи по реке плывут, алиллуйя присвистывают»⁷⁹.

Даже на исповеди рабочий-шутник мог прикинуться кающимся грешником, обмануть священника и подвести его под осмеяние. Один алапаевский рабочий пришел в великий пост «сдавать грехи», назвал какие-то свои поступки и замолчал. «А поп спрашивает: «Есть еще какой грех?» — «Есть, да боюсь сказать». — «Сказывай,

⁷⁷ Бажов П. П. Соч.: В 3 т. Т. 2. С. 302.

⁷⁸ Подробнее см.: Блажес В. В. Юмористические рассказы и анекдоты, бытующие в рабочей среде // Фольклор старых заводов. Свердловск, 1984. С. 27—28.

⁷⁹ Кикоин А. Е. Воспоминания. С. 13—14. Рукопись хранится в музее трудовой славы Нижнесергинского металлургического завода. Описываемые события относятся к началу XX века.

бог простит». — «Украл из цеха дощатое гладило». — «Как же ты его украл?» — «За пазухой пронес». — «Ну бог простит». А поп ездил к богатым. Приехал к управителю, отслужил, его за стол посадили. Поп подвыпил и рассказывает: «Был у меня один рабочий на духу и покаялся в грехах: он украл из цеха дощатое гладило. Спрашиваю, как украл? Говорит, что за пазухой пронес». Управитель и все засмеялись: «Так ведь гладило пудов сто, это как молот»⁸⁰. Кроме всего прочего, этот священник оправдал уральское народное присловье: «каяться все равно — что попу священнику, что вору-мошеннику». А в небольших поселках с попом обращались по-свойски, если он был к тому же поклонником Бахуса: «Был у нас в Верхней Синячихе отец Иван. Ну, скажу, попик был! Безбожник, пьяница и игрок до одури. Надо нам, рабочим, собраться, идем к попу, несем поллитру. Так и так, говорим: иди, отец, выпей, а нам ключи от церкви давай. Мы приставим к нему человека, чтобы следил за ним... Запираемся в церкви и проводим собрание. В одно время приезжает урядник из Алапаевска, рыщет, нигде мужиков найти не может. А мы в церкви. Раз пять так было»⁸¹.

Такие юмористические рассказы по сути дела являются логическим продолжением традиционных сатирических сказок, в которых бедняк торжествовал победу над попом, выставлял его в неприглядном виде. Но если сатирические сказки давали ситуации, которых не могло быть в реальной жизни, то рабочие комические рассказы говорили о действительно происшедшем, о том, что все видели, а может быть, и сами совершали. А в плане поэтики между рассказами и сатирической сказкой есть и общее: расстановка действующих лиц, ситуация случая, однозначность сущности попа — это как бы тот же тип сказочного попа, хотя конкретно указывается место действия, называются реальные обстоятельства и т. п.

Шутники были горазды на выдумки, особенно когда приходилось однообразно и монотонно трудиться. В частности, их много было среди десятков тысяч возчиков, подвозивших на лошадях сырье к заводам и транспортировавших готовую продукцию. Расстояния были большими, поэтому шутники не пропускали молча ни одной встречной телеги, особенно если ехали одни женщины. Здесь остроты демонстрировали свое умение. То же самое происходило в деревнях, стоящих на тракте, у колодцев, хлебных ла-

⁸⁰ Блажес В. В. Юмористические рассказы и анекдоты, бытующие в рабочей среде. С. 28.

⁸¹ ФА УрГУ, кол. «Алапаевск-1964».

вок... Балагуры иногда разыгрывали по дороге целые представления на злобу дня. Так, когда шла русско-японская война, возчики алапаевского завода по дороге в Тагил однажды показывали «японца», будто бы взятого в плен: «Был мужик один, Савва. Что придумал? Мы тогда на заводчика Яковлева робили, руду возили из Тагила в Алапаевск. Дорога-то длинная. А мужиков много, бедовые были, ой какие! Тогда шла война с японцем... Ну мы взяли Савву и японцем сделали. Обрядили, как есть японец. И везем его с собой в телеге и всем говорим, что у нас японец, его взял в плен русский солдат. Люди в деревнях верят, ходят на него смотреть как на диковинку. А мы промеж себя смеемся и врем дальше...»⁸²

Почти в каждом производственном коллективе или поселке был чужак, который своими суждениями, поступками, вообще манерой поведения несколько отличался от других и тем самым давал повод для шуток, розыгрышей, комических рассказов; он вполне нормальный работник и семьянин, но часто делал и говорил не так, как все. Эта особенность моментально подмечалась окружающими, в первую очередь, конечно, местными шутниками и в их рассказах комически преувеличивалась. Например, на Алапаевском заводе еще в дореволюционное время работал Иван Никифорович И. Он всю жизнь трудился возчиком, перевозил руду, топливо, был неплохим работником, что отмечается в некоторых рассказах. Отношение к нему вполне уважительное, он непременно именуется по имени и отчеству, но во всех рассказах о нем ощутима юмористическая тональность, о нем всегда говорили с легкой, незлобивой улыбкой. Например, он был болезненно стеснительным молчуном, замкнутым тугодумом: «Вот Иван Никифорович приходит в дом: «Здравствуйте. Бог помочь!» — «Милости просим. Проходи». Он садится, вынимает свою трубку и закуривает. Выкурил, встает: «Ну, прощайте». — «Дак Иван Никифорович, ты, наверно, за делом приходил?» — Нет, только поговорить». И пошел себе. Поговорил, значит»⁸³. Иногда он пытался дознаться, с какой прибылью торгуют алапаевские лавочники, и везде он спрашивал одно и то же: «Вот приходит Иван Никифорович в лавку: «Здравствуйте. С прибылью торговать». — «Спасибо, Иван Никифорович. Что покупать будешь?». А он молчит. Мало погода: «А вы, наверно, прибыль делаете рупь на рупь?» — «Что ты, Иван Никифорович, хоть бы копейка

⁸² ФА УрГУ, кол. «В-Салда-1966».

⁸³ Примеры о чужаке взяты из статьи автора «Юмористические рассказы и анекдоты, бытующие в рабочей среде». С. 32—34.

на копеечку!» — «Ну прощайте пока». И пошел себе». Юмористы обыгрывали его поступки, привычки: как он зимой часто ходил без шапки и рукавиц, как он не любил встречаться с попом и неуклюже убегал, увидев идущего навстречу священнослужителя, как он наивно хитрил с женой... Как и все возчики, он бережно относился к лошади, но, видимо, и здесь переходил границы общепринятого, и поэтому с усмешкой рассказывали, как он свою заурядную лошадь чересчур ласково оглаживал, нежно с ней разговаривал. Все это побуждало шутников к действиям: «Однажды он лошадь ласково уговорил, мол, кровиночка, подожди, скоро приду и привязал к ограде. А мужики лошадь выпрягли, оглобли сквозь ограду продернули и снова с другой стороны впрягли. Он пришел, заругался: «Как это ты, жаба, пролезла». Лошадь жабой назвал — допекли мужика: то кровиночка, то жаба. Ну потом все понял, засмеялся».

Острословы, даже оказываясь в новой для себя обстановке, быстро осваивались с ней. Рабочие Высокогорского рудника запомнили Кузьму Васильевича Ковылова, который появился в Тагиле после 1905 года. Был он откуда-то выслан, перебивался поденщиной, так как на постоянную работу его никуда не брали, видимо, за слишком острый язык. Рабочий И. Р. Носов запомнил такой эпизод: К. В. Ковылов с борта выработки кричал, когда мимо проезжал управляющий Бурдаков:

— Евгений Смарагдыч. Грабитель Медного рудника!

— Как сказал?

— Правитель Медного рудника.

Другой рабочий, И. М. Пылаев запомнил нечто подобное: «Сидим раз на железной дороге. Девчонки подбирают камешки... Солнце печет. Вдруг: Смарагдыч и другие. Кузьма Васильевич встал эк-вот посреди дороги, указывает им на девчонок: «Смотрите. Рабочие дети камешки собирают, а ваши жены подолы поднимают...» Был случай, когда К. В. Ковылов при народе, указывая на икону Николая угодника, сказал: «Это мошенник всемирный». Вообще в публичных «выступлениях» К. В. Ковылова ощутимо умелое использование рифмованной речи, омофонных особенностей русского языка, свою насмешку он адресует «начальникам» и их женам — в этом уже проглядывает традиция балагурства и основательно она проявляется в том, что он умел актерствовать. М. Ф. Боровых вспоминал, как К. В. Ковылов в конторе однажды «выбивал» ордер на два рубля: «Обыкновенно он носил очки. Приходит в контору, там в переднем углу образ Иисуса Христа висел. А под образом сидит за столом Иван Николаевич Зубакин. Как увидит Ковылова, в лице весь изменится, задрожит. Очень его

боялся. А тот повернется задом, очки таким вот порядком на затылок наденет:

— Хр-р-рм!

Иван Николаевич сидит, дрожит. Зубы эк-вот стучат: в-в-в-в.

— Хр-р-рм! Ворона! Пиши ордер на два рубля!

— Вы знаете, с кем говорите? В-в-в... Я помощник смотрителя...

— А я помощник (пальцем на икону) спасителя!»⁸⁴.

Но как человек грамотный, разбирающийся в политике, К. В. Ковылов шел дальше в своих критических высказываниях — он касался злободневных вопросов текущей политики. Тот же И. М. Пылаев вспоминал: «Он всех высмеивал: и кадетов, и эсеров, и меньшевиков за то, что только обещать — обещали, а ничего не добились — пустоговорки были. А пуще всего не любил он полицию и царя. Сколь принимал побоев за это... Тут его все жалели. Когда хлеба поднесешь, когда рюмку»⁸⁵.

* * *

Если не считать Даниила Заточника, первый русский балагур, попавший в письменные источники — это новгородский крестьянин Якушка Балагур, живший в конце XV века. Имена тысяч других канули в неизвестность, но не исчезло их искусство. Д. С. Лихачев пишет, что балагурство — одна из национальных русских форм смеха, что оно было неотъемлемой частью средневековой русской культуры⁸⁶. То же можно сказать в целом о балагурстве XVIII—XIX веков, хотя его подробное изучение еще впереди. Балагуры по-прежнему оставались «возбудителями» общественного мнения, весьма популярными в народной среде, и, видимо, не случайно словарь В. И. Даля содержит массу синонимов для обозначения народных юмористов: балагур, забавник, весельчак, веселяга, шутник, насмешник, пересмешник, говорун, потешник... Мы тоже пользовались этим синонимическим рядом, но думается, можно употреблять эти слова точнее.

Приведенный выше материал позволяет, хотя и с долей условности, выделить среди народных юмористов несколько типов.

1. Собственно балагуры. Это юмористы типа Н. Н. Медведева, по прозвищу Мякина, или А. Я. Гилева, по прозвищу Акиня

⁸⁴ Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / Под ред. М. Горького и Д. Мирского. М., 1935. С. 131.

⁸⁵ Там же. С. 155.

⁸⁶ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. М., 1984. С. 21.

Балагур. Они смеются и над окружающими и над собой, причем делают это не только посредством поэтического слова, но и лицедейства. Тот же Мякина устраивал настоящие представления из окна своей избышки: показывал рваную одежду жены, икону Николы угодника и т. п. и сопровождал все это потешными прибаутками, шутивными комментариями.

2. Шутники. Если следовать за В. И. Далем, то сюда относятся те, кто говорит и делает что-либо ради одной забавы, веселья, смеха; кто обманывает, но не ради лжи, а для безвредной потехи; кто тешит себя и людей пустой забавной выдумкой и т. п.

3. Озорники. Под озорством или озорничеством следует понимать действие общественного характера, преследующее отместку смехом (разумеется, в стороне остается так называемое домашнее, внутрисемейное озорство). Озорники далеко не всегда юмористы, их натура проявляется скорее в коллективном действии, поступке, розыгрыше. Озорники — преимущественно люди молодого, реже среднего возраста и находят они применение своим способностям преимущественно в коллективе сверстников. Были и такие, как А. Е. Клюква, который даже «в старости немножко озоровал». Но в целом озорничество — дело молодых, А. Е. Клюква — скорее исключение. В дальнейшем мы подробнее остановимся на этой теме в разделе «Традиции народного озорничества в стихийном протесте и революционной работе молодежи».

4. Острословы. Это юмористы (или сатирики), обладающие остроумием и одновременно владеющие искусством устного слова. «Остроумие, — писал В. И. Ленин в «Философских тетрадах», — схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в соотношения друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие»⁸⁷. Юмористические и сатирические «суждения» острословов всегда актуальны, может быть, даже злободневны. Думается, могли быть острословы типа К. В. Ковылова, в общественных поступках которых традиция балагурства смыкалась с массовым политическим критическим критицизмом. Основное в комических высказываниях таких острословов — это импульсы, идущие от современной общественно-политической обстановки.

Каждый заводской юморист имеет что-то свое, особенное, но склад его личности, его внутренний облик — интеллектуальный, нравственный, эмоциональный — социально детерминированы, а традиции народной комики стали для него внутренним регулятором личного поведения. Каждый балагур, шутник, острослов —

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

носитель социального взгляда, точки зрения своей среды, он разделяет социальную судьбу своих слушателей. Наконец, чувство социальности диктует каждому юмористу в целом отбор жизненного материала и выбор предмета насмешки.

Юмористы в заводской среде, как правило, хорошие рабочие. Они равнодушны к церкви, скептически воспринимают все, что связано с народной верой в колдовство, гадания, в силу хозяев природных стихий и т. п. Все это находит у них выражение в шутке, розыгрыше, пародировании, в комической песне... И в то же время в репертуаре заводских юмористов всегда находились песни, юморески, шутки, которые преследовали только одну цель — вызвать улыбку, жизнерадостную усмешку, добрый смех.

Глава III

ТРАДИЦИИ ПУБЛИЧНОГО ОСМЕЯНИЯ В ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧИХ

Неотъемлемой частью культуры рабочих была такая форма удовлетворения духовных потребностей, как обычаи. Рабочие восприняли многие традиционные обычаи и обряды, аккумулировавшие важные идеи, образцы поведения и мышления, входившие в структуру народной духовной культуры. Обычай можно определить «как исторически сложившиеся способы поведения в виде целесообразных действий, которые совершаются людьми той или иной общности в силу привычки, воздействия общественного мнения и воспроизводятся без изменения в течение длительного периода времени»¹. Обычай — это всегда общепринятый порядок совершения каких-либо действий, поведенческий стереотип в любой сфере деятельности. И поскольку в реальной действительности переплетены политика и быт, идеология и обыденное сознание, то и обычай может приобретать то или иное содержание.

Обычай и обряд иногда могут быть равнозначимы, и некоторые исследователи выделяют обрядовые обычаи, или обычаи-обряды², но в принципе обычай более широкое понятие, а обряд — более узкое. Если обычай проявляется в любой сфере деятельности, то обряд связан лишь с духовной культурой. Обряд — это комплекс символических действий, передающих и утверждающих определенные идеи, чувства, отношения³.

В среде уральских рабочих были и обычаи, и обрядовые обычаи, мы коснемся лишь тех, которые связаны с публичным осмеянием.

§ 1. Обычай шутить над новичком как форма реализации воспитательной функции рабочего коллектива

В среде уральского пролетариата был обычай отмечать наиболее важные события в жизни рабочего. Таких событий могло быть несколько и отмечались они однообразно, хотя в одних случаях

¹ Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980. С. 18.

² См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: XIX — начало XX века. Зимние праздники. М., 1973. С. 5.

³ Подробнее см.: Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976. С. 3—46; Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура. С. 3—37.

можно констатировать преобладание серьезного, а в других — комического.

Старый металлург Г. Н. Мишарин рассказывал: «Если новый рабочий поступал или его повышали на новую должность — обязательно «крестить». Был такой закон. Рабочий обязательно должен был купить водки и пива, пригласить всю смену и мастера в первую голову. Меня-то сколько раз «крестили». На шуровку пришел — «крестили», работником перешел (т. е. вторым подручным. — В. Б.) опять «крестили»⁴. Обычай «крестин», или «спрысков», «магарычей» в рабочей среде Н. С. Полищук связывает с традициями крестьянского быта периода разложения сельской общины и справедливо говорит, что «крестины» к концу XIX века отвергались передовыми рабочими: «Обычай этот, подрывавший и без того скудный бюджет рабочих и способствовавший укоренению в их среде пьянства, к концу XIX века передовыми рабочими стал восприниматься как зло, с которым надо бороться. А в начале XX века рабочие-большевики уже перешли в открытое наступление против него»⁵. Соглашаясь с этим утверждением, все-таки заметим, что «крестины» были не только поводом выпить за чужой счет.

Бригада, артель, вахта, смена принимали в свои ряды нового труженика, нового члена — обычай нес и закреплял идею приобщения человека к источнику своего существования, был своеобразным посвящением в рабочие, знаменовал начало нового этапа в жизни человека. Этот обычай не был изобретением крестьян или рабочих, он издавна существует у многих народов, принимая ту или иную ипостась в каждой национальной и профессиональной среде. Рабочие, конечно, в беседах не дают да и не могут дать такого объяснения, они просто вспоминают минувшее с большей или меньшей долей осуждения. Причем автору этих строк пришлось разговаривать со старыми рабочими, которые совсем не осуждали «крестины», рассказывали как о должном: так было принято. Старики из Алапаевского, Нижнесергинского, Верхнеуфалейского, Нижнеуфалейского и других заводов говорили, что родственники молодого рабочего часто помогали ему устроить «крестины» при поступлении на работу. Родственники часто шли на дополнительные расходы еще и потому, что был, как известно, избыток рабочей силы на уральских заводах и нужно

⁴ Уральская экспедиция 1950 г. Записи В. Кукшанова, В. Крупянской. — Архив института этнографии АН СССР, ф. 3538, л. 36. В дальнейшем: АИЭ.

⁵ См.: *Крипанская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX века. М., 1971. С. 166.

было всячески расположить к новичку тех, от кого во многом зависела будущая трудовая деятельность. Но в дальнейшем, когда рабочий закреплялся на своем месте, когда его повышали в должности, он уже обходился собственными средствами.

Брачные «крестины» принимали, как правило, шуточную форму. Молодой рабочий женился и как только после свадьбы он появлялся в цехе, над ним обязательно шутили: незаметно старались измазать рукавицы краской, онучи — сажей, грязью, фартук — дегтем и т. п. — пусть, мол, молодая жена отстирает, покажет свое умение. Чаше всего старались измазать фартук, или запон. Обычно у каждого было два запона: рабочий — он делался из мешковины, и щегольский — из хорошего белого холста. «Приходя на работу, горняк снимал форсистый запон и надевал простой, рабочий, чтобы избавить свою жену от частой стирки»⁶. Кроме того, расшитый белый запон жених получал от невесты на свадьбе. «Если только что женившийся парень приходил на работу без такого запона, его дразнили и осмеивали»⁷. Но если приходил в новом красивом запоне, то старались «нечаянно» дотронуться мазутной рукой, «случайно» задеть чем-нибудь грязным и т. п.

Если все это происходило, включая, конечно, мужские нескромные шутки, и молодожен достойно и умело выходил из ситуации (а помогала здесь, судя по рассказам стариков, публичная самоирония), то мужчины считали «крестины» состоявшимися. Если же молодожен злился, ругался, горделиво отмалчивался, изображал безразличие и т. п., то он становился предметом длительных насмешек, весьма колких подковырок. Такому молодожену могли, например, прятать инструмент, иронизировать над ним, подсмеиваться, пока не надоест.

Брачные «крестины» имели место только в узком кругу бригады, артели, носили подчеркнуто мужской характер, и даже жены не знали о них, тем более поселковые жители. Например, когда М. К. Дементьев, старый прокатчик Уфалейского завода, женившийся уже в 20-е годы, но прошедший традиционные «крестины», рассказывал о них фольклористам в 1983 году, его с удивлением слушала жена. Для нее это было интересной новостью. Мужчины не делали из «крестин» тайны, но и не распространялись, что обеспечивало эффект неожиданности, соответствующее поведение

⁶ Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни / Под ред. М. Горького, Д. Мирского. М., 1935. С. 57.

⁷ Там же. С. 57.

ние молодожена и, как следствие, всю дальнейшую комическую тональность и окраску.

Обычай шутить над новичками распространен во многих социально-профессиональных группах, а также в армии, на флоте, в закрытых учебных заведениях, вообще везде, где возникает временное или постоянное мужское сообщество. Эти шутки постоянно описываются в литературных произведениях, военных мемуарах при изображении солдат, матросов, курсантов в первые месяцы их службы. Приведем пример из повести В. Белова «Плотничьи рассказы». Старик Смолин вспоминает, как подростком он впервые попал в плотницкую артель. Поставили его к бревну: «Окантуй да горб стеши». Начал он «не по слою, а поперек, по бабы» и пока другие обработали по два бревна, он и с одним не успел справиться. Тогда отправляют его: «Сбегай-ка вон к Ярыке, попроси у него бокового правилка. А то уж ты, парень, неровно тешешь». Когда Ярыка услышал, что Смолин пришел к нему за боковым правилком, то взял обрезок и начал «по бокам охаживать». Все плотники посмеивались. «После этого,— говорит Смолин,— я сбоку уж бревно не тесал, а тесал вдоль». Разумеется, здесь комизм ситуации слабо выражен, ибо взрослые поступили с подростком достаточно жестко, но это типичная шутка профессионалов над новичком.

В среде уральских углежогов был шуточный обычай «ловить соболя». Когда наступило время «ломать кучонки» — разваливать кучи, подростку, впервые приехавшему в лес на углежжение, кричали: «Беги скорей ловить соболя». Заинтригованный подросток подбегал, думая, что действительно можно поймать соболя и разбогатеть, а углежог в это время нарочно толкал «клетку с таким расчетом, чтобы зола, сажка высоко взметнулись и широко разлетелись», да еще и лопатой подбрасывал золу на новичка и тот становился черным, как соболя. «Комический эффект возникал от несоответствия действительного состояния человека названию этого состояния «поймал соболя»⁸.

У рабочего коллектива было разное отношение к новичкам. Одно дело, когда приходил новичок достаточно взрослый — его нужно провести через «крестины», и совсем другое, когда на производстве появлялся подросток или 16—17-летний юнец. На такого новичка коллектив смотрел лишь как на будущего рабочего. Он еще

⁸ Кругляшова В. П. Трудовые обряды рабочих горнозаводского Урала по материалам народных рассказов // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 47—48.

ничего не знает, не умеет, он настолько беспомощен, что стоит ему с серьезным видом сказать глупость и он кинется исполнять. «Сбегай в соседний цех, принеси ведро компрессии», — скажет шутник рабочий новичку и тот, не зная, что компрессия — это сжатый воздух, побежит с ведром под всеобщий хохот. «Старые прокатчики над молодняком шутили. Помню, привели в прокатку Ларионова Виктора. Он в первый раз пришел, совсем слепой еще был, а один подает ему болду: «Бей болдой станину, пусть подвигается». Он начал бить, все собрались, смеются, кричат: «Пуще бей, пуще!». А он и так бьет без ума. Потом понял, что шутят, сам засмеялся. Станина-то тонны и тонны, куда ее подвинешь!»⁹ П. Ф. Булыгин пишет в своих воспоминаниях, что когда он в 1914 году впервые подростком пришел на работу в Кунгурские железнодорожные мастерские, его окружили рабочие, и один весело начал спрашивать: «Как мы будем протирать буферные тарелки? Конечно, без шабера и наждачной пыли, сразу на стекло, правильно я говорю?». Когда новичок растерянно кивал, все весело смеялись, а шутник продолжал: «До какого побежалого цвета калится свинцовое зубило? По-моему, до темно-желтого?» и т. д.¹⁰ Перед нами обычные шутливые вопросы, адресованные новичку и построенные на абсурде, а в поэтическом плане свинцовое зубило, протирка «на стекло» вагонной буферной тарелки — оксюморон.

Шутки над новичками не всегда были безобидными, в них соль и грубоватость — мужской коллектив принимал подобный юмор. Могли заснувшего на лавке подростка-рассыльного привязать, а затем закричать над ухом, он вскакивал и валился на пол вместе с лавкой; могли послать подростка «принести в шапке медного кружала» и когда он подходил к указанному лицу с просьбой дать «кружала» и подставлял шапку, тот хватал новичка за волосы и начинал кружить¹¹; или подросток, пока идет наладка, заснет где-нибудь, а его измажут: «Бывало, какая поломка... пока исправляют, какой-нибудь ленивый паренек ткнется куда и спит. Его сажей измажут, потом разбудят: «Айда, иди работать, пустили

⁹ ФА УрГУ, кол. «В-Уфалей-1983».

¹⁰ ПАСО, ф. 41. оп. 2, ед. хр. 62, л. 8.

¹¹ Приведем еще один типологический пример. П. А. Шилков среди различных шуточных «игр-забав» обитателей екатеринбургской тюрьмы в конце XIX века приводит и такую шутку: вновь прибывшего арестанта посылают в соседнюю камеру, чтобы он непременно принес «щипанцы, рванцы, кружала». Не подозревая никакого подвоха, новичок приходит и требует, что ему приказано «принести» — тогда его «щиплют, рвут и кружат за волосы». Все потешаются над недогадливым новичком (*Шилков П. А.* Из быта срочных арестантов // *Этнографическое обозрение*. 1891. № 4. С. 162—163).

прокатку». Все на него смотрят, смеются: измазан сажей, значит, ленивый»¹².

Без особых осложнений протекал процесс вхождения новичка в рабочий коллектив, пожалуй, в одном только случае, когда сын становился учеником, подручным, помощником отца, который выступал в роли наставника. Отец облегчал адаптацию своего сына в рабочем коллективе. Во всех остальных случаях этот процесс, очевидно, не был гладким и быстрым.

Производство для едва умеющего читать и писать или совсем неграмотного подростка было очень сложным, мудреным. Коллектив, осуществляя не только производственную, но и воспитательную функции, которые фактически переплетались, прибегал к различным формам воздействия на молодого рабочего, в том числе и к обычаю шутить над ним, иронизировать в его адрес. Обычай предоставлял право шутить над новичками всем, без исключения, рабочим, и некоторые из них, лишённые чувства меры, перегибали палку и доводили подростков до слез. Иными словами, имело место обычное зубоскальство, которое вряд ли способствовало формированию у новичка положительного эмоционального настроения, расположенности к труду, желания скорее освоить профессию и т. п.

Но в целом позитивность обычая не вызывает сомнения. Шутка учила, шуткой учили. На ту или иную тему достаточно было пошутить только один раз. После одного, пусть даже грубоватого, розыгрыша подросток уже знал, что такое компрессия, или шабер, или станина, или наждак, побежалый цвет, зубило, вагонная тарелка, протирка «на стекло» и т. п. Обычай помогал знакомить малограмотного подростка с довольно сложным заводским хозяйством, через розыгрыш приобретались практические знания, необходимые для трудовой деятельности. Кроме того, даже грубоватые шутки учили подростка быть собранным, сообразительным, они вводили его в нравственную атмосферу рабочего коллектива, который не терпел инертных, туповатых, ленивых, безынициативных. Розыгрыши, шутки помогали узнать новичка, но и он через те же шутки постигал этику отношений мужского коллектива, где своя особая доверительность, веселый дух товарищества, скрытая или явная соревновательность и т. п. Поэтому даже родители, особенно отцы, давали наставления типа «не лови мух», «не раскрывай хлебало», когда подростки начинали жаловаться дома на слишком занозистых заводских шутников.

В заключение отметим, что шутки над молодыми рабочими не отличались большим разнообразием. Строились они на логичес-

¹² ФА УрГУ, кол. «В-Уфалей-1984».

ком несоответствии слова и дела, оксюмороне и каламбурном обыгрывании значений однокоренных слов — приведенные выше примеры представляют все типы шуток и розыгрышей.

§ 2. Обычай публичного осмеяния заводской администрации как форма социального протеста рабочих в конце XIX — начале XX века

Формы социального протеста рабочих были самые разные. Одни из них отвергались социал-демократическими организациями, другие осуществлялись при их непосредственном руководстве, третьи возникали внезапно, стихийно, были насыщены непредсказуемыми движениями рабочей массы, но и в этом случае большевики стремились придать выступлению рабочих значимую идейно-социальную направленность. К числу таких стихийных форм протеста относится публичное осмеяние заводской администрации. Это осмеяние, хотя и принимало в каждом отдельном случае свой колорит, в целом имело достаточную структурно-композиционную устойчивость и выраженную связь с традициями народной смеховой культуры.

Уральские рабочие уже во второй половине XIX века, предъявляя администрации экономические требования, одновременно настаивали на удалении некоторых администраторов. Например, в Представлении главного начальника горных заводов Уральского хребта министру финансов о волнениях на Катаевских заводах от 17 июня 1861 года говорится, что углежоги потребовали не только повышения платы, но и смены приказчиков В. Киселева и Е. Бисярина¹³. В начале XX века на уральских заводах продолжали оставаться тяжелыми условия труда, самые низкие в стране заработки, и, кроме того, рабочие часто оказывались в униженном положении — заводские администраторы сознательно попирали их человеческое достоинство. Об этом рабочие постоянно писали на страницах подпольных газет и листовок и требовали увольнения конкретных мастеров, штейгеров, управителей, инженеров и т. п.¹⁴. Поскольку эти справедливые требования не удовлетворялись, рабочие переходили к доступным им действиям.

20 сентября 1905 г. рабочие Мотовилихи выбросили за ворота завода инженера Сеппайна. По этому случаю была выпущена лис-

¹³ См.: Революционная и трудовая летопись Южноуральского края: Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала. 1682—1918. Челябинск, 1980. С. 164.

¹⁴ См.: Листовки пермских большевиков 1901—1917 гг. / Сост. Н. А. Аликина. Пермь, 1958. С. 62, 70, 75, 84, 377, 481 и др.

товка, в которой говорилось не только о «дерзости и занозистости» Сеппайна, но и его постоянном стремлении унижить человеческое достоинство рабочих: «Можно подумать, что высокомерный инженер задался целью доказать рабочим, что они не люди, а рабочая скотина. Он, как добрая ищейка, по пятам преследовал рабочих: даже кружка чая, выпитая рабочим в казенное время, вызвала бешеную брань и летела через головы рабочих. И вот случилось то, что должно было случиться: Сеппайна вывели из завода и сделали это в самой исключительной форме. Все это произошло стихийно»¹⁵. Подробности сообщал своему начальству помощник пермского уездного исправника: рабочие снарядного цеха «накинулись на своего управителя горного инженера Сеппайна, начали скопом выводить его из цеха; выпроваживая, надели на него лапти и до вывода за стены завода в лицо бросали грязью...»¹⁶

В следующей листовке рабочие сообщали всему городу, что Сеппайна «вывели из завода, так как другого средства избавиться от него не оставалось», и «точно так же разделались с двумя мастерами»¹⁷.

В России издавна существовала поговорка «обуть в лапти» или «переодеть из сапог в лапти», что означало, по Далю,— поставить еще в худшее положение. В таком значении эта поговорка употреблялась на горнозаводском Урале. Так, считая, что рабочие слишком мало работают и много получают, управитель Серебрянского завода в первый же год своей службы публично заявил, что он «всех мерзавцев — серебрянских рабочих в лапти обует»¹⁸. Через некоторое время рабочие, доведенные до отчаяния низкими заработками, «пытались самого управителя «обуть в лапти»: толпа рабочих около 120 человек «пришла к конторе и потребовала управителя, который, видимо, догадавшись в чем дело, не вышел, а послал вместо себя для переговоров подчиненного. Несмотря на многократные требования, управитель побоялся показаться рабочим»¹⁹. В этом случае «обуть в лапти» — групповое действие, наполненное социальным содержанием: через осмеяние рабочие срамят неугодного им начальника.

¹⁵ Листовки пермских большевиков... С. 219.

¹⁶ ГАПО, ф. 165, оп. 1, д. 113, л. 115. Один из участников пишет в своих воспоминаниях: «Пришедшего в цех Сеппайна рабочие изловили, натянули на его белоснежный китель грязный и рванный рогожий куль, обули в лапти и под свист, хохот и ругательства повели по двору к проходной, дали пинка под зад и метлой замели его следы» (*Зенков И. В.* От января к декабрю // Под красным знаменем: Сб. воспом. Молотов, 1957. С. 30).

¹⁷ Листовки пермских большевиков... С. 220.

¹⁸ Там же. С. 500.

¹⁹ Там же. С. 501.

Правда, в приведенных примерах с инженером Сеппайном, двумя безымянными мотовилихинскими мастерами и серебрянским управителем комизм ситуации несколько редуцирован. Но можно дать более наглядный пример. В 1905 году на одной из Кизеловских копей горнорабочие «обули в лапти управителя Шилкова И. И., надели на него грязную замасленную одежду и повели в гору», т. е. в шахту. «По дороге в гору на переезде к нему присоединили его первого помощника расчетчика Каменского А. И., который хотел укрыться на сеновале, но был найден... К этим двум присоединили еще магазинера Старцева А. Н., дали ему в руки худые ведра и заставили всю тройку петь и плясать под хохот толпы. Кроме того, Шилкова в горе заставили работать и пить горную воду, одним словом, показали истинную несносную жизнь горнорабочего»²⁰. «В ответ на грубости управляющего Чермозским заводом Пивинского, рабочие повели его к реке, заставили напиться холодной воды, искупали в проруби, одели в грязные дерюги, обули в лапти и водили по заводу»²¹. Ясно, что основная функция этого комического действия — публично осмеять, оскорбить администраторов. Напомним, что, по Далю, срам — стыд, позор, поруганье, бесчестье.

Но чаще в таких случаях рабочие вывозили администратора на тачке. В Верхнесинячихинском заводе вывезли техника Родионова, точно так же поступили рабочие пермских железнодорожных мастерских с начальником депо Окончицем в 1905 г., в том же году в Белорецком заводе были вывезены на тачке несколько инженеров и «верховых мастеров», среди которых было трое немцев — Коль, Бетхер, Бейер²². В ноябре 1906 г. «рабочие Сосьвинского завода вывезли на тачке ненавистного им служащего, после чего он покинул завод»²³. «Очевидцы рассказывали, как в 1905 г. рабо-

²⁰ Очерки, воспоминания о рабочем движении на Урале с 1902 по 1917 гг. Т. 1. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 15, л. 106, 115. На Воткинском заводе в 1902 г. горному начальнику Трояну «хотели надеть лапти, совали к самому лицу кусок хлеба из горькой муки, заставляли его курить папиросу из махорки...» (Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.: Сб. мат-лов и док. / Под ред. А. Танеева. Свердловск, 1926. С. 77).

²¹ Мельников Ф. Е. Западный Урал в революции 1905—1907 гг. Пермь, 1946. С. 89; См. также: Быстрых Ф. П. Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1959. С. 194.

²² См.: ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 29, л. 6; д. 166, л. 82; д. 181, л. 127 об; Сборник документов и материалов по революционному движению 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 81, 106; Быстрых Ф. П. Большевистские организации Урала... С. 221; Белорецкинский завод // Уральская жизнь. 1906. 28 июня; В-Синячихинский завод // Уральский край. 1906. 24 янв.

²³ Буранов Ю. А. Революционная борьба рабочих Богословского горного округа в 1906—1907 годах // Вопросы истории Урала. Пермь, 1969. С. 246.

чие усадили на тачку надзирателя Шведова, положили рядом с ним саженную меру и повезли тачку под свист и хохот рабочих с территории завода. За тачкой шел рабочий и усердно заметал след метлой. Это означало, что возврата Шведова на завод больше не должно быть. Та же участь постигла и других служащих — Хлебникова и немца Эслингера»²⁴.

В 1906 году на Каслинском заводе состоялась забастовка, охватившая все цехи. Забастовщики требовали повышения расценок, увеличения отпуска до одного месяца в летнее время и т. п., а также немедленного увольнения нескольких ненавистных им надзирателей и уставщиков. Были вызваны казаки, которые хватали рабочих и силой загоняли на территорию завода. Тогда рабочие «одного надзирателя с оскорбительными насмешками вывели с завода, другого — посадили силой на тачку и вывезли». В конце концов они добились удовлетворения ряда выставленных требований, и были уволены надзиратели Моголин, Ахлюстин, уставщик Питуев²⁵.

Рабочий, ощутивший себя личностью, членом коллектива, не мог выносить не только рукоприкладство, но и обычную грубость. «Администрация завода, мастера и другие служащие не должны говорить, обращаясь к рабочим «ты», а говорить «вы» — такие элементарные нормы культурного общения рабочие должны были завоевывать в классовой борьбе: это одно из 15 требований собрания рабочих Надеждинского завода в мае 1903 года²⁶. Причем, под № 5 рабочие записали: «За грубое обращение с рабочими врач Токарев должен быть отстранен от должности»²⁷. Даже от врача рабочие не хотели переносить грубости. Вообще это редкий случай, чтобы рабочие захолустного поселка потребовали уволить единственного врача. Начальство в течение месяца не увольняло Токарева, и тогда на очередном собрании в Народном доме один рабочий предложил: «Вывезти врача из его дома на тачке на вокзал, а там он знает куда ехать, не маленький!». Собрание дружно поддержало. Узнав об этом, Токарев на другой же день сам уехал из Надеждинска²⁸. На этом же заводе в 1906 году рабочие сначала пригрозили инженеру доменного цеха Кучкину вывезти его на тачке, а через некоторое время, видя что он относится к рабо-

²⁴ Коновихин М. Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 53.

²⁵ Гольдберг А., Волчек К. За светлую долю: По воспоминаниям старых большевиков города Касли. Челябинск, 1957. С. 7—8.

²⁶ Чащин В. А. В суровые годы. Воспоминания старого большевика. Свердловск, 1957. С. 118.

²⁷ Там же. С. 119.

²⁸ Там же. С. 130.

чим «скверно, побуждаемый стремлением выслужиться перед начальством», наказали его: собрали всех рабочих доменного цеха и провели голосование: «Кто за вывоз Кучкина, отходи вправо, кто против — влево». Большинство оказалось на правой стороне²⁹.

Иногда «тачкой» только угрожали, «тачка» была как дамоклов меч. Один из рабочих Лысвенского завода вспоминал, как мастера лудильного цеха Сиротина предупреждали: «Если грубить не перестанешь, вывезут на тачке». И при переходе из травильного цеха в лудильный поставили тачку, вымазанную дегтем, чтобы она «напоминала» мастеру, как нужно вести себя³⁰. В 1906 году рабочие Нязепетровского завода публично пригрозили механику «вывезти его на тачке и при всем народе выбросить за заводские ворота», если он будет продолжать «снижать расценки и оскорбительно обращаться с людьми». Через несколько дней механик сам «убрался с завода»³¹.

И через подпольную печать рабочие действовали таким же образом. В своих письмах в газету «Уфимский рабочий», которая выходила нелегально в 1906—1907 годах, рабочие писали именно о «тачке». Митрофанов А. Х., бывший редактор «Уфимского рабочего», писал: «Пропечатать кого-либо из администраторов, пригрозить «тачкой» зазнавшемуся мастеру — было обычным содержанием анонимных записочек-корреспонденций из заводов и мастерских. Состоятельность обвинения предварительно проверялась в соответствующем районном комитете партии, и напечатанная в «Уфимском рабочем» корреспонденция производила на виновника такое действие, что действующее лицо или «каялось» в своих прегрешениях, конечно, в большинстве случаев лицемерно, или куда-нибудь переводилось во избежание «прогулки» на популярной тогда «тачке» под рогожным кулем»³².

Большевики использовали эту форму протеста рабочих на Ирбитском заводе. Управитель Софонов в течение многих лет высокомерно и злобно понукал рабочими, в ответ на их справедливое требование он мог, например, сказать: «Ваше дело телячье,

²⁹ Чащин В. А. В суровые годы. С. 171.

³⁰ Воспоминания старых рабочих о событиях 1905 г. на Урале. Т. 1. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 14, л. 240.

³¹ Бархатов А. В. Повесть минувших дней: Воспоминания подпольщика. Свердловск, 1966. С. 19. Примерно такую же ситуацию, относящуюся к концу 1905 г., описывает дореволюционный писатель П. И. Заякин-Уральский в очерке «В плену у железа» (Заякин-Уральский П. И. Избранные произведения. Свердловск, 1935. С. 43).

³² Чит. по: Филов В. Тридцать лет: К истории рабочей печати на Урале и к 10-летию «Уральского рабочего». Свердловск, 1928. С. 44; См. также: Материалы по истории уральских заводов. Т. 2. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 27, л. 13.

поели и в хлев» или «Как хочу, так и ворочу, ваш закон у меня в кармане». В конце концов он довел рабочих до того, что у них возникла мысль убить его. Чтобы не допустить этого, большевики предложили забастовать и началом забастовки было публичное посрамление управителя. «...В 7 часов утра 12 марта 1907 г. пустили тревожный вой гудка. Рабочие начали быстро сходиться в сварочный цех, прибежали рабочие второй и третьей смен. Пригнал и управитель Софонов прямо в толпу рабочих. Делегаты Журавлев Ф., Казанцев С., Ширкунов Г. заявили о прибавке зарплат топочникам паровых котлов. Софонов: «Прибавить не могу, а убавить могу». Толпа зашумела, закричала: «На дровни его, за ворота его, на свалку!». В момент появились дровни с длинной веревкой, с худой хоравиной (рваный, ржавый лист железа.— В. Б.), насильно посадили. В корень впрягся 60-летний седой старик — Панов Руф Степанович, толпа поймалась за веревку... С криками, с гамом и уханьем, свистом, с воем пожарного гудка помчали Софопова за ворота на свалку... Рабочие кричали... «Ура!», подростки били в печные заслонки»³³.

В Уральском горном управлении вели учет всех выступлений рабочих против заводской администрации, и особо отмечались случаи публичного осмеяния и вывоза на тачке мастеров, инженеров, начальников цехов на Катав-Ивановском, Мотовилихинском, Златоустовском, Тирлянском, Аша-Балашовском, Белорецком, Воткинском и других заводах³⁴. Иногда причиной изгнания администраторов было их неумелое руководство производством, которое сказывалось на зарботке рабочих. Именно за это рабочие вывели из Верх-Исетского завода начальника мартеновского цеха, вывезли на тачке механика Балакина и его помощника Лоцманова³⁵.

Администрация пыталась выработать тактику борьбы с рабочими. Об одной из таких попыток служащих Алапаевского завода сообщала газета «Уральский край»: «Ввиду участвовавших удале-

³³ Мемуары И. Бороздина. Ирбитский завод в огне борьбы. Конец XIX — начало XX века. Т. 1. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 90, л. 196; См. также: ф. Р.—318, оп. 1, д. 97, л. 17, 160; д. 98, л. 13; *Нечуждый*. Уральские очерки // Уральская жизнь. 1907. 28 нояб.; Ирбитский завод // Уральский край. 1907. 11 апр.; *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 177—178; *Коверда П.* Прочь с завода! // Уральский следопыт. 1982. № 4. С. 70.

³⁴ Террористические акты, насилие, угрозы заводской администрации и т. п. случаи, бывшие на уральских заводах и промыслах в 1902—1908 гг. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 76, л. 230, 231 и след.; См. также: Уткинский завод // Уральский край. 1906. 4 янв., 29 янв.; *Досужий*. Верхне-Туринский завод // Уральский край. 1907. 4 июля.

³⁵ Воспоминания рабочих Верх-Исетского завода о Февральской, Октябрьской революциях и гражданской войне. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 63, л. 105.

ний из завода рабочими служащих в заводской конторе недавно состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос относительно тактики, которой следует придерживаться, чтобы избежать в будущем подобных явлений. Один из служащих сделал весьма характерное заявление. По его мнению, необходимо водворить в стенах завода полицейскую «рать», которая бы с успехом могла парализовать действия рабочих. Заявление это вызвало возгласы неодобрения среди многих и было отвергнуто начальством»³⁶.

Разумеется, начальство боролось: закрывало цеха, заводы и требовало, чтобы рабочие извинились перед посрамленным администратором; увольняло организаторов или даже всех участников изгнания — и все-таки вплоть до Октябрьской революции эта форма оставалась в арсенале борьбы рабочих. Так, в апреле 1917 года на Верхнетурунском заводе был организован профсоюз, но управитель Домрачев высокомерно заявил председателю заводского комитета профсоюза: «Я не признаю Совет собачьих депутатов». Тогда председатель собрал митинг и рассказал об оскорбительном поведении управителя. Рабочие тотчас же разыскали Домрачева, ...доставили капелевскую вагонетку и мешки из-под графита, ...посадили управителя на мешки, а один надели на голову и покатали тележку по заводским улицам...». Управителя «подвезли к его квартире, сняли мешок с головы, ...потребовали рубль на чай за то, что долго катали его по заводским улицам, ...после этого Домрачев на заводе не появлялся»³⁷.

Наконец, рабочие могли выгнать мастера за взяточничество. Так как на уральских заводах существовал избыток рабочей силы, были введены так называемые «гулевые» дни и недели. На этом стремились нажиться мастера, начальники цехов, от которых зависело распределение работы. Можно привести интересный своими подробностями отрывок из воспоминаний ветерана Нижне-Уфалейского завода А. П. Агапитова: «В листопрокатном цехе работал начальником Чудинов. Он был взяточник: ему тащили яйца, масло, везли сено и дрова, ничем не брезговал, ни от чего не отказывался. В мае 1917 года Чудинов послал несколько человек на гулевую неделю после полутора отработанных. Эти рабочие вышли из цеха и возмущенно заговорили, что начальник одним дает работать четыре недели, а другим только полторы. В это время проходил мимо литейщик Костя Селиванов и говорит: «Эх, вы, да разве царское время теперь, надо выгонять таких начальников». Тут же побежал в склад, взял мешок из-под сурика и с этим мешком

³⁶ Алапаевск // Уральский край. 1906. 27 авг.

³⁷ ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 157, л. 47.

все пошли в листопрокатный. Нашли Чудинова и надели на него мешок и вывели из цеха, довели до угла сутуночного цеха и отпустили. Чудинов сбросил с себя мешок — как черт весь в сурике! Без фуражки побежал в квартиру управителя... Листопрокатный, сутуночный, механический цеха самопроизвольно остановились, рабочие начали митинговать. От волостного правления бежит урядник Гижевских с криком: «Что за бунт, немедленно разойтись!» Костя Селиванов вышел из толпы и говорит: «Никакого бунта нет, а только вывели из завода ненужных начальников. Раз старой власти нет, то и ты, урядник, уже не власть» и сорвал с него шапку. Урядник присел, руками начал махать, хотел что-то кричать, но вместо этого, вместо слов получилась икотня... А на другой день стало известно, что управитель, пачальник листопрокатки и урядник почью уехали из Нижнего Уфалея с семьями»³⁸. Отметим еще, что в дореволюционной уральской литературе также встречаются подобные характерные эпизоды рабочей жизни. Кроме упомянутого П. И. Заякина-Уральского, можно назвать еще повесть «Перед грозой» А. Погорелова, написанную в конце XIX в. А. Погорелов описывает, как «мастеровые Надеждинской волости в числе 1215 человек» потребовали удаления управляющего Сонегина в течение 24 часов. Его вывезли на железнодорожную станцию, и «вывоз» был соответственно организован: подали старую, грязную «коляску», запрягли «разномастных» лошадей, одна из которых была хромая; кучер — угольный мастер Панфилов — был костюмирован контрастно: на голове у него «изъеденный молью пуховый цилиндр древнего образца», а на ногах новые сапоги с резиновыми галошами (один из героев называет его в таком наряде «вороной в павлиньих перьях» и «чучелом гороховым»). За околицей позорную коляску с управляющим встретила толпа мастеровых: «выстроились, как солдаты, по обе стороны дороги — проводы устроили». Эти «проводы» репликами персонажей характеризуются как «фарс», «комедия», «цирк», «балаган»³⁹.

* * *

Из приведенных примеров видно, что смех коллектива был направлен на конкретных лиц, изгнание которых с завода было актом общественного бесчестия. Посрамлению подвергались главным образом лица, обладавшие властью на заводе, руководи-

³⁸ Агапитов А. П. История Нижне-Уфалейского завода. Рукопись. 1963 г. — Хранится в библиотеке поселка Нижний Уфалей Челябинской обл.

³⁹ Погорелов А. Перед грозой // Русское богатство. 1899. № 12. С. 20—24.

тели производства⁴⁰. Эта форма протеста была действенной: в подавляющем большинстве случаев рабочие добивались поставленной цели, администратор уходил с предприятия, уезжал из поселка, хотя, конечно, были исключения.

Повод к выступлению рабочих мог быть заурядным, но причина почти всегда носила социально-политический характер, и социал-демократы, помогая рабочим осознать свое положение в системе капиталистического общества, стремились использовать эту форму протеста и направить его в русло организованной классовой борьбы. Общественному осмеянию были подвергнуты руководители производства на Серебрянском, Нейво-Шайтанском, Верхнесиничинском, Алапаевском, Белорецком, Сысертском, Верхнеуфалейском, Сосьвинском, Миньярском, Каслинском, Надеждинском, Ирбитском, Верх-Исетском, Верхнетурьинском, Воткинском, Тирлянском, Катав-Ивановском, Златоустовском и других заводах, на Кизеловских шахтах, в Пермских железнодорожных мастерских... Список может быть продолжен, но важно подчеркнуть, что рассматриваемое явление имело широкое распространение на Урале⁴¹, причем оно характерно и для крупных заводов типа Мотовилихинского, и для небольших заводов, таких, как Нижнеуфалейский.

«Обувание в лапти» и «вывоз на тачке» — это две разновидности одной формы социального протеста, которая имела закрепленную линию поведения всех участников, постоянную атрибутику, определенную цель и направленность. Конкретный материал убеждает в том, что это был обычай.

Обычай публичного осмеяния издавна существовал у русских. Не вдаваясь в историю его бытования, отметим, что он был, например, в Новгороде в конце XV века, когда шла борьба с еретиками. Их подвергали телесным наказаниям, ссылали в отдаленные монастыри, а также садили «на лошадей лицом к хвосту, в одежде

⁴⁰ Отдельно могут быть рассмотрены случаи, когда изгонялись из коллектива рабочие за наущничество, лакейское поведение, воровство, пьянство и другие нарушения норм рабочей морали. Например, в 1905 г. на Мотовилихинском заводе были выведены токари Пошкин и Чирков. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, д. 76, л. 230. В 1906 г. рабочие Челябинских железнодорожных мастерских, убившись, что сторож Ш. — провокатор, вывели его на тачке: «Сейчас же была привезена тачка, посажен Ш., демонстративно провезен перед собранием, чтобы все видели, и вывезен на кучи. Собрание продолжалось два часа при образцовом порядке» (*Перекашиполе. Из жизни рабочих // Уральский край. 1906. 15 авг.*); См. также: Высший подъем революции 1905—1907 гг. М., 1955. Ч. 2. С. 794.

⁴¹ Кстати сказать, публичное осмеяние входило в практику классовой борьбы и в других регионах России, но это тема отдельного исследования.

рукавами назад, в шутовских колпаках из бересты и с надписью «Се есть сатанинино воинство». Их водили по городу, причем жителям было велено плевать на них»⁴².

Обычай публичного осмеяния заводских администраторов генетически связан не только со старинным русским обычаем изгнания из определенного круга неугодных личностей, но и с народной комикой, народной смеховой культурой.

Известно, что в любом народном действе, театрализованном представлении важное значение имеет костюм, ибо он внешне отличает отдельного участника от всех других. Поэтому рабочие в первую очередь стремились именно костюмировать изгоняемого. Его костюм был, разумеется, условный, но имел вполне значимые реалии. Поскольку в производственных условиях многое невозможно использовать, да и не было в этом особой необходимости, в дело шло то, что находилось под рукой, и костюмировались лишь верх и низ, голова и ноги.

На управителя завода или мастера надевались лапти — это была основная обувь подавляющего большинства рабочих уральских заводов, сапоги носили только высококвалифицированные токари, слесари, доменные мастера. Обуть начальника цеха или инженера в лапти — значит как бы уравнивать их с собой и, кстати сказать, эта же идея уравнивания лежит в других действиях рабочих: начальника заставляют спуститься в шахту, помахать там каелкой, попить ту же горную воду, которую пьют шахтеры, поесть из недоброкачественной муки хлеб, который вынуждены есть рабочие и т. п.

И в то же время лапти на начальстве — знак не столько его «равенства» с рабочими, сколько превосходства рабочих, ведь силой надетые лапти делали фигуру начальника комической. У русских всегда «особенную роль в смеховых переодеваниях имели рогожа, мочала, солома, береста, лыко. Это были как бы «ложные материалы» — антиматериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами»⁴³. Начальник цеха в лаптях — уже ряженный, уже участник комического действия.

Кроме того, народнопоэтическая традиция предписывает участнику представления загримировать или хотя бы закрыть чем-нибудь лицо, чтобы не быть узнанным и тем самым достичь боль-

⁴² Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.): Критические очерки. М., 1967. С. 83; См. также: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 330, 331.

⁴³ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 20.

шего художественного эффекта. «Стремление актера так одеться и загримироваться, чтобы не быть узнаваемым,— в народном театре явление очень распространенное,— пишет П. Г. Богатырев. — Это одна из основных функций перевоплощения»⁴⁴. У народа существует ряд способов гримировки, один из них — неестественная окраска лица, когда оно мажется какой-нибудь краской, сажей или смачивается водой и обсыпается мукой, другой — прикрытие лица распущенными волосами, куском ткани⁴⁵. У рабочих тоже явно стремление «загримировать» начальника. Но если народный актер где-то «за кулисами» сам обсыпает мокрое лицо мукой или прикрывает его лукошком, платком и т. п., то здесь как бы пародируется настоящий грим: начальника публично обливают водой и обсыпают мусором, на голову надевают мешок из-под краски, куль из-под угля или мажут грязью...

В руках рабочих обычные производственно-бытовые предметы меняли свои функции, становились реквизитом, бутафорией: печная заслонка превращалась в самодельный барабан, мешок из-под угля — в шутовской колпак и т. п.⁴⁶ Особую роль играли чуман, тачка. К тому же ее иногда мазали дегтем, который всегда — знак публичного позора. Такой «транспорт» обычно использовался для вывозки отходов, мусора, и тем самым высмеиваемый администратор как бы приравнивался к тому же мусору, ему навешивался ярлык бросовости, ненужности, отторженности от массы заводчан.

Идея отторженности от рабочей массы выражена и в пространственной организации этого комического действия: высмеиваемый выдворалялся за четко обозначенную границу — из цеха, из мастерских, за ворота завода.

Кроме того, за тачкой иногда шел рабочий с метлой и заметал следы — так символически закреплялось изгнание администратора, подчеркивалась окончательность изгнания. Здесь опять-таки в народном плане переосмыслена символика старых народных поверий, в которых фигурировали веник, дорога, заматание следа⁴⁷.

⁴⁴ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 106.

⁴⁵ См.: Там же. С. 103—119.

⁴⁶ «Вывод обставляется такой торжественностью, перед которой бледнеют московские манифестации истинно русских людей, — иронизировал местный журналист. — Угольные мешки, заменяющие флаги, железные ведра, играющие роль барабанов, приличествующие случаю речи, «величественное» хоровое пение...» (Зл-ов П. Маленький фельетон // Уральский край. 1907. 7 июня).

⁴⁷ Приведем пример из уральского быта. Уже в советское время были сделаны такие наблюдения в Соликамском районе Пермской области: «...Лично знаю ряд случаев местонахождения подков на порогах в избах и шест с веником на дороге возле дер. Новинки — символ заматания следа, чтобы не вернулся вновь леший, который в течение нескольких лет беспокоил деревню своими

Когда «обували в лапти» или «вывозили на тачке», между участниками и зрителями не было строгого разделения, по счёту дела, все были участниками, но, разумеется, выделялись «солисты». К ним следует отнести, очевидно, наиболее сознательных, наиболее активных, неформальных лидеров, которые создавали общественное мнение, энергично действовали в решающий момент и делали все для превращения администратора в ряженого.

В народных гуляниях, свадьбах, некоторых календарных обрядовых праздниках человек в маске, ряженный всегда находится в атмосфере словесной и не только словесной фамильярности. Естественно, что и с ряженым администратором следовало соответственно обращаться: дать в руки худые ведра, заставить плясывать, освистать, закричать в лицо, толкнуть, бросить в некоем смысле грязи, и по заводской территории вся процессия двигалась под рев пожарного гудка, гиканье, насмешливые восклицания, едкие реплики, злые высказывания. Это была кульминация, и классовая ненависть массы рабочих находила резкий и достаточно грубый эмоциональный выход. «Смех не только признак силы, но сама сила», — сказал А. В. Луначарский по другому поводу, однако эти слова, как нельзя лучше, подходят к данной ситуации, определяющей ее сущность. Рабочие торжествовали победу, пусть временную, но такие победы вселяли уверенность в силу рабочего братства, в силу рабочего коллектива. Такие победы способствовали укреплению чувства солидарности рабочих и, следовательно, должно говорить еще и о воспитательной функции этого обычая.

Из сказанного ясно, что революционные традиции пролетариата формировались, опираясь на народно-национальные формы культуры.

Рассмотренный обычай в 20-е годы принял новый вид. «Смех, хотя и не сразу, но занял почетное место в советской праздничной культуре, которая в «политкарнавале» стала применять его как универсальное средство воспитания в массах чувства коллективности, уверенности и подъема, привлечения их внимания к актуальным моментам строительства и политической борьбы», — пишет А. И. Мазаев⁴⁸. Конкретно это выражалось в различных сатири-

страшными явлениями». — Неустановленные авторы. Фольклорные записи 26 января 1937 г. — ГАСО, ф. 2111, оп. 1, д. 33, л. 12 об; См. также: Мартеньянов Т. А. Из истории русской сатиры на клир // Исторический вестник 1908. № 11. С. 591; Салов И. Подпольная работа в Симском заводе в 1904–1906 годах // 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925. С. 58.

⁴⁸ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. // 1978. С. 361.

ческих плакатах, движущихся изоустановках, комических сценках, разыгрываемых участниками шествий, демонстраций, и в их числе была «тачка с Пуанкаре, Эбертом и другими, которых грузчик везет на свалку»⁴⁹.

§ 3. Традиции народного озорничества в стихийном протесте и революционной работе заводской молодежи

В рабочей среде так же, как и в крестьянской, было распространено озорство, или озорничество — имеем в виду то, что современные словари толкуют как выходящее из обычных норм поведение, шалость, веселые проделки, а В. И. Даль определял как шаль, дурь, потехи, проказы. Уточняя, скажем, что озорничество всегда связано с действием, преследующим отместку смехом, и в рабочей среде носило преимущественно коллективный характер, хотя, конечно, могло проявляться и в действиях отдельного человека. В уральской рабочей среде было озорничество трех типов.

Во-первых, бытовое озорство в праздники или чаще в будни. Цель бытового озорства — позабавиться смехом над кем-нибудь из жителей, поразвлечься, весело провести время, когда скучно и некуда деть себя. Особенно часто заводские парни озорovali в пост, когда запрещались любые развлечения, песни, танцы, когда отцы и деды прятали гармошки сыновей и внуков, чтобы они не играли ни в доме, ни на улице. «Великий пост — самое глухое время для молодежи, — вспоминала А. Кореванова. — Молодежь собиралась кучкой и бесцельно ходила по улице. Тишина. В доме огня нет, все спят. Скучища. Куда идти, зачем? А просто так, только бы не сидеть дома. Вдруг из толпы парней кто-то встрепенулся: «А пойдем, ребята, ширлябачить! Все равно попу каяться». Далее А. Кореванова рассказывает о нескольких озорных проделках заводских парней в Ревде в конце XIX века: 1. Подходят к дому «гульной вдовы», окна закрыты, но в щель видно, что у нее сидит за столом мужчина, перед ним бутылка вина, а у печки на шестке что-то варится; один из парней залез на крышу и куском доски закрыл трубу; все завернули за угол, смотрят, как из дома выскочила вдова и ее гость — надо лезть на крышу открывать трубу, ругань, хохот, свист, улюлюканье... 2. Подошли к избушке

⁴⁹ *Маззев А. И.* Праздник как социально-художественное явление. М., 1978. С. 361.

богомольной старухи, видно, как она молится одна перед иконой; парни встают у всех углов дома и по команде каркают. Старуха пятится к печке, трясется от страха, быстро крестится... Парни «натешились и с хохотом ушли». 3. Кто-то из хозяев не загнал на ночь овец, они лежат на дороге. Парни переносят овец в баню: завтра утром хозяева собьются с ног, пока найдут своих овец. 4. На середине улицы у богатого мужика стоит сруб, разложен надвое. Парни перетаскивают сруб на окраину поселка: «работу проделали немалую, а устали не чувствуют, гогочут, смеются»⁵⁰.

Народное озорство в том виде, в каком мы его застаем в конце XIX — начале XX века, генетически восходит к ритуальному смеху, в частности, как пишет В. Я. Пропп, «подобные выходки некогда дозволялись в святки, и парни сводили счеты с тем, кого они недолюбливали, особенно с местными властями из лиц старшего поколения. Одна из таких шуток состояла, например, в том, что разводили конский навоз в жиже, затем к кому-нибудь из крестьян стучали в окно или в дверь, а когда хозяин высовывал голову, другой парень макал в жижу метлу и проезжался ею по лицу хозяина... Заваливали ворота так, чтобы их нельзя было открыть, лили воду в печную трубу с крыши или забивали ее сеном и льдом, так что печь пачинала дымить и т. д. Обычай этот имеет большую древность...»⁵¹

Но в конце XIX века бытовое озорство в рабочей среде — лишь один из видов развлечения молодежи, хотя само по себе развлечение в великий пост являлось в то время, по крайней мере, проявлением религиозной индифферентности. Конечно, каждая проделка оценивалась по-разному. Та же напуганная парнями богомольная старушка могла вызвать жалость у верующих людей, они могли осудить парней и квалифицировать их озорство как хулиганство. А если такую квалификацию давал местный священник, если он обращался в полицию, то парней ожидало наказание. Так, в Нижнем Тагиле по требованию священника полиция иногда направляла богохульствующих озорников в Верхотурский мужской монастырь по этапу на две недели: «там они с утра должны были присутствовать на богослужении, а после выполнять хозяйственные работы: колоть дрова, чистить конюшни, возить навоз»⁵².

⁵⁰ Мемуары Агриппины Кореваковой. Т. 1. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 22, л. 139, 141—142.

⁵¹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 82. В другом месте этот исследователь пишет, что шуточные бесчинства касались преимущественно тех жителей, которых недолюбливали. См.: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963. С. 122.

⁵² Орлов И. А. Наши детские игры. — НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 16, л. 12.

Прodelки, направленные на немощных стариков или затрагивающие нравственно устойчивых, работающих людей, вызывают у кого-то смех, но это смех злой, жестокий. О таких проделках В. Я. Пропп писал: «Злорадство, которое в других видах юмора едва просвечивает, здесь налицо в неприкрытом виде. Этим данный вид юмора непригляден; тем не менее он глубоко присущ человеческой натуре, которая вовсе не всегда стремится к добру»⁵³.

Другое дело — более или менее остроумные проделки парней с социальными антагонистами или с людьми морально ущербными — именно здесь объективно возникала та самая отместка смехом, которая и отличала озорство от зубоскальства; отвлекаясь от частностей, скажем, что бытовое озорство в конце XIX — начале XX века — это требующее чувства меры развлечение общественного характера, где каждый молодой человек мог проявить выдумку, смекалку, находчивость, остроумие. Бытовое озорство — это, в конечном счете, групповой юмористический поступок, и основная часть жителей оценивала действия озорующих парней, руководствуясь принципом, выраженным народной поговоркой «молодо-зелено — погулять велено». Люди понимали, что «большинство заводских озорников, пережившись и обзаведясь семьями, становятся степенными рабочими»⁵⁴.

Но и степенным рабочим не были чужды озорные действия. К примеру, был обычай, предписывавший печнику во время его работы трижды подносить чарку: когда сложено основание печи, когда выложен свод и когда выведена труба. «Если хозяин не угостит печника, тот в печную трубу закладывал бутылку. С той же целью для озорства плотники врубали в верхний ряд сруба горлышко бутылки, если хозяин не угощал их, когда клали матицу. В ветреную погоду бутылка выла и не давала спать: «Помни, хозяин, и уважай мастера!»⁵⁵ Такие проделки печников или плотников становились известными в поселке и обыгрывались в устных юмористических рассказах, в которых предметом осмеяния была скупость, прижимистость хозяев. Здесь мы имеем второй тип заводского озорства. В отличие от первого, он связан не со свободным, а с трудовым временем и имеет не развлекательную функцию, а собственно отместку шуткой.

⁵³ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 82.

⁵⁴ Лундберг Л. История Верх-Исетского завода за 1900—1917 годы. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 55, л. 21.

⁵⁵ Орлов И. А. О крестных ходах, церковных и народных праздниках в Нижнем Тагиле. — НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 11, л. 7.

Эти два типа озорства в начале XX века в связи с развитием революционного движения приобретают социально-политическую окраску.

Известно, что в практику социалистов-революционеров входили террористические акты, поэтому на многих заводах администраторы боялись покушений, нападений. Заводские шутники иногда использовали этот страх. Например, в 1906 году в Верхне-Туринском заводе по площади, где в воскресный день рабочие играли в шаровки, проезжал управляющий Кензерский, и кто-то из рабочих бросил шаровку в его коляску. Управляющий подумал, что бросили бомбу, поэтому сильно испугался, упал на пол коляски, чем и вызвал веселый смех рабочих. В другой раз бросили палку в окно его квартиры, он упал, закричал, в доме начался переполох, все решили, что террористы бросили бомбу и она вот-вот разорвется...⁵⁶ Озорство заводчан всегда было направлено на начальника цеха, мастера, инженера — последний ходил обычно в белом кителе, поэтому рабочие старались сделать так, чтобы «нечаянно» испачкать его, как бы случайно создать ситуацию, в которой он бы выглядел смешно. То же самое делали с полицейскими. Ф. Вдовин вспоминает, что у рабочих Миньярского завода «полицейский не уйдет с завода без того, чтобы его не вымазали в масле или не поставили бы незаметно на раскаленное железо»⁵⁷.

В 1905—1906 годах в Перми, Екатеринбурге, Уфе, Златоусте и других городах и заводах Урала возникли боевые дружины. В некоторые из них, в частности на Южном Урале, входили группы подростков, «мальчиков-разведчиков»⁵⁸. Сохранились воспоминания о том, как большевики обучали этих подростков ловкости, слаженности в действиях на традициях народного озорства. Например, так поступал Михаил Гузаков, глава боевиков Симского завода: «Он давал мальчикам такие, на первый взгляд, шутливо-остроумные поручения: масленица, дым валит из всех труб, пекут блины. Михаил Гузаков поручает своим подопечным заткнуть все трубы. Проходит четверть часа, поручение исполнено. Заводские бабы ахают: блины не пекутся, дым ест глаза... В следующие четверть часа трубы, по поручению Гузакова, открыты. Блины спасены. Это в известной степени надо отнести и к заводскому озорству, бывшему формой протеста против мещанства. Но боевики и это озорство часто оригинально использовали для целей воспитатель-

⁵⁶ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 29, л. 20, 21.

⁵⁷ Вдовин Ф. Миньярцы // Октябрь на Южном Урале: Юбил. сб. к 10-летию Октябрьской революции / Под ред. С. Шапурина. Златоуст, 1927. С. 74.

⁵⁸ См.: Раимов Р. М. 1905 год в Башкирии. М.; Л., 1941. С. 160.

ных»⁵⁹. В этом высказывании не вполне понятно замечание о том, что озорство было «формой протеста против мещанства». Зато очень ценна последняя фраза, подчеркивающая использование большевиками традиции заводского озорства с воспитательными целями в работе с подростками,— ценна, потому что сказана непосредственными участниками революционных событий 1905—1906 годов, хорошо знавшими работу боевых дружин.

Первые выступления рабочих вызвали ряд ответных мер правительства. На многих уральских заводах был увеличен штат полиции, вводились на неопределенное время войсковые подразделения, хозяева заводов иногда нанимали частным образом охраненные отряды чечен, ингушей. Началось вечернее и ночное патрулирование, устраивались облавы, внезапные обыски, избивание жителей и прочие бесчинства. «И у нас усиленная охрана,— сообщал корреспондент из Серебрянского завода,— хотя и не было в ней нужды; все было спокойно. А теперь надо себя охранять от усердия наших телохранителей. Они в пылу усердия, под пьяную руку, бьют прохожих, отнимают водку и деньги. Недавно и охотничьи ружья-дробовики стали отнимать у населения. Имеют ли на это право?»⁶⁰. На Нязепетровском заводе ингуши «разъезжали по улицам, пускали в ход нагайки. Стоило нескольким рабочим остановиться, как ингуши налетали и разгоняли без всяких разговоров»⁶¹. Рабочие отказывались от так называемого «подомного налога», т. е. от содержания в своих домах вновь присланных на завод стражников. Например, рабочие Верх-Исетского завода, собравшись к дому земского начальника, потребовали освободить их от стражников, при этом «наряду с негодующими возгласами слышались шутки и остроты», а когда рабочие пошли на сход и проходили мимо стражников, то насмешливо кланялись им и кричали, чтобы они на сход не являлись»⁶². Рабочие Очерского и Павловского заводов выпустили в июне и декабре 1906 года специальные листовки, где официально объявили стражникам «бойкот за издевательства над населением заводов и окружных деревень» и разъяснили людям, как вести себя: «Если стражник или урядник

⁵⁹ К истории боевых организаций на Урале: По воспоминаниям Э. С. Кадомцева, О. М. Кадомцевой, Н. Н. Накарякова, М. И. Ефремова, записанным на вечере товарищеских воспоминаний в ноябре 1924 года // Из прошлого: Сб. воспоминаний. 1903—1905. Б. м., б. г. С. 112.

⁶⁰ Из Серебрянского завода // Уральский край. 1906. 5 февр.

⁶¹ Бархатов А. В. Повесть минувших дней: Воспоминания подпольщика. Свердловск, 1966. С. 26; См. также: Сысертский завод // Уральский край. 1908. 17 окт.

⁶² Из Верх-Исетского завода // Уральский край. 1906. 18 июня.

живет у вас на квартире, надо выгнать его; если полицейские просят какой-либо услуги, не надо оказывать ее; не надо ничего им давать, не водиться с ними, ничего им не продавать. Вообще надо смотреть на стражников так, как если бы они, эти хулиганы-пьяницы, были пустым местом». И здесь же рабочие призывали бойкотировать местного купца: «Ничего не покупайте в лавке Казакова, он предатель: дал тысячу рублей на постройку конюшен для стражнических лошадей»⁶³.

Обстановка еще более усложнилась, когда на некоторых заводах власти запретили собираться группами более двух-трех человек. Нельзя было после десяти часов вечера вообще появляться на улице, устраивать традиционные вечерки или даже какие-либо семейные торжества. Эти меры объявлялись временными, но население, в частности молодежь, отказывалось их выполнять.

Улицы уральских поселков вечером всегда принадлежали молодежи. Когда парни шли гурьбой из одного конца в другой с гармонью, с частушками, а девушки прогуливались с песнями — это был обычный досуг, отдых, форма общения молодежи. Вечерняя жизнь заводского поселка просто немыслима без прогуливающейся молодежи, без молодых песен и шуток. И когда на это последовали не очень умные запреты, естественно, последовало возмущение, отказ выполнять распоряжения властей — начались стычки местной молодежи с блюстителями порядка.

В первую очередь шло в ход «оружие пролетариата» — булыжник: во многих воспоминаниях заводских революционеров говорится, что во время вечерних обходов в полицейских и казаков бросали «галей», камнями из-за углов, из огородов, вступали в драки с охранниками. «Алапаевская молодежь и казаки нередко сталкиваются между собой и во время стычек награждают друг друга синяками и ранами», — писал один из корреспондентов⁶⁴. Конечно, такие стычки, нападения возможны были лишь под покровом темноты, когда нельзя было опознать нападавших. Поэтому, как правило, местным парням это «сходило с рук».

Но были и другие формы молодежного протеста, в которых просматриваются традиции заводского озорничества.

С охранниками устраивались различные «шутки», причем иногда даже по поручению партийных комитетов. Например, один из рабочих Лысьвенского завода в своих воспоминаниях писал: «Нам, более молодым, были даны задания во что бы то ни стало как следует угостить ингушей и полицию, что и было сделано:

⁶³ Листовки Очерской группы РСДРП. — ГАПО, ф. 160, оп. 2, ед. хр. 87, л. 1.

⁶⁴ Из Алапаевска // Екатеринбургская газета. 1906. 16 февр.

спящий ингуш в будке был притворен, связан веревкой и опрокинут вместе с будкой, он поднял шум, но никто из молодых рабочих не был пойман⁶⁵. Подростки отвязывали и угоняли казацких лошадей; дразнили полицейских: водружали на горах, окружавших завод, красные флаги и разбегались, а как только полицейские их снимали, развешивали снова⁶⁶; темным вечером начинали петь хором революционные песни, но при приближении полицейских разбегались, потом собирались в условленном месте и снова начинали петь — так сысертская молодежь «морочила» полицейских вплоть до 1917 года⁶⁷.

Излюбленной шуткой заводской молодежи была такая: веревку или проволоку протягивали вечером через улицу, закрепляли оба конца и «приманивали» к этому месту казаков или ингушей. А. И. Дорофеев, сам это проделывавший, вспоминает: «Собралось человек семь парней, протянули проволоку через улицу, закрепили намертво, а сами поем и пляшем под гармошку... Вдруг слышим — летят казаки во весь опор, плетями щелкают... Мы врассыпную. Притаились на огородах и ждем, что дальше будет. Слышим, на улице, где мы протянули проволоку, вой, злобные ругательства. В темноте каратели не заметили, конечно, проволоки и наскочили на нее. Один сломал ногу, другой — руку, две лошади выбыли из строя»⁶⁸. Особенно злобствовали отряды кавказцев, нанятые на некоторых демидовских заводах. Например, в Нижнем Тагиле заводоуправление вплоть до 1911 года держало отряд из 40 чеченцев и осетин, которые особенно рьяно несли службу. Тагильская молодежь устраивала в разных районах города засады и весьма успешно: «Бывало, темной ночью протянут поперек улицы проволоку, заиграет гармонь, галопом помчатся ингуши и на всем скаку ломают лошади себе ноги, а ребят и след простыл. После нескольких таких наскоков перестали гоняться по ночам за гармошкой, в одиночку нигде не появлялись даже днем»⁶⁹.

Так «шутили» с помощью проволоки, протянутой в темноте через улицу, в Лысьвенском, Надеждинском, Сысертском, Каслинском, Верхнеуфалейском, Нязепетровском и, по-видимому, в других заводах. Борьба с ингушами, казаками вносила солидарность

⁶⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 145, л. 20.

⁶⁶ См.: *Коковихин М. Н.* Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 92.

⁶⁷ ФА УрГУ, кол. «Сысерть-1980».

⁶⁸ *Алексеев Г. А.* Страницы прошлого: По рассказам старых большевиков. Челябинск, 1957. С. 11.

⁶⁹ *Кожевников А. Ф.* Положение тагильских рабочих в предреволюционные годы. — НТМК, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 28, л. 4.

в молодежную массу. Например, в Нижнем Тагиле издавна шло соперничество между парнями разных «концов», но в годы реакции, когда возросло число полицейских, казаков, разгонявших «сборища» на улицах по вечерам, «гальянские, выйские, ключевские и первочастные парни уже общими усилиями стали вести борьбу с полицией. Они устраивали засады в темных переулках, избивали и даже убивали полицейских. В конце концов местные власти были вынуждены убрать дополнительные отряды полиции, а драки среди молодежи с этого времени заметно пошли на убыль»⁷⁰.

Если не всегда «шутки» заводских парней наносили материальный ущерб карателям, то все равно они становились известны всем жителям поселка и о них рассказывали, а в Добрянке даже «сложилась песня о «гужедах и крючках», которые почками ходят по заводскому селению»⁷¹; в Алапаевске «население и молодежь высмеивали в своих частушках поступки пристава и стражников»⁷². Газета «Уральский край» в 1906 году как злободневную перепечатала статью из «Нижегородского листка», в которой приводится новая частушка:

Как у нас по праздникам
Появились стражники,
Дел не делают по дням,
Только рышут по ночам.

И дается такой комментарий к этой частушке: «По поводу стражников распевается куплетов очень много и все они по содержанию относятся к нелестной характеристике последних»⁷³. Очевидно, то же самое наблюдалось и на Урале.

Резюмируя, подчеркнем, что запреты властей появляться на улицах после десяти вечера, собираться группами и другие официальные ограничения создавали для молодежи массу неудобств, а также атмосферу напряженности, сопротивления, и здесь находили приложение своим силам в первую очередь поселковые шутники, молодежные заводилы, неформальные лидеры. Они вроде бы делали то же, что и раньше, когда необходимо было поразвлечься, но и нечто новое, хотя и здесь был элемент развлечения. А новое в том, что функция действий парней — нанести моральный или физический ущерб блюстителям порядка, обхитрить их, одурачить, сделать посмешищем. И поскольку эта функ-

⁷⁰ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. М., 1971. С. 168.

⁷¹ Материалы по истории Добрянского завода. — ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 79, л. 20.

⁷² ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 98, л. 343.

⁷³ Новое время, новые песни // Уральский край. 1906. 21 июня.

ция приобретает социально-политическую окраску и отличается от функций ранее рассмотренных двух типов озорничества, то, очевидно, перед нами еще один — третий тип озорничества, характерный для небольшого периода (примерно с 1905 по 1917 год).

* * *

В повседневной революционной работе принимала самое активное участие рабочая и учащаяся молодежь. Подросткам и юношам обычно давались поручения, требовавшие быстроты, сноровки, ловкости: доставить нелегальные газеты или прокламации, перенести типографский шрифт, расклеить или разбросать листовки, выполнить роль связного и т. п. При этом всякое случалось, было не только серьезное, но и смешное. Чаще всего в комическое положение попадали, конечно, новички. Шли три юноши, несли нелегальную литературу и у одного из них прокламации, засунутые под рубахой за брючный ремень, стали рассыпаться; «пришлось пойти до кладбища, удерживая одной рукой литературу, другой — брюки. Глядя на него, мы с трудом удерживались от смеха» — такие ситуации в виде устных рассказов постоянно передавались в революционной среде⁷⁴. Иногда неопытность компенсировалась находчивостью. М. Н. Уфимцева, которой в 1905 году было всего 15 лет, вспоминает, что большевики привлекали к распространению нелегальной литературы некоторых гимназистов, учащихся Уральского горного училища: «На нас, ребят, полиция часто не обращала внимания. Кто мог догадаться, что гимназистки в ранцах перетаскивают типографский шрифт, литературу, иногда оружие. Перетаскивали литературу и в бельевых корзинах»⁷⁵.

Встречи с серьезной опасностью часто возбуждали молодую удадь, вызывали желание блеснуть собственной выдумкой, и пусть порой это оборачивалось ребячливостью, молодые революционеры не останавливались перед лихостью, озорством. «Мы были молоды в своем озорстве, без которого было трудно обойтись, и в изобретательности старались перещеголять друг друга», — признается рабочий Нытвенского завода, которому в 1905 году было всего 16 лет⁷⁶. «Мы были тогда полны революционного порыва и конкурировали «на смелость» друг перед другом», — также пишет его

⁷⁴ Капустин А. М. Воспоминания партийного рядового // Из прошлого: Сб. воспоминаний. 1903—1905 годы. Б. м., б. г. С. 18.

⁷⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 22, л. 30.

⁷⁶ Сивков В. Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 16.

ровесник Н. Камаганцев⁷⁷. Соревновательный момент возникал, потому что часто листовки распространяли «летучим отрядом» — так называлась группа в 2—3—4 человека — каждый был на виду других и не хотел ударить лицом в грязь⁷⁸.

Соревнование «на смелость» толкало молодых распространителей прокламаций к отысканию таких хитроумных способов, чтобы подзадорить, разозлить заводских администраторов или представителей власти, посмеяться над ними. Поэтому посылали листовки в письмо на имя земского начальника, наклеивали их на двери квартиры управляющего или управителя, на ворота волостного управления, на двери заводской проходной, «подбрасывали на столы цеховых конторок нелюбимым мастерам, в карманы их одежды, в подворотни их домов»⁷⁹. Особо эффектным считалось «устроить буран» — разбросать листовки из ложи театра⁸⁰, или приклеить листовку там, где ее сорвал полицейский: «...сорвет полицейский прокламацию и направится дальше, а в это время там, где он только что был, уже снова наклеена такая же прокламация»⁸¹. Высоко котиновалось умение прикрепить полицейскому листовку на спину, или под видом газетчиков раздавать прокламации прохожим в руки, громко выкрикивая «Последняя новинка!»; или разбрасывать листовки среди бела дня на людных улицах с велосипеда⁸², или занести листовки прямо в полицейское управление, как об этом пишет непосредственный исполнитель столь рискованного шага: «Подшутить над полицией мы любили. Раз как-то закончив разброску прокламаций на одной стороне Исети заводах Баранова и Шурова, возвращались мимо 3-й полицейской части. Увидели, что входная дверь полицейского управления не закрыта и вздумали «поделиться новостями» с полицией. Один из нас, Андрей Иванов, зашел в коридор и увидев через открытую в дежурную комнату дверь, что двое фараонов спят, бросил им туда прокламации и вышел... Фараоны проснулись, выскочили, посылались свистки, шлепанье по грязи, голоса «Держи!», но мы уже были на другом берегу Исети и смеялись над своей выходкой»⁸³. Между прочим, в полицейских докумен-

⁷⁷ Камаганцев Н. Годы борьбы: Воспоминания партийца // Из прошлого: Сб. воспоминаний. С. 27.

⁷⁸ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 183, л. 4.

⁷⁹ Сивков В. Ф. Пережитое. С. 16; Зенков И. В. От января к декабрю // Под красным знаменем: Сб. воспоминаний. Молотов, 1957. С. 25.

⁸⁰ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 22, л. 34.

⁸¹ Жоров Е. Пермская патрульная дружина 1906 года // Из прошлого: Сб. воспоминаний. С. 121.

⁸² См.: Быков В. Подполье. Екатеринбург, 1923. С. 6.

⁸³ Камаганцев Н. Годы борьбы. С. 26—27.

тах никогда такие сведения не сообщались, полицейские их стыдливо замалчивали или передавали обобщенно: «прокламации в разных частях города были расклеены на заборах и стенах, на воротах и дверях как частных домов, так равно некоторых правительственных учреждений».

Рабочая молодежь не только распространяла большевистскую нелегальную литературу, но и уничтожала антибольшевистские пропагандистские издания и опять-таки делала это с озорством. Например, в 1907 году в Нытве возник «Союз русского народа» и монахи-агитаторы стали всячески привлекать народ: проводили беседы, давали крестики, значки, предлагали брать «совсем без денег» издания своего «Союза» прямо в волостном правлении. И заводские подростки, парни устроили шутовское соревнование: кто больше возьмет и уничтожит этих книжек. «...Ходили получать эти книжечки и потом бросали их во вместительное отхожее место волостного правления. Мы ходили друг за дружкой до тех пор,— вспоминает В. Ф. Сивков,— пока какой-нибудь монах не узнавал одного из нас, и тогда начинался скандал, от которого мы спасались бегством»⁸⁴.

Таким образом, в несколько редуцированном виде народное озорничество и веселая соревновательность находили место в революционной работе юношей и девушек. Заводская молодежь, воспитанная в традициях национальной культуры, при выполнении некоторых партийных поручений вольно или невольно следовала этим традициям. В сложной революционной работе были и шутка, и озорной поступок — здесь как бы «встречались» сравнительно недавно появившийся классовый оптимизм рабочих и давняя национальная культурная традиция.

* * *

Заклячая разговор об обычаях, следует вспомнить еще раз А. В. Луначарского, который говорил о том, что в обществе основным и главным орудием классового давления являются религиозные и государственные законы, но за пределами законов имеется другая дисциплинирующая сила — это общественное мнение. «Оно не налагает на индивидуальность, на группу или на целый класс никаких кар по суду, через палача или тюрьму, но тем не менее налагает довольно чувствительные кары путем разных форм бойкота. Среди них огромную роль играет смех»⁸⁵. В рассмотренных

⁸⁴ Сивков В. Ф. Пережитое. С. 16—17.

⁸⁵ Луначарский А. В. О смехе // Собр. соч. М., 1967. Т. 8. С. 533.

нами обычаях смех — сила и орудие борьбы рабочего коллектива, которые могут быть направлены или против социальных антагонистов, или против своих же товарищей, нарушивших нормы трудовой морали. Высокая действенность обычаев обусловлена именно общественным смеховым резонансом. Показательно, что, например, русские инженеры или управители обычно уезжали из поселка, покидали завод, с которого их «вывезли на тачке», а немцы через неделю-другую возвращались и продолжали работать, потому что, будучи иностранцами, они не ощущали глубину общественного презрения, силу общественного порицания.

Данные обычаи выполняли различные функции от развлекательной до карающей, от воспитательной до наносящей классовым врагам моральный или физический урон. Иногда один обычай мог совмещать две-три функции.

В отличие от других обычаев «вывоз на тачке» имел обрядовые, то есть символические элементы (мазание тачки дегтем, заматывание следа и т. п.).

Каждый обычай, будучи установлением, регламентируемым общественным мнением, имел определенный вариативный диапазон. Эта способность обычая, с одной стороны, «приноравливаться» к изменяющейся жизни, а с другой — сохранять устойчивость, связь с национальной традицией, обусловили органическое «вхождение» его в практику социально-классовой и революционной борьбы рабочих.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ САТИРА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Рабочая сатира начиналась с местной тематики, о чем свидетельствуют, в первую очередь, фольклорные произведения рабочих, использованные писателями второй половины XIX века. О. Б. Алексеева справедливо пишет, что в это время художественная литература «как бы приняла на себя функции фольклористики», поэтому в произведениях Ф. М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, П. И. Мельникова-Печерского и других писателей фольклор рабочих не только инкорпорируется, но получает идейную интерпретацию — «художественное народознание оказалось в этом отношении впереди фольклористики»¹. Нужно только уточнить: все начиналось с Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — их следует назвать, потому что именно они в конце 50-х — начале 60-х годов выдвинули настоящую программу изучения народа², и в русле этой программы уже работали А. И. Левитов, В. А. Слепцов, другие писатели и, конечно, Ф. М. Решетников, благодаря которому в русскую литературу вошли первые рабочие. Ими оказались рабочие Урала. Ф. М. Решетников написал ряд романов и этнографических очерков — «Святки в Перми», «Подлиповцы», «Горнозаводские люди», «Горнорабочие» и другие, в которых фольклор представлен частью рабочего быта, формой выражения социальных чаяний и интимных переживаний, одним из средств типизации и т. п. Изучение сохранившихся рукописей Ф. М. Решетникова убедило О. Б. Алексееву в том, что писатель сам записывал фольклор рабочих, затем вошедший в его сочинения³. Одна из записанных им песен — шуточная песня про заводского казначея Переплетчикова, который, занимая прибыльную должность, был нечист на руку, и все это знали: управляющий делал выговоры «за беспечность», приказчик в глаза говорил, что «он первый вор».

¹ Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих: Дореволюционный период. Л., 1971. С. 7, 9.

² См.: Колесницкая И. М. Проблема народного быта и народного творчества в демократической литературе 1860-х годов // Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. 1952. № 156, вып. 17. С. 286—302.

³ См.: Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 3—4.

Однако Переплетчиков постарался так запутать документацию, что начальство обойтись без него не могло. Рабочие сложили песню, где изворотливого дельца иронически именуют «совестливым лиходеем»:

И да казначей-ет Переплетчиков
Объегорил всех начальников;
И вот скоро-де не барин наш,
А казначей-злодей,
Сам совестливый лиходей
Владеть заводом станет и т. д. ⁴

Столь же иронична песня «про казаков-десятников», которые дерут рабочих. Под эту песню рабочие пляшут «самодеятельный заводской танец»:

Штаники суконны
Панталоны волоконны!
Ах, казаки-десятники,
Варнаки-шкурятники!
Положили — выдрали и т. д. ⁵

Ф. М. Решетников не только вводит в свои произведения образцы ранних рабочих песен, но и дает в романе «Горнорабочие» характеристику репертуара заводского острослова. «В общест-ве товарищей, — говорит писатель об одном из молодых рабочих, — он изощрялся и сам своим умом на остроты, насмешки; услыхав от механика-иностранца иное непонятное слово, он вместе с товарищами прозывал этого механика мудреным словом или складывал песни, пародию на управляющего, приказчика или исправника» ⁶.

Очень важные сведения о юмористике уральских горнорабочих 60-х годов оставил Н. Берви-Флеровский. Этот публицист, идеалистически смотревший на ход общественного прогресса, видел его источник в глубине выдвигаемых политических теорий, высоком уровне культуры, просвещения и народа, и господствующего класса. И, видимо, это заставляло его, в отличие от некоторых других современников, искать и находить позитивное в духовно-производственной деятельности рабочих. О горнорабочих он пишет: «Эти люди одни способны знать настоящее положение дел на заводе... они до того составляют всю суть завода, что заводские дела нередко шли своим чередом и при невежественном и не занимавшемся делом инженерере... заводские рабочие — интеллигенция

⁴ Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. Свердловск. 1936—1948. Т. 3. С. 157—158.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 13.

между рабочим классом... они дело знают нередко весьма лучше инженеров... превосходят их сметливостью и ловкостью... они чувствуют, что они — сила и трудовая, и интеллектуальная на заводе, в промывке и на руднике...»⁷ Это было написано в 1866 году; тогда об уральском да и вообще о русском рабочем так никто не писал. Не случайно К. Маркс сказал о книге Н. Берви-Флеровского, что «это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России»⁸.

Н. Берви-Флеровский обращался к фольклору рабочих как к источнику фактической информации, поэтому он постоянно подчеркивает документальность своих сведений ссылками типа: слышал, когда жил в горных местностях, как говорит молва, уверяют, рассказывают... В фольклоре, точнее сказать, в сатирическом фольклоре Н. Берви-Флеровский видел также одно из проявлений интеллектуальной силы горнорабочих. «... Одаренный от природы и талантом, и остроумием, развитый постоянной жизнью в обществе, он (рабочий — В. Б.) не может сдерживать своих умственных проявлений, и, как грибы, вырастают юмористические песенки и памфлеты; их так много, что из них можно было бы составить преинтересную книгу, которая бы охарактеризовала слабости заводского управления лучше, чем правительственные отчеты»⁹. К сожалению, Н. Берви-Флеровский, непосредственно знакомившийся с рабочими юмористическими песнями и «памфлетами», не записал их. Но примечательно, что он не только объективно показывает решающую роль рабочих в развитии промышленности, но и подчеркивает их общественную активность. Кроме того, природный талант, интеллектуальная сила рабочих и их остроумие, получившее выражение в сатире и юморе, поставлены в высказываниях Н. Берви-Флеровского в один ряд.

Если объединить информацию о комическом фольклоре уральских горнорабочих, содержащуюся в сообщениях Ф. Решетникова и Н. Берви-Флеровского, то получится следующее: 1) бытовали различные жанры: остроты, юмористические песни, «памфлеты», юмористические прозвища, пародии; сочинителями и исполнителями были заводские острословы, сами рабочие; 2) комических произведений бытовало много («можно было бы составить преинтересную книгу»); 3) происходила быстрая смена тематики («песни, как грибы, вырастают», но, вероятно, так же быстро исче-

⁷ Берви-Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. Спб., 1869. С. 323—324.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 286.

⁹ Берви-Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. С. 323.

зают, уступая место другим); 4) комические произведения горно-рабочих были местной тематики (узколокальными) и обладали общественно-социальной направленностью: высмеивались «слабость заводского управления», сам управляющий, приказчик, механик, местный полицейский чин; 5) комические произведения были лишены вымысла, в своей совокупности они несли достоверную информацию (не случайно Н. Берви-Флеровский ставит рядом правительственные отчеты и «юмористические песенки и памфлеты» горнорабочих).

В 1843 году в Челябинском уезде произошло волнение крестьян, в том числе заводских, которое было вызвано непониманием указа о передаче их в ведение министерства государственных имуществ. Думали, что их отдадут «под власть барина». Н. Серeda описывал это событие в 60-е годы уже на основе местных исторических записей, или летописей, как он их называет, которые велись в нескольких населенных пунктах. И в числе таких достоверных источников Н. Серeda привлекает сатирическую песню, сочиненную заводским крестьянином Григорием Весниным, «В 43-м году, споем песенку нову...». В песне говорится об аресте бунтовщиков, их наказании плетью («худеньким по сотне дали, удалым — по пятам»), об отправке в Челябинский острог, где их «продержали круглый год»¹⁰. Легкая самоирония, ощущающаяся в этой части песни, переходит в едкий сарказм в финале¹¹, где изображается предводитель Кулага, держащий речь перед земляками и дающий сатирически сниженную характеристику усмирителей. Кулага доволен земляками: «гагаринцы — молодцы», они смело стояли против наехавших «гостей» — «старых сопляков»:

К нам наехало гостей со пяти-то волостей
Со пяти-то, со плетью-то, ведь все стары сопляки...

К сожалению, Н. Серeda на этом месте оборвал песню: «Мы не можем привести ее здесь вполне, потому что конец ее исполнен неудобных для печати выражений»¹². Судя по всему, конец песни устами Кулаги давал саркастическую оценку наехавшим «соплякам со плетью» и в целом выражал социальный оптимизм заводских крестьян. Осмеивая своих усмирителей, Кулага и в остроге оставался несломленным.

¹⁰ См.: *Серeda Н.* Позднейшие волнения в Оренбургском крае // *Вестник Европы*. 1868. Т. 4. С. 585—616.

¹¹ По мнению Н. Середы, вся песня «проникнута едким сарказмом» (Там же. С. 614).

¹² Там же.

В Нижнем Тагиле бытовала песня, написанная в начале 60-х годов местным стихотворцем В. К. Смольниковым. Песня высмеивала И. Ф. Б. — служащего, в обязанности которого входил контроль за дозорными, обходчиками и караульщиками. Но И. Ф. Б. — любитель выпить за чужой счет, он готов ехать «хоть на именины, или на крестины, даже и к годинам или же к родинам можно привязаться, только б нализаться». Но главное — он продажная душа: прикажет схватить рабочего, если тот идет из завода «с лоскутом железа», но пропустит «с целым возом сходного железа», если ему заплатят. Вот так дозорные, обходчики и караульщики сатирически разоблачали своего начальника¹³. В основе песни лежит, видимо, типичное явление тагильской жизни, поэтому она бытовала много десятилетий и была записана в двух вариантах в советское время.

В том же Тагиле, начиная с 70-х годов, бытовала сатирическая песня «Тагильская ярмарка», сочиненная тем же В. К. Смольниковым. Тагильская ярмарка сравнивается со знаменитой Ирбитской, но местная ярмарка «щегольская»: внешне яркая, шумная, а товары все залежалые, гнилые — махорка затхлая, сладости «зубы не берут», «пимы катаны с мукою» и т. п. Делать нечего — люди покупают, поэтому «оборотец первоклассный, прочим ярмаркам опасный, Нижний, берегись!» — так иронично заканчивается песня¹⁴. Сохранились сведения, что один тагильчанин исполнил песню в заводском клубе и был посажен на сутки под арест. «Вы, молодой человек, разлагаете общество, восстанавливаете его против купечества», — сказал ему пристав¹⁵. Но главное в песне, конечно, не высмеивание купеческих махинаций, а сатирическое изображение сговора полиции и купечества. Все плутни купцов видит пристав Крюков, он подходит к каждому купцу, те дают ему «товарец лучший» как бы в долг, чем и покупают его молчание. В накладе они, конечно, не останутся: Н. С. Полищук, давшая подробный анализ этой песни, приводит вариант, записанный Э. В. Померанцевой от А. П. Бондина, где «во взяточничестве обвиняется значительно большее число лиц, связанных круговой порукой: пристав, писарь да урядник, стражник, сотский да десятник... Но основной акцент в нем делается на сопоставлении положения власть имущих и рабочих»:

А заводский люд рабочий
Покупать тоже охочий,
Только дело в том —

¹³ Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936. С. 283, 293—294.

¹⁴ Там же. С. 294.

¹⁵ Там же.

Вместо денег-то в кармане
Вошь гуляет на аркане —
Вот причина в чем ¹⁶.

Видимо, к этому же времени относится песня «Ах ты, зимушка-зима». Она существует в трех вариантах, один из них — комический:

Наша зимушка-зима,
Да уж холодная была,
Да уж холодная была,
Да и морозливая,
У печи сидим холодной,
Наедавшись кислых щей.
Ждем, когда придет с работы
Трезвый, пьяный ли отец.
В это время из похода
Шел солдат девятой роты,
Постучался к нам в окно.
— Заходи уж, все равно.
Мужа нету — на заводе,
Детей нечем накормить,
Помоги моей заботе
Тоску-горе позабыть.
У солдата в ранце хлебец,
Есть и сало, есть и штоф,
Пусть скотина ревет в хлеве —
Выпьем, лучше жилось чтоб ¹⁷.

А. И. Лазарев в комментарии пишет: «Песня вполне правдиво, хотя и слабо в художественном отношении, показывает ужасающее положение рабочих при капитализме... Само решение конфликта — женщина мстит мужу, заливая свое горе вином — предполагает разгул, удалство, но за этим весельем, конечно, скрывается настоящее, большое, неизбывное горе» ¹⁸. Думается, А. И. Лазарев сгустил краски насчет ужасающего положения, неизбывного горя... Хотя и сказано в песне «детей нечем накормить», но ведь наелись щей, в хлеве стоит скотина, муж имеет работу на заводе — все обычно. Необычно — вдруг появился солдат с салом и вином, и можно предполагать, какие здесь могли быть комические ситуации, исходя из расстановки героев: жена — солдат — возвращающийся с работы муж.

¹⁶ Крутянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX века. М., 1971. С. 215.

¹⁷ Приводится по: Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала: К вопросу об эстетической природе рабочего фольклора: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 742. По замечаниям слушателей, раньше песня была длинная и «смешная».

¹⁸ Там же. С. 743.

В 60-е годы XIX века была записана в Камышловском уезде песня «Девка глупо сделала», которую пронизывает, по замечанию А. И. Лазарева, «озорной, дразнящий тон». Особенно колоритны в песне характеристики, восходящие к так называемым коллективным прозвищам и построенные в форме снижающей хвалы — отсюда источник иронии:

Песьянские ребята извольничались,
Оверинские измодничались,
Износили тулупы казнеуровые,
Понастроили домочки —
Дома каменные,
Лавки медные,
Пол железный,
Весь хрустальный потолок...¹⁹

Таким образом, можно констатировать, что в первое пореформенное десятилетие в фольклоре рабочих Урала довольно четко проявляется сатирико-юмористическое направление, представленное разными жанрами. Вероятно, комических произведений бытовало значительно больше, до нас дошли далеко не все. Но и дошедшие свидетельствуют, что собственно устно-поэтическая сатира уральских рабочих на начальном этапе своего существования оказывается органично связанной с местной тематикой. Заметно также, что в сатирических произведениях рабочие изображают комическое как объективно присущее жизни управителя, приказчика, купца, полицейского чина. Подчеркнем, что эта позиция сочинителей и исполнителей сатирических произведений, выявившаяся уже в 60-е годы, оказывается принципиальной: с ее высоты идет описание деятельности власть имущих, она же определяет отношение рабочего к своим классовым антагонистам.

В то же самое время в рабочей среде бытуют юмористические произведения типа «Ах ты, зимушка-зима», «Девка глупо сделала» — они так же, как и сатирические песни, дают возможность представить положительный идеал носителей рабочего фольклора.

Юмористические песни, безусловно, занимали заметное место в фольклоре рабочих. Например, в путевом очерке «Мед и деготь» Глеб Успенский описывает исполнение песен уральскими горнорабочими: они поют разные песни, в том числе шуточные, и одной из последних прозвучала:

Волга реченька шумит,
Пароход по ней бежит,
Пароход бежит с накладом:
Три Наташки сидят рядом,

¹⁹ Там же. С. 522.

Три Наташечки сидят,
Про шахтеров говорят:
— Все шахтеры молодцы!
Пьют, едят они чужое,
Платье носят краденое,
Они ходят по ночам,
Не вважают богачам.

Далее Глеб Успенский говорит о своем понимании рабочих песен: «...песня о жизни рабочего человека оставила хорошее впечатление: без всякой утайки рисуя его горькое положение, его бедность, пьянство, каторжный труд, она рисовала в этом захваченном черною неблагоприятною работою человеке — человека здорового, с здоровым духом, умеющего свою темную и трудную жизнь осветить здоровым и светлым юмором». Глеб Успенский продолжает: «Плача о своей горькой участи не слышалось в этих песнях, и даже самые горестные стороны каторжной жизни изображались не иначе, как попеременно с проявлением таких душевных движений, которые доказывали, что молодость и свежесть духа не сокрушены каторгой жизни»²⁰.

Глеб Успенский дал очень емкую и верную характеристику изображения человека в песнях горнорабочих, но П. Г. Ширяевой она показалась несколько «односторонней», так как «в ней нет ни слова о настроениях отчаяния и мести»²¹. Думается, что Глеб Успенский этого упрека не заслуживает, хотя бы потому, что он описал свои впечатления по конкретному случаю исполнения песен. А мотив социальной мести — один из постоянных в прозаическом фольклоре рабочих — присутствует и в сатирических песнях второй половины XIX века. Другое дело, что месть имеет в это время свой конкретный смысл: избить, публично осмеять, вообще нанести какой-либо вред:

Мы бивали старосту
За рубаху гарусну,
Мы бивали старшину
За ночну за тишину,
Мы бивали сотского
За пуд за мяса скотского,
Бьем мы и полицию
В шароварах плисовых²².

Уральские заводчики любили ставить на заводской продукции свое клеймо. У Турчаниновых и Соломирских, владевших заводами

²⁰ Успенский Г. Материалы и исследования. М.; Л., 1938. С. 47.

²¹ Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1956. Т. 2, кн. 2. С. 51.

²² Дореволюционный фольклор на Урале. С. 175.

Сысертского горного округа, таким клеймом была цапля. Причем клеймо-цапля ставилось не только на заводских изделиях, по приказу заводовладельцев изготавливались объемные металлические силуэты цапли и устанавливались в наиболее видных местах. Заводская молодежь ломала эти эмблемы-силуэты, их устанавливали вновь, подростки снова ломали... У рабочей молодежи это было не только особым шиком, удальством, но и социальным поступком. А в местной песне цапля стала символом непосильного труда и низких заработков подростков:

На Сысертском на заводе
Цапля ставилось клеймо:
Ноги тонки, нос толстенный,
Нам не все ли то равно.
Пушай ходит по болоту
Да лягушечек глотат.
Только наша, братцы, цапля
Молодых ребят глохтит...
Паленговска плаха — охнешь,
А получечка легка,
Поту выпустишь полпуда,
Не получишь ни черта.
Этак года два проробил,
На урода стал похож,
Ясны глазки призатухли,
А работай, хошь не хошь.
Горько, горько нам, ребята,
Под железной цаплей жить,
И большим немного ходу,
Не умеют ее сбить.

И если «большие не умеют», то подростки могут начать:

Погоди, проклята птичка,
Подшибем тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим все мозги...
Мы пройдем Сысерть до краю,
Вплоть до царского столба.
Попетану стекла вставим,
Немогутку за бока ²³.

Здесь царский столб — памятник Александру II, Попетан — заводской надзиратель, Немогутка — прозвище управителя завода. О. Б. Алексеева права, когда говорит, что в песне классовые враги изображены в конкретных, наиболее близких рабочим представителях власти, но вряд ли она права, считая, что в «песне нет еще последовательного осознания необходимости борьбы с самодержа-

²³ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 279—280.

вием в целом»²⁴. Конечно, нет. Но стоит ли с таким критерием подходить к песне, где речь идет о заводских подростках? Идеино-содержательные акценты должны быть расставлены иначе: рабочая молодежь обычного, рядового завода, даже подростки, уже осознают себя как силу, способную постоять за себя; пусть здесь «элементы стихийного протеста», как пишет О. Б. Алексеева, но протеста социального; кроме того, песня — образец массовой рабочей сатиры, дающий выразительный образ цапли, который вырастает до символа угнетения.

В конце XIX века в Сысерти бытовала песня о милке-сироте — «очень давнего происхождения», как пишет П. П. Бажов. Комментируя песню, он сообщает, что на заводе издавна был устроен приют для девочек-сирот и очень часто какая-нибудь воспитанница приюта привлекала внимание кого-то из заводских начальников. А потом она уже не могла выйти замуж — и становилась либо содержательницей «веселой избушки» в Сысерти, либо переходила «в разряд городских несчастных женщин»²⁵. В двух дошедших вариантах названы и «старый барин» и молодой — Кромберг, которые «ставят на дорожку сирот». Песня от лица такой девушки несет проклятие тому и другому и их пособникам: барскому дворцовому Евграфычу и надзирательницам приюта. Надзирательницы названы собаками, барин — заводским прозвищем Пучеглазик, Кромберг иронически именуется «радельцем»... Местный балагур Н. Медведев (по прозвищу Мякина) сочинил свой вариант песни о милке-сироте, в котором он «в нарочито грубой форме изображал старческое бессилие заводовладельца, гонявшегося за сиротой-приюткой»²⁶. В других заводских песнях выражалось «соболезнование» воспитаннице приюта, у которой «от Сысертских крутых гор путь на Водочну пошел»²⁷.

В среде уральских рабочих было пьянство, о чем часто пишут, но было и осуждение пьянства, причем еще до введения государственной монополии на хлебное вино. В сысертской песне «Эх, Шиповка» поется об одной заводской улице, на которой стоит сразу три кабака, поэтому она именуется улочкой-разгулочкой; иронически описываются эти кабаки: в них все одинаково, только содержатели завели разную посуду:

²⁴ Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 104.

²⁵ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 290.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Бажов П. П. Уральские были. Из недавнего быта Сысертских заводов: Очерки. Екатеринбург, 1924. С. 21. Водочная — улица притонов в Екатеринбурге в дореволюционное время (примеч. П. П. Бажова).

У Коростеньки гранчата,
У Паруньки рифлена,
У Верховского-холеры
Все зеленого стекла.

Новизна этой рабочей песни видится в групповой самоиронии: она поется от лица молодых сысертских рабочих, понимающих пагубность пьянства, осуждающих его и через насмешку над содержащими кабаков и, главное, через насмешку над собственной слабостью:

Добры люди, пособите,
Научите дураков,
Не иначе нам поставит
Еще пару кабаков ²⁸.

В 1936 году Е. М. Блинова, выступая перед уральскими писателями, говорила, что, изображая жизнь дореволюционного рабочего, «литераторы обычно отправляют его в кабак заливать свое горе, но в рабочем фольклоре это осуждается», и ссылаясь на песню «Эх, Шиповка», как особенную ²⁹.

А. И. Лазарев справедливо пишет, что самоирония рабочих пронизывает многие их песни, и в этом проявляется классовое сознание. Сказать о тяжелой жизни с улыбкой мог только человек, осознающий свое достоинство. «Поэтому про свою «страсть» к вину пели:

Все узнать-то нам охота,
Из какой посуды пить,
Добры люди, пособите,
Научите, как нам быть.

Будто бы пьют из простого любопытства, хочется узнать, какая посуда всего удобнее... Сысертские песенники наивно «удивляются», потому что много «бабы слез пролили», а на улице «ни одной грязиночки»:

Ты Шиповка, ты Шиповка,
Камениста улочка,
Сколько бабы слез пролили —
Ни одной грязиночки.

Рабочие без того получали гроши, — продолжает А. И. Лазарев, — на которые не прожить, а тут еще «драли семь шкур» торговцы-мошенники: об этом с иронической усмешкой повествует другая песня:

²⁸ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 277.

²⁹ ГАСО, ф. 1615, оп. 1, ед. хр. 13, л. 176.

Положенья наше — рай,
Знай по лавке забирай,
Набирай себе обнов,
Хоть бросай потом все в ров,
Бери чаю, бери мыло,
Хоть не это нужно было»³⁰.

На других уральских заводах рабочие также выражали свое неприятие государственной политики спаивания народа. Например, на Нижнетагильском заводе говорили: «В какую проходную не выйдешь — обязательно в кабак попадешь», на Верх-Исетском заводе пивные, стоявшие рядом с проходной, рабочие иронически прозвали Петровной, Ардатовной, Барабошкой³¹. На Алапаевском заводе бытовала сатирическая песня про местный кабак, где так опохмеляют, что без рубашки и штанов оставляют: один из таких пропившихся будто бы «накинулся» худеньким мешком и отправился по улице пешком:

Я иду, иду по улице,
И все люди дивуются:
Еще что это за щеголь за такой,
Не имеет он одежды никакой³².

В «нагом и разодетом» пьянице, в целовальнике-веселом мужичке, в «фатовой целовальнике», вообще в изображении этого разорительного кабака ошутима связь с традицией сатирического изображения спаивания простых людей³³.

В Нижнем Тагиле Кондрат Мартюшов, владелец кабака на Высокогорском руднике, также беззастенчиво обирал рабочих. Про него говорили: «Сырым-вареным — Кондрашке с поклоном», а рабочий Пылаев сложил песню:

Мы к тебе идем,
Все рубли несем,
Все копеечки,
От тебя идем,
Как быки орем...³⁴

³⁰ Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала: К вопросу об эстетической природе рабочего фольклора. С. 875—876.

³¹ См.: Рассказы уральцев о старой и новой жизни. Свердловск, 1957. С. 8, 15.

³² См.: Блажес В. В., Елизарян Е., Борисова Т. Традиционный рабочий фольклор в современном городе // Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. С. 15.

³³ Эта пародийная песня исполнялась на мотив «Вставала я ранешенько». См.: Христиансен Л. Встречи с народными певцами. Воспоминания. М., 1984. С. 91.

³⁴ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 283, 293.

В другом варианте дается гротескный портрет этого кабатчика:

Как у нашего Кондрата
Рожка вроде два квадрата,
Весь от пьянства сизый нос,
Пузырями он пророс ³⁵.

Рабочая сатира коснулась и тех служителей порядка, которые обворовывали пьяных. Так, на Билимбаевском заводе одного городского «дразнили песней», которая описывает, видимо, типичный случай: некий Ванька, возвращаясь с именин, «пал и захрапел», его увидел «городовой — земско обирало», обшарил все карманы, снял сапоги, одежду, и проснувшийся Ванька прибежал раздетым домой ³⁶. В другой песне пьяный становой обирает гулевого купчика ³⁷. В рабочей среде осуждались пьяная удаль, бахвальство, тем более, если они приносили общественный вред. Один такой пьяный бахвальщик — демидовский приказчик из песни, бытовавшей в конце XIX века на Михайловском и Нижнесергинском заводах: он на базаре все горшки раздавил, у бабы пельмени разбросал, кучеров плеткой хлестал, над девушками изгалялся... ³⁸

В начале 50-х годов нашего века фольклористы еще застали людей, помнивших, как в январе 1894 года несколько тагильских рабочих избили представителя земства, который «претворял в жизнь» закон от 19 мая 1893 года о завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов. Рабочие избили, а потом испугались и на другой день, решив загладить свою вину, впряглись в сани и провозили «земского начальника» от его дома до волостного управления и обратно. Но их все-таки выпороли. Тагильчане осудили неустойчивость рабочих, которые на глазах у всех превратились в трусливых подхалимов: была сложена сатирическая песня, начались издевки, колкости в их адрес. Н. С. Полищук, собравшая все материалы по этой песне, пишет, что больше всех досталось самому старательному «кореннику» Маркелу Коровину, и приводит запись слов очевидца: «После, как увидит кто Маркела Коровина: «Тпруу! Земского повез!» Он сразу начинает ругаться. А ребяташки перекосят головы набок, как коренники, и хором все: «Тпруу-у-у!» Других маленько подразнили и бросили, а Маркелу всю жизнь доставалось. Сперва-то ребяташки затпрукали, а потом уже и взрослые

³⁵ См.: Самарин Ю. Песни уральских рабочих // Литературный критик. 1935. Кн. 10. С. 160.

³⁶ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 302.

³⁷ Там же.

³⁸ Уральский фольклор / Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949. С. 219.

мужики. Где увидят Маркела: «Тпрру-у-у!»³⁹. И в песне Маркел излишне старателен:

Запрягали мы коренного
Да Кондрашку Мартюшова,
А второго пристяжного —
Это Кузьку Бастрыкова.
Третий был из рысаков —
Семен Никитич Кияков.
Наш Маркел Коровин гнал,
На чугунном мосту пал,
Знать, неладно угодил —
Рыло все изборонил...⁴⁰

Старый рабочий П. П. Ермаков писал в своих воспоминаниях: «Уже в уличных песенках горняков середины 90-х годов проскальзывали злые нотки и ненависть к власти имущим:

Я гуляю по ночам,
Не даюся богачам,
Иному богачу
Рыло набок сворочу...
В конторе служак много,
Все обсчитывают нас,
Ну, дождетесь вы невзгоды:
Недостанет у вас глаз.

Частушек на шуваловскую администрацию было немало. Они уже улетучились из моей памяти, хотя сам я часто распевал их под гармошку, разгуливая ночью по улицам со своими товарищами»⁴¹. Реакция поселка была всегда быстрой и меткой: «...назначили в завод нового управляющего, ...через неделю уже поют по этому поводу куплет, где очень метко характеризуется, например, странная манера нового хозяина завода держать вверх голову:

Белорецкий завод славный,
На реке Белой стоит,
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит.

Упала с лошади тучная супруга заводского инженера, и репертуар злободневных частушек обогащается новым номером:

Затряслась земля сырая,
В гору реки потекли:
Стопудовую мадаму
Черти с лошади снесли»⁴².

³⁹ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. С. 216.

⁴⁰ Там же; см. также: С. 235—236.

⁴¹ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 109.

⁴² Л-ов Г. Заводская частушка // Россия. 1901. 23 окт.

Г. Ларионов-Белорецкий, специально собиравший в то время рабочие частушки Урала, полагал, что главное их достоинство — непосредственность, и в целом они дают «довольно полную и безусловно верную картину народной жизни», причем они «отличаются по большей части сатирическим содержанием, а иногда хоть и грубоватым, но очень метким остроумием»; «запас таких песен очень велик», — утверждал собиратель ⁴³.

На других заводах Урала была подобная картина. Например, на приiske Андреевском, недалеко от Челябинска, бытовали частушки про урядника, попа, управляющего ⁴⁴; в Ирбитском заводе сначала сложили частушки про туповатых и нерасторопных управителей Котова и Петрова, потом про скупого и жестокого управителя Глухих: «...порешили и халат ему сменили, рабочий дал пятак, а служитель — четвертак» ⁴⁵. С чего бы ни начиналась рабочая песня или частушка, писала газета «Правда», «она непременно заденет фабрично-заводскую администрацию — уж слишком тяжело переносит рабочий суровый гнет непосредственного начальства. Эта ненависть к деспотичным управляющим, инженерам и т. д. переходит в злорадное ликование при известии о несчастьи, их постигшем:

Инженеру (имярек)
Паром рыло обварило,
Жалко нам, ребята,
Что всего не окатило» ⁴⁶.

В частушках высмеивались рабочие, которые ублажали, подкупали десятников, чтобы те отмечали им полную норму выработки, хотя она не была выполнена:

Хорошо тому работать,
Кто с десятником живет,
Он за полдень не поставит,
Молоток не отберет,
В день полфунта накопает,
А за пудичек сдает ⁴⁷.

Такие частушки бытовали на заводских рудниках, где практиковались «приписки», механика которых была нехитрой. Чтобы заработать, к примеру, три рубля за выполнение нормы, забойщик и гон-

⁴³ Белорецкий Г. Заводская поэзия // Русское богатство. 1902. № 12. С. 42.

⁴⁴ См.: Урал в его живом слове. Свердловск. 1953. С. 43.

⁴⁵ ГАСО, ф. Р.-318, оп. 1, ед. хр. 90, л. 204, 206.

⁴⁶ Раскольников Р. Рабочая поэзия // Путь правды. 1914. 6 апр. Следует заметить, что все примеры в статье Р. Раскольникова взяты из опубликованных записей Г. Ларионова-Белорецкого.

⁴⁷ Урал в его живом слове. С. 46.

щик при одной лошади должны были работать от десяти до двенадцати часов в сутки. Поэтому рабочие вынуждены были идти на сделки с нарядчиками, замерщиками, приемщиками, штейгерами. «Сделка в том, — писал в 1907 году корреспондент газеты «Уральский край», — что служащие выводят в табелях рабочих заработок больше, чем он есть на самом деле, увеличивая количество пудов руды или кубов вывезенной глины. Это известно под названием «приписки»... Концы так прячутся в воду, что результаты сделки — нехватка руды сравнительно с бумажным количеством — узнаются через продолжительное время или вовсе не узнаются». Рабочие подкупали администраторов водкой, пивом, прочими «натуральностями» или деньгами. «Чтобы затуманить глаза людям, — продолжает корреспондент, — стороны уговариваются об отношениях взаимных: служащие предупреждают, чтобы рабочие «не болтали», а рабочие предупреждают служащего, чтобы он не обижался, если они его будут ругать за глаза»⁴⁸. Может быть, и какая-то часть частушек (конечно, комических частушек) была сочинена для подобного камуфляжа.

На Чусовском заводе не любили инженера Савельева и его музыкантов. Он организовал духовой оркестр из рабочих, и этим рабочим повысили заработную плату, улучшили жилищные условия, их «не штрафовали за опоздание или неявку на работу по случаю похмелья... Поэтому на заводе в ходу были летучие выражения: «научись дудеть — не будешь худеть», «с дудки жить пошел», «можно и на барабане дом построить». Так же презрительно относились в расковочном цехе Нижнетагильского завода к кузнецам, которые вскладчину покупали подарок на именины уставщика (от него зависело распределение выгодных заданий) — таких рабочих все иронически называли «именинниками». В Пермских железнодорожных мастерских был один старый рабочий, любивший говорить «речи» при поднесении хлеба-соли какому-нибудь приехавшему начальнику, поэтому молодежь постоянно потешалась над ним: «Власов, почему у тебя зубов нет? С начальством много целуешься», «кто с начальством целуется, у того никогда зубов не бывает»⁴⁹. На Лысьвенском заводе про одного мастера из рабо-

⁴⁸ Узянский В. Нижне-Сергинский завод // Уральский край. 1907. 5 июля.

⁴⁹ Сивков В. Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 41. Кстати сказать, на других заводах также существовали самодеятельные оркестры, но оркестранты-рабочие не имели никаких привилегий на производстве и поэтому пользовались уважением. Больше того, они играли известную роль в пропаганде революционных песен. См.: Буранов Ю. А. Революционная борьба рабочих Богословского горного округа в 1906—1907 годах // Вопросы истории Урала. Пермь, 1960. С. 246; Коковихин М. Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 91. Иногда возникали

чих, ставшего грубым и несправедливым администратором, открыто говорили: «кому нанялся — тому и проданся»⁵⁰. Надо отметить, что рабочие всегда чутко реагировали на все распоряжения администраторов и могли отдать должное толковому специалисту. В. Ф. Сивков пишет в своих воспоминаниях, что рабочие Чусовского завода понимали и ценили справедливые требования начальника механического цеха Д. Н. Фертученко: «с ним можно было не соглашаться, спорить по деловым вопросам, не опасаясь начальника механического окрика, и старики-слесаря добродушно говорили: «От такого орла и мат за оладью слопаешь!»⁵¹

В рабочей среде всегда не любили выскочек, подхалимов, как и слишком инертных, ленивых, неумелых, поэтому постоянно возникали разного рода шутки, подначки, частушки, присловья, высмеивающие тех, кто терял рабочую честь, чувство рабочей солидарности. Таких преследовали обидные и часто срамные прозвища, переходившие от отца к сыну, т. е. заводское поселковое мнение было беспощадным.

Во многих заводах бытовал куплет, который мог иметь шуточное бытовое приращение, но иногда в качестве дурака фигурировал какой-нибудь местный начальник:

Знаем мы Разина Степана,
Удалого Ермака,
Емельяна Пугачева
И (имярек) дурака⁵².

Рабочие томильных печей Верхнетагильской дачи пели про «пучешарых» отца и сына Ломаковых, которые «не умеют дело заправлять», но держатся на месте благодаря поддержке писаря Петра Коровина⁵³.

В начале XX века в рабочей среде продолжали появляться местные песни, стихи, куплеты, частушки на самые разные темы. Писали их сами рабочие. На Верхнетурунском заводе таким авто-

комичные ситуации. Например, в 1908 году при Народном доме в Миньярском заводе «был организован из рабочих и партийцев балалаечный оркестр, который под другими названиями играл революционные песни и по окончании их рабочий зал бурно аплодировал, чему крайне удивлялись полицейские сошки» (*Коковичин М.* Партийная работа подполья Миньярской организации // *Былое Урала*. Уфа. 1924. № 3. С. 21).

⁵⁰ ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 65, л. 40.

⁵¹ Сивков В. Ф. Пережитое. С. 65.

⁵² Исторические, свадебные, солдатские, казачьи, революционные и другие песни и частушки, записанные от разных лиц на Урале в 1874—1938 годах. — ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 272, л. 21.

⁵³ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 283, 292.

ром был Яков Вошев, который «увлекался и увлекал других», и писал, по свидетельству его товарища, «прокламации, стихи на злобу дня». Его «стихотворения размножали на гектографе и распространяли среди рабочих завода», в стихах он «бичевал всю администрацию завода, начиная от табельщика и кончая управителем»⁵⁴. Сохранились лишь два стихотворения Якова Вошева: в первом он высмеивает «надутого дурака» — мастера механического цеха Г. Лузина, во втором — мастера Ф. Черноглова, который в мастера «вылез из рабочих хитростью», стал притеснять рабочих, «жил в свое удовольствие...»

Чудо нынешнего века,
Ей-ей богу, я не вру,
Русь пройди всю, человека
Не найти ему в пару:
Он и токарь, он и слесарь,
Говорить большой мастак,
Очернить других охотник,
Ловкий парень, не дурак.
Отгадать же кто стремится:
В крайни буквы пусть взглядится⁵⁵.

Художественные достоинства стихов Я. Вошева, разумеется, оставляют желать лучшего, но как факт заводской поэтической критики они очень показательны. Я. Вошев находился под явным влиянием литературной сатиры, худо-бедно освоил акrostих, и то, что его стихи, написанные в 1908 году, сохранились в памяти до сороковых годов, когда создавались процитированные нами воспоминания, говорит о их былой действенности. Художественное несовершенство стихов слушателями, очевидно, просто не замечалось, главным было их реальное сатирическое содержание.

Ф. И. Коротаев, член КПСС с 1913 года, писал в своих мемуарах, что в то время среди кунгурских рабочих обращалось руководство «Как писать стихи», и молодые рабочие «создали даже специальный кружок для занятий русским языком, устраивали соревнование на писание лучших стихов»⁵⁶. В кружок входили И. Трутнев, В. Осипов, Н. Булыгин и другие, имена которых Ф. И. Коротаев не помнит.

Видимо, не следовало бы придавать особого внимания «соревнованию на лучший стих», тем более, что стихи писались часто в отведенное время (обычно один вечер) и соревновавшиеся написали «десятка по три стихотворений»⁵⁷, и все-таки, когда пред-

⁵⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 157, л. 8, 9.

⁵⁵ Там же, л. 10.

⁵⁶ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 95, л. 40.

⁵⁷ Там же, л. 126.

ставляешь, как рабочие парни вечером после работы самостоятельно изучали русский, азы стихотворной техники, невольно проникаешься уважением к ним. Малограмотные, но активно стремящиеся к знаниям, мало знакомые с поэзией, но вполне ощущающие силу поэтического слова и стремящиеся овладеть ею, чтобы выразить свое отношение к жизни — очевидно, под таким углом зрения нужно рассматривать поэтические занятия молодых кунгурских рабочих да и рабочих поэтов других заводов.

Писали они на общественную тематику. И. Трутнев сочинил, например, «большое стихотворение на антирелигиозную тему «Агаша Шустова», это стихотворение он «частенько читал на рабочих вечеринках»⁵⁸. Еще одно сатирическое произведение запомнилось Ф. И. Коротаеву — его собственное первое стихотворение, в основе которого реальный факт: во время мировой войны по распоряжению царского правительства у крестьян без их согласия забирался общественный хлеб, собиравшийся годами как страхового фонд на случай неурожая или другого какого-нибудь стихийного бедствия. «За сопротивление, — пишет Ф. И. Коротаев, — был арестован один крестьянин Неволинской волости и приговорен к ссылке». Сохранился фрагмент стихотворения, но и по нему видно, что оно наполнено сочувствием к обижаемому крестьянину и сатирическим осуждением грабителей, «разорителей», на стороне которых сила власти:

Душит думушка крестьянина
И мешает ему спать:
Завтра будут разорители
Хлеб наш отбирать.
Отберут, не постесняются,
В этом им не привыкать,
Ну а если запротивимся,
Начнут в тюрьму сажать...⁵⁹

Конечно, невыдержанный ритм, наивность глагольной рифмы выдают новичка, но следует отдать должное высокой гражданской позиции начинающего рабочего-стихотворца.

В Алапаевске бытовали сатирические песни, сочиненные каким-то местным острословом: об алапаевском купце Якове Шишкине — он продает «прелые гнилые товары» и обманывает приезжих крестьян: у одного «воз клюквы взял, а деньги сполна не отдал»; об инспекторе городского училища Василии Балакине, грубом

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 95, л. 125.

и нетактичном: в песне сообщается, что он «за космы драл ребят», был криклив: «С благоговеньем стоять!»⁶⁰ На Златоустовском заводе таким остроловом был гравер Гордеев: «высмеивал начальство... на многое... глаза раскрыл»⁶¹.

На Нижнеуфалейском заводе девушки, работавшие на сортировке железа и не получившие специальную одежду, сложили в 1913 году едкую припевку про магазинера Боровкова, который не выдавал «вачегов, мешков»⁶². Каслинский рабочий Лягинсков вспоминал: «Был у нас управляющий Карпинский. Хитрая была душонка, под либерала подделывался. Бывало, придешь к нему с какой просьбой, никогда не откажет, а потом, глядишь, сделает так, что обратился к нему зря... Не случайно в Каслях пользовалась популярностью сложенная песенка, в которой говорилось:

Управляющий Карпинский
Разорил народ каслинский»⁶³.

Типичная ситуация описана в очерке П. И. Заякина-Уральского «В плену у железа»: управителя завода Сухорукова рабочие насмешливо прозвали «Димушкой» и сложили про него частушку:

Управитель ходит чинно,
А штрафует беспричинно;
Управитель — барин важный,
Но ругает его каждый⁶⁴.

Так же фамильярно кытлымские горняки обращаются со смотрителем («Николай — он чистый пустолай»), со штейгером («А щегарь Аполлос — долгий нос»)⁶⁵.

Любопытный случай сочинения сатирической песни зафиксирован жандармами в 1902 году. Унтер-офицер Мазурин доносил начальству, что в Богословском заводе появились прокламации и можно подозревать «негласно поднадзорного машиниста Н. Н. Сенокосова, так как он и ранее стремился среди рабочих возбудить неуважение ко всей заводской администрации, например, в нынеш-

⁶⁰ Блажес В., Елизарян Е., Борисова Т. Традиционный рабочий фольклор... С. 19.

⁶¹ Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953. С. 14.

⁶² Бахтинова К. Н. Воспоминания. С. 4. (Воспоминания К. Н. Бахтиновой написаны в 1963 году, хранятся в библиотеке поселка Нижний Уфалей Челябинской области).

⁶³ Гольдберг А., Волчек К. За светлую долю: По воспоминаниям старых большевиков г. Касли. Челябинск, 1957. С. 3—4.

⁶⁴ См.: Заякин-Уральский П. И. Избранные произведения. Свердловск, 1935. С. 39. Цитируемый очерк написан в 1912 году.

⁶⁵ Дореволюционный фольклор на Урале. С. 283.

нем году он написал песню, в которой осмеивается заводское начальство... Песня эта имеет следующий куплет:

Понаехали к нам немцы,
Ничего не понимают,
По-собачьи они лают,
Куда их девать,
Ох, куда их девать?

Про песню эту я узнал от рабочего механического цеха Богословского завода токаря И. И. Шумахера, который не подозревал во мне жандарма (так как я был в частном платье), в беседе со мной за водкой рассказал про нее; рассказал, что пел рабочий этого же механического цеха Вилсоснин. Шумахер спросил у него, кто ее составил, тот ответил, что Н. Н. Сенокосов, а тетрадка, в которой писана эта песня, имеется у рабочего этого же цеха Черепенина. Шумахер спрашивал у Черепенина, тот сказал, что действительно списанная песня имеется и он обещал Шумахеру ее написать. Песня эта поется в тайне от начальства»⁶⁶. Видимо оценка мастеров-немцев в этой песне была уничижительно осмеивающей, как и в народных преданиях⁶⁷.

Обилие гулевых дней и даже недель породило среди рабочих Нязепетровского завода каламбур: «Нам уж не до заработка, лишь бы наработаться», но на сезонной работе (расчистке реки, ремонте гужевых дорог), где плата была поденная, те же рабочие трудились без особого старания, с длительными перекурами и сами шутили: «пень колотить — день проводить»⁶⁸. В Алапаевске время бездействия завода, закрытого управляющим на несколько недель, рабочие иронически называли «масленицей»⁶⁹, а на Лысьвенском заводе рабочие насчет своей полуголодной жизни шутили: «Мри, душа, неделю, царствуй один день: в получку крендели»⁷⁰. То же самое в Нижних Сергах: когда заводская контора не могла выдать рабочим заработанные деньги, они говорили: «Станем, видно, вздыха-

⁶⁶ Переписка с помощником начальника Пермского губернского жандармского управления в Верхотурском уезде. — ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 51, л. 3—3 об.

⁶⁷ В уральских преданиях, писал П. П. Бажов, «прежде всего обращает внимание резкая грань, которая проводится между иностранцами, работавшими или жившими на Урале. Отмечая деловитость, внешнюю простоту и большое знание производства у англичан, веселый и порой легкомысленный нрав французов, запальчивость, горячность и внешнюю забавность наряда итальянцев, в этих преданиях по отношению ко всем немцам отчетливо проводится одна оценка: «густохлебы», «брюхогляды», которые жирно кормились, но ничего не давали...» (Бажов П. П. Сказы о немцах. М., 1945. С. 4).

⁶⁸ См.: Рассказы уральцев о старой и новой жизни. С. 97.

⁶⁹ См.: Независимый. Алапаевск // Уральский край. 1907. 17 авг.

⁷⁰ См.: Устные рассказы уральских рабочих. С. 9.

ленку хлебать»⁷¹. И висимские металлурги про себя шутили: «Село Висим, в петле висим, висим, болтаемся, за веревочку хватаемся»⁷². И еще один местный каламбур. В Невьянске драга испортила городской пруд (исчезла рыба, воду нельзя было использовать даже для хозяйственных нужд), и по этому поводу стали говорить: «Это все заводская драга, от нее вода, как брага: хоть и не хмелит, а с ног валит»⁷³.

Постоянной темой местной рабочей юмористики и сатиры оставалась церковь с ее грешными служителями. В рабочей среде звучали озорные песни — «насчет непостоянства монашеской души перед соблазнами мира, поддавшись которым «монах посошок ломал и келью сжигал»⁷⁴, и, конечно, звучали традиционные сказки, «проникнутые едкою насмешкою», — в них «всего более доставалось» духовенству и барам⁷⁵. Но в первую очередь заводские шутники и острословы подвергали сатирическому комментированию поступки местных служителей культа. Приведем несколько примеров, чтобы обозначить тенденцию. В Соликамском уезде причт брал деньги не только за необязательные требы (молебны, акафисты, заказные обедни), но и за крещение, венчание, даже за похороны, поэтому появилась насмешливая «прибаска»: «гривенника не хватает, так и покойника в церковь не пускают»⁷⁶. А в Ирбитском заводе священники перед петровым днем стали ездить собирать «петровское»: «...жены рабочих, возражая себе под нос, все-таки выносили 5—6 яиц, стаканчик сметаны, а более домовитые и масла топленого». И однажды кто-то из заводских шутников «отомстил» попу: подбросил в кадочку с собранной сметаной кусок негашеной извести. На этом заводе говорили: «Наше дело деньги зарабатывать горбом, а попу — горлом» и рассказывали про кузнеца Степана Шарова: в пасху пришел в его дом поп с «богоматерью», отслужил и обращается к хозяину: «Ну, Степан Никифорович, ты ведь кузнец, у тебя заработок — тюк-тюк и подай рубль». — «Э, батюшка, ты вот пришел — тарара-тарара и подай полтора»⁷⁷. П. П. Ермаков вспоминает, как рабочий П. Каменских едва не попал под суд за то, что сочинил злую эпиграмму на церков-

⁷¹ См.: *Зм-в И.* Положение ниже-сергинцев // ПГВ. 1867. 11 сент.

⁷² См.: Рассказы уральцев о старой и новой жизни. С. 74.

⁷³ См.: *Невьянцев Я.* Невьянск // Уральский край. 1907. 21 июля.

⁷⁴ История Верх-Исетского завода за 1900—1917 годы. — ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 55, л. 19.

⁷⁵ *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и его окольные местности. Спб., 1864. С. 141.

⁷⁶ См.: С-Юсьва Соликамского уезда // Екатеринбургская газета. 1906. 14 февр.

⁷⁷ ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 90, л. 47, 52, 53.

ного регента Журавлева⁷⁸; В. Фролов пишет о И. Г. Кабакове, который «имел дерзость осмеивать вслух в анекдотическом рассказе сотворение мира, первого человека Адама, Ноя с его ковчегом и т. п.»⁷⁹.

В фольклористике существует мнение, что на раннем этапе своего развития — до середины 90-х годов XIX века — рабочая сатира обладала «сравнительно слабым обличительным пафосом», что «песни первого периода носили созерцательный характер», что «все внимание сосредоточивалось на сатирическом изображении отдельных темных сторон быта» и, следовательно, «такая сатира может быть названа бытовой»; на втором этапе — от середины 90-х годов до 1905 года — «рабочая сатира приобретает четко выраженный социальный смысл» и может быть названа «социально-бытовой»; наконец, с революции 1905—1907 годов и до 1917 года существует революционная сатира⁸⁰. С таким мнением трудно согласиться, тем более с оценкой рабочей сатиры раннего периода как бытовой, «созерцательной», изображающей лишь «отдельные темные стороны быта».

Уже в первые десятилетия своего существования — в 60—70-е годы — устная комическая поэзия рабочих Урала «складывалась» из двух потоков: первый составляли произведения, генетически восходящие к общенациональному комическому репертуару и творчески переработанные в рабочей среде — это сатирические пословицы, поговорки, сказки⁸¹, песни типа «Ах ты, зимушка-зима», «Девка глупо сделала», а также юмористические коллективные прозвища, шуточные бытовые песни и т. п.; второй — произведения, сочиненные самими рабочими⁸². Именно эти произведения являются собственно рабочей сатирой и придают рабочей комической поэзии особую характерность. Она в том, что комическая рабочая поэзия, преимущественно в сатирических произведениях, сразу же стала формой классовой оценки, формой выраженного отношения рабочих к своим классовым антагонистам. В числе последних:

⁷⁸ См.: *Ермаков П. П.* Воспоминания горнорабочего. С. 106.

⁷⁹ *Фролов В.* Отрывки из воспоминаний // Борьба за власть: Сборник Пермского Окружного комитета РКП(б). Пермь, 1924. Т. 2, ч. 1. С. 110.

⁸⁰ *Нутрихин А. И.* Сатирические рабочие песни (1905—1907 годы) // Вестник ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1960. Вып. 1, № 2. С. 62—63.

⁸¹ Мы их не анализируем, так как этот материал достаточно изучен и хорошо представлен на страницах всех сборников уральского фольклора.

⁸² В числе авторов местных сатирических произведений — Пылаев, Я. Вошев, И. Трутнев, В. Осипов, Гордеев, Н. Булыгин, Н. Сенокосов и другие рабочие; исключение составляет, может быть, В. К. Смольников, которого В. П. Бирюков называет «крепостным поэтом». См.: *Дореволюционный фольклор на Урале*. С. 293.

1) заводовладельцы — их сравнительно немного в песнях: сысертский «старый барин» Пучеглазик, барин Кромберг, «распроклятый» Турчанинов и, конечно, всеильные Демидовы, представленные одной обобщенной фигурой: в песнях Демидов прямо квалифицируется как «сукин сын», как мот, живущий «на гроши рабочих»⁸³, как обжора, обедающий по три раза в день⁸⁴;

2) заводские администраторы: из управляющих в сатирические песни попал только Карпинский, из управителей — Глухих, Котов, Петров; Сухоруков, сысертский управитель по прозвищу Немогутка и около десятка безымянных. Большая часть сатирических произведений высмеивает, конечно, тех служащих, с которыми рабочие сталкивались ежедневно. Классовая ирония рабочих здесь проявилась даже в осмеивающих прозвищах этих служащих, например, в Сысертском горном округе рабочие подразделяли их на несколько групп: присудари — конторщики, счетоводы, чертежники, бухгалтера; шоша — уставщики, надсмотрщики, надзиратели цехов; кричные жомы — приемщики угля, руды, дров, железа⁸⁵. Как самые непосредственные исполнители хозяйской воли, они становились первыми объектами осмеяния в песнях, припевках, сатирических стихах, или, если употреблять уральскую народную фольклористическую терминологию, в барабах, выдумках, крутеньких песнях, нескладухах, прибаесах, пригальютках, рассказенках и т. п.⁸⁶

Присудари, шоша, кричные жомы не только первыми осмеивались, но и становились жертвами стихийного протеста. К примеру, только на Златоустовском заводе с 1902 по 1908 год было более пятидесяти случаев «насилия над администрацией», в том числе такие, как: «нанесены побои мастеру», «подожжен дом контролера», «выбиты окна у двух служащих», «побиты смотритель и помощник», «нанесен удар механику»⁸⁷ — и когда молодые рабочие Сысертского завода пели: «Попетану стекла вставим, Немогутку — за бока» — это была вполне реальная угроза;

3) полиция и царские чиновники — чаще всего в сатирических песнях от лица заводских «удальцов-резвцов» звучит угроза в адрес урядника, пристава, стражника, городского и они предстают в непривлекательном виде. А отношение к чиновникам примерно

⁸³ См.: Удинцев Б. Д. Фольклор в записных книжках Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1966. С. 28. Песня записана Д. Н. Маминым-Сибиряком в 80-х годах от «судейского курьера Калины».

⁸⁴ См.: Дореволюционный фольклор на Урале. С. 275—276. Песня построена на пародийном использовании известной «Камаринской».

⁸⁵ См.: Бажов П. П. Уральские были. Екатеринбург, 1924. С. 33—35.

⁸⁶ См.: Дореволюционный фольклор на Урале. С. 211.

⁸⁷ ГАСО, ф. Р.—318, оп. 1, ед. хр. 76, л. 230—232.

такое же, каким его фиксируют жандармы в своих служебных документах. Например, помощник начальника Пермского губернского жандармского управления подавал такие сведения для «Политического отчета 1897 года»: «Чиновник в глазах населения — не есть законная сила, не олицетворение правды и права, не защитник обиженного, а грубая сила, действующая по собственному произволу, умеющая ловко обойти закон, а нередко и просто презиравшая и этот закон, и право, и честь, и совесть»⁸⁸. Действительно, на Урале говорили: «В лесу сучки, а в городе — полицейские крючки», «Карман сух и — судья глух», пели о чиновниках-взяточниках, о станowych — «ворах и грабителях»⁸⁹. Думается, что комизм именно этих песен был в значительной мере обусловлен контекстом. В качестве примера можно привести очерк из приисковой жизни «Золотуха» (1883 год) Д. Н. Мамин-Сибиряка: идет ватага рабочих и загулявший Никитка пляшет под «приисковую» песню:

Как сибирский генерал
Станового обучал.
Ай-вот калина!
Ай-вот малина!
По щекам его лупил,
Таки речи говорил.
Ай-вот калина...

Через контраст плясового припева про калину-малину и текста про мордобитие возникает комизм, но он сам контрастирует с далее следующей ситуацией: если генерал бьет станового, то сразу после песни мать, «поймав Никитку за вихор, принялась обрабатывать его длинную худую спину палкой», а Никитка, вырвавшись, хватается жену Лукерью и бьет «ногой прямо в живот». Лукерья «как-то дико вскрикнула, но Никитка уже за волосы тащил ее по земле, нанося страшные удары правой рукой прямо по лицу. Посыпалась мужицкая крупная брань и вопли беззащитной жертвы, но Зайчиха (мать Никитки. — В. Б.) не тронулась с места, чтобы защитить сноху, потому что этим нарушилось бы священное право всех мужей от одного полюса до другого»⁹⁰. С помощью этой «бесшабашной» плясовой песни возникает картина всеобщей дикости: муж беспричинно бьет жену, мать — сына, как генерал (тоже муж — только государственный) бьет подчиненного. Д. Н. Мамин-Сибиряк печально ироничен, завершая ужасную сцену словами «о священ-

⁸⁸ ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 44, л. 10 об.

⁸⁹ См., к примеру, раздел «Полиция и царские чиновники» в сборнике «Урал в его живом слове» (С. 224—236).

⁹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 1. С. 380—381.

ном праве всех мужей от одного полюса до другого». Песня, взятая сама по себе, сатирически высмеивает грубость, солдафонство государственного чина, но в контексте жизненной ситуации оказывается несмешной.

Повторим, что рабочие считают негативное сущностной чертой своих классовых антагонистов, поэтому каждый из них, какую бы ступеньку ни занимал на служебной лестнице, непременно наделяется чем-либо отрицательным: все, начиная от управляющего и кончая каким-нибудь магазинером или замерщиком, оказываются жестокими, скупыми, вороватыми, недостаточно умными. По мнению рабочих, негативная сущность скрыта лишь до поры, до случая, который непременно произойдет и выявит хотя бы одно отрицательное качество, другой — другое, третий — третье, и каждый случай может быть освещен либо в песне, либо в частушке, либо стать основой комического устного рассказа, т. е. случай, факт, реальный пример являются формообразующим, поэтическим началом. Случай, обнажая в смешном виде объективное отрицательное качество классового антагониста, иногда подкрепляется прямым оценивающим высказыванием, или моральной сентенцией, или угрозой... В таких песнях нет гротеска, гипербола заземлена («по три раза в день обедает»), нет и не может быть ничего фантастического, условного. Здесь «господство» конкретики, эмпирической реальности. И вообще сатирический узколокальный фольклор всегда претендует на признание его за правду, за реальность.

Заметим, что в фольклоре есть жанры, которые подчеркнuto не требуют признания их за действительность, хотя она, конечно, присутствует в них. Это волшебная сказка, сатирическая сказка, шуточно-плясовая, необычная частушка и песня, анекдот, потешка, скороговорка... И есть жанры, которые очень выраженно претендуют на признание, даже требуют признания их за действительность: былина, историческая песня, историческое предание, лирическая песня, пословица, поговорка, рабочий гимн, марш, сатирическая песня местной тематики... Разумеется, в обеих группах степень «требовательности» или «нетребовательности» признания за действительность может быть у жанров различной, речь идет об общей тенденции. В сатирических песнях рабочих эта тенденция открыто выражена всем ее художественным строем и каждым элементом: там реальные лица, имена, точные факты, реальной может быть даже хронология. Приведем один любопытный пример: участник революционного движения конца XIX века Г. Остроумов однажды полемизировал с историком К. Ольховской и, уточняя время разгрома политических кружков в Перми и Мотовилихе в 1883 году, настаивал на дате 5—6 декабря. Он пишет: «...эта дата подтверж-

дается составленной мной уже в пермском центральном остроге, куда я был переведен из пересылки через неделю, песне-частушке, начинавшийся куплетом:

На Николин день зимой
Возвращался я домой,
В Мотовилихе я был,
К утру в Пермь домой спешил и т. д.

Память сохранила и еще один из куплетов, отмечающих, под чьим непосредственным руководством произведен массовый арест рабочих мотовилихинского завода:

По пяти человек в ряд
Шел полиции отряд,
Показались в ночной тьме
Их фигуры странны мне,
Предводитель этих свор —
Серж Урюпин — прокурор»⁹¹.

Как видим, местная сатира стремилась к точности деталей, временных прикреплений. Авторы ничего не выдумывали, не добавляли и стремились не просто к конкретности, но к документальной точности.

О своих классовых антагонистах рабочие пели и рассказывали в резкой осуждающей тональности, подвергая осмеянию все, начиная от деловых качеств и кончая внешностью, манерой говорить, двигаться. При этом вводили бранные, даже вульгарные эпитеты, сравнения, метафоры. Классовый антагонист — это лиходея, сопляк, у него не лицо, а рыло или даже «рожа — два квадрата», сизый нос от пьянства, один глаз «глядит вверх», у него жена — «стопудовая мадам»; угрозы в его адрес всегда выражены грубо: подшибем, своротим рыло, «расколотим все мозги»... В целом для сатирических песен характерна словесная раскованность, доходящая до откровенной грубости, даже сквернословия. Бывший горняк Богословских рудников вспоминал, что в дореволюционное время «больше матерные песни складывали про приказчиков да управителей»⁹². У П. П. Бажова есть сходное наблюдение: «...похабщина была во многих случаях средством опорочить того человека, которого не любило. Так что, если отбросить эту оболочку, останется суть классово направленная»⁹³. Сниженное бытовое, а также вульгарное

⁹¹ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 165, л. 48—49. «С. П. Урюпин был известен в Перми в 80-е годы прошлого века под именем Серж за выдающееся фатовство, он очень заботился о своей внешности, страшно душился... Позже был назначен членом Казанской судебной палаты» (Примеч. Г. Остроумова).

⁹² Дореволюционный фольклор на Урале. С. 211.

⁹³ Цит. по кн.: Павел Петрович Бажов: Сб. статей и воспоминаний / Сост. К. Рождественская. Молотов, 1955. С. 194.

слово не несет в комической поэзии рабочих клейма «непотребного», такому слову не прегражден путь в песню, поговорку, анекдот, каламбур, грубо-фамильярное, бранно-нецензурное обладало эстетическим полноправием. Также не меняется в принципе отношение к объекту сатиры в песнях местной тематики на протяжении 1860—1917 годов — это тип отношения. Все сатирические песни в адрес классовых врагов, хотя и создавались на протяжении почти шестидесяти лет разными людьми и в разных заводах, легко сопоставимы и приложимы друг к другу, это как бы один цикл, где все произведения расположены «по горизонтали», это как бы цикл произведений одного автора, рассказывающего о смешных случаях по принципу: и еще был случай, и еще был факт.

Правда, предназначались сатирические произведения не для всякого человека. Комический узколокальный фольклор носил корпоративный характер: едкие частушки, анекдоты, бранные песни звучали «в тайне» от начальства, только в своей социальной среде, они не для посторонних, не для чужого уха — здесь показателен пример, как унтер-офицер Мазурин, переодевшись в гражданскую одежду, обнаружил сатирическую песню «Понаехали к нам немцы», ходившую в списках среди рабочих механического цеха Богословского завода в 1902 году. Но, разумеется, определенные общественные обстоятельства «снимали» запретность и, например, в эпоху революции 1905—1907 годов сатирические песни часто исполнялись открыто.

Нельзя согласиться с О. Б. Алексеевой, когда она пишет, что «изображение классовых врагов в образах конкретных, наиболее близких рабочим представителей власти — весьма типичная черта устной поэзии русских рабочих на первом этапе ее развития»⁹⁴. На наш взгляд, это типичная черта устной поэзии рабочих на всех этапах ее развития. И хотя в начале XX века предметом сатиры рабочих оказывается уже в целом весь самодержавно-крепостнический строй, местная тематика не исчезает, как не изменяется ее объем, а также функция и характер комических узколокальных произведений.

* * *

Дальнейшее выявление особенностей социально-политической сатиры рабочих заставляет сказать о различии критического и сатирического изображения. Правильно пишет В. Е. Гусев: «В работах фольклористов нередко еще комическое и основные типы его выра-

⁹⁴ Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. С. 105.

жения — юмор и сатира — отождествляются с критическим отношением к действительности вообще. На этом отождествлении основан ряд недоразумений: любой элемент критики, обличения объявляется сатирой, любой отрицательный персонаж — сатирическим, а сама сатира представляется возможной без комического»⁹⁵. Действительно, следует различать критическое и сатирическое, поскольку второе обычно получает свое выражение через комедийные формы. Оружие сатиры — это всегда смех. Однако, разводя их, уделяя основное внимание сатирическому, мы тем не менее не должны возводить между ними непроходимую стену, так как оба эти отношения сосуществовали, дополняя друг друга; иногда приходится иметь дело с произведениями, лишенными контекста, и поэтому в них какие-то ситуации, образы, мотивы затруднительно квалифицировать либо как сатирические, либо как критические. Но в целом, конечно, различать необходимо.

Рабочие и крестьяне, далекие от революционной идеологии, свое отношение к самодержавию, начиная с конца XIX века, часто выражали в форме публичных оскорблений царя, членов царской семьи, служителей церкви, министров, а также представителей власти на местах. Можно было бы пройти мимо этого свидетельства определенного уровня культуры, но оно было массовым с 90-х годов XIX века и вплоть до 1917 года. Архивные фонды канцелярии Пермского губернатора, Пермского жандармского управления, прокурора Екатеринбургского окружного суда и другие содержат многие сотни дел об оскорблении самодержца, священников и других официальных лиц, облеченных властью. В жандармско-полицейском делопроизводстве случаи оскорбления рассматривались наряду с распространением запрещенной литературы, листовок, прокламаций, текстов революционных песен, хотя, конечно, карались иначе: сквернословов обычно держали несколько месяцев в тюрьме, затем отпускали под надзор местной полиции.

Сквернословие в адрес самодержавия было одной из форм народного критицизма. Рапорты станových приставов, урядников, надзирателей, стражников, осведомителей содержат многочисленные колоритные факты, причем авторы, сами будучи людьми невысокой культуры, часто подробнейшим образом расписывали факт оскорбления, сохраняя точные «выражения», оскорбительные жесты и т. п. Опуская эти «красоты», приведем ряд приемлемых примеров: в Висимо-Уткинском заводе И. К. Николин в церкви «выражался скверноматерной бранью против бога и царя»; в Верхотурье А. Г. Неклюдов «оскорбил словами» царя; в Невьянском заводе

⁹⁵ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 301.

В. Н. Моторин «богохульствовал и заочно оскорбил его величество»; в Нижнесалдинском заводе А. И. Дьячков «публично выражался оскорбительными словами в адрес членов царствующей фамилии»; в Сысертском заводе А. И. Алексеев «публично оскорбил» церковь и царя; в Першино Н. П. Подгорный «ругал скверноматерными словами и сукиным сыном царя и роптал на порядки его величества»; в с. Буханино А. Ф. Буланов порвал мундир околоточному надзирателю и сказал: «Ты служишь не царю, а ...»; в д. Косой Брод Т. М. Пальцев, будучи в сельском правлении, сказал, обращаясь к портрету Николая: «Ты молодой гуздырь, а поступил в цари, взяты тебе глаза выколоть!»; в д. Златогоровой П. Г. Бухарев, указывая на портрет царя в сборной избе, сказал: «Это черт!»; в зале 3-го класса станции Екатеринбург А. И. Маргаритов при людях говорил про царицу: «Машка — б..., таскалась с графом Шуваловым и князем Голицыным» и т. п.⁹⁶

Люди публично заявляли, что царь — сволочь, царь — мошенник, царь — целовальник, царь — кровопийца⁹⁷, в открытых высказываниях клеймили хищнический характер царского правления, неспособность Николая управлять государством: «Нынче все начали плутовать и воровать, начиная с десятского и кончая царем», «Николаю надо быть пастухом, а не царем», «царь нас грабит» и т. п.⁹⁸

Массовое мнение во многом формировали разного рода критические разговоры, толки, слухи, порой весьма неопределенные и наивные. Например, в 1903 году в одном из жандармских донесений отмечалось, что среди жителей Екатеринбургского уезда ходят слухи, будто 50 студентов сослано в Сибирь, что они хотят «устроить бунт и убить государя»; в августе 1904 года соседи донесли на екатеринбуржца Н. В. Лазарева, будто он многим говорил, что «бога нет, не нужна монархия», что студенты раскроют глаза «низшему классу населения» на неправильное управление государством, и «царь этого боится»; в д. Зырянка И. А. Бобров всем рассказывал: «Во время японской войны Колька несколько миллиардов золота отправил за границу, а сам с правительством начал занимать деньги, помещикам землю отдавать, крестьян без земли оставлять, скоро все рассчитаются с государем и наследником-сопляком»;

⁹⁶ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 877, л. 44; ед. хр. 956, л. 2; ед. хр. 935, л. 1; ед. хр. 933, л. 6; ед. хр. 894, л. 6; ед. хр. 39, л. 53; ед. хр. 57, л. 87; ед. хр. 38, л. 23 об.; ед. хр. 49, л. 25 об.; ед. хр. 191, л. 28.

⁹⁷ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 49, л. 69; ед. хр. 932, л. 12; ед. хр. 934, л. 13.

⁹⁸ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 38, л. 51; ед. хр. 932, л. 12; ед. хр. 954, л. 4 об. и др. См. также: *Кийков А.* Из былого Урала: Материалы к истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье. Уфа, 1923. С. 112—115.

в 1902 году пристав доносил начальству, что в д. Алапах ходят разговоры «о разгроме заводской конторы при поддержке двух мифических полков, о ниспровержении царя, о выборах своего царя»⁹⁹.

Рассказы-воспоминания содержали более достоверную информацию. Унтер-офицер доносил, что В. И. Швецова, слушательница женских курсов в Петербурге, проезжая летом 1905 года несколько раз от Нижнего Тагила до Екатеринбурга, говорила всем кондукторам и пассажирам, что «правительство делает у нас все не так, начальство поступает несправедливо... Она была очевидцем, как стреляли в народ, шедший к государю с иконами, что в газетах писали, будто убитых и раненых десятки, а их была не одна сотня. Вот что делает у нас правительство! Сергея Александровича убили за дело, за растрату пожертвованных на войну одеял. Туда и дорога! Вот увидите, лет через пять все будет иначе и меня увидите не такой...»¹⁰⁰ Это обычный пропагандистский рассказ, основанный на личных впечатлениях и, очевидно, на каких-то нелегальных изданиях. Последние очень часто устно перелагались, теряя свою конкретность, партийную направленность и определенность. Например, рабочий П. Е. Фотиев рассказывал, что в кузнечном цехе Тагильского завода есть книжки, в которых написано, что в России не должно быть царя, не нужно платить податей и все должны быть равны, что эти книжки «уже разосланы по разным частям войск, которые в скором времени взбунтуются и в Нижнем Тагиле обязательно должен быть бунт, потому что нет работы, а подати собирают»¹⁰¹.

В 1902 году жандармский агент спровоцировал двух рабочих, возивших на Алапаевский завод руду, на разговор о низких заработках и один рабочий сказал: «Да вот и духовенство у нас для чего? Тоже говорит проповеди да что в них толку, а вот надо бунтоваться всей Россией и другой порядок будет»; в том же году пристав узнал через провокатора слесаря Плещова, что «алапаевские рабочие толкуют об общей забастовке всех заводов Урала в заранее назначенный день в более или менее отдаленном будущем»¹⁰².

Даже на любительских спектаклях, когда разыгрывались обычные пьесы, делались попытки выделить свободолюбивый мотив,

⁹⁹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 108, л. 3; ед. хр. 193, л. 1 об.; ед. хр. 886, л. 9; ед. хр. 72, л. 14 об.

¹⁰⁰ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 302, л. 1—1 об.

¹⁰¹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 132, л. 2.

¹⁰² ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 72, л. 14, 29.

превратить его в своеобразный лозунг. Например, в ноябре 1903 года в клубе Нейво-Алапаевского завода шла комедия «Дармоедка», и когда актер «возвышенным голосом подчеркнул слова «Борьба человека, подавленного насилием, желающего свободы», это вызвало шумные аплодисменты». Уездный исправник, сообщавший об этом, с тревогой писал, что публика была «особенно возбуждена, вела себя подозрительно, следила за полицией»¹⁰³. Между прочим, если жандармы обращались с просьбой о помощи к рабочей аудитории, то попадали в глупое положение. Так в марте 1903 года в Тагильском народном театре шло «чтение с туманными картинками». В антракте на сцену вышел жандармский подполковник Лещинский и сказал, что о всех найденных прокламациях нужно сообщать начальству, чем вызвал «среди слушателей хохот и рукоплескание» — так об этом с горечью сообщалось в служебном доносе на подполковника¹⁰⁴.

Мы привели лишь часть фактов, чтобы обозначить тенденцию; в целом можно констатировать распространение в среде горнозаводского населения в конце XIX — начале XX века следующих форм массового критицизма: сквернословие в адрес царя и представителей царской власти; открытая негативная оценка царя в репликах типа «царь — вор», «царь — мошенник»; надругательства над портретом царя (публично рвали, били кулаком, плевали, выкалывали глаза); публичное оскорбление церковных служителей; выражение негативного отношения к самодержавию на самодеятельных концертах, любительских спектаклях; критические разговоры, передача слухов, пересказ нелегальных изданий, или, как выражались жандармы, «рассуждения и толки противоправительственного содержания». Основные темы критических выступлений: все царские порядки устарели; все, начиная с царя воруют; правительство ведет роскошный образ жизни за счет народа; царя надо убить; царь стрелял в народ 9 января 1905 года; скоро будет бунт, скоро будет свобода и т. п. Не следует преувеличивать значение этих факторов, часто грубых, наивных противоречивых, но нельзя и преуменьшать, потому что эта богохульствующая и сквернословящая в адрес церкви и царя масса была готова отозваться

¹⁰³ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 71, л. 28.

¹⁰⁴ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 95, л. 2 об. Даже в своих «Политических обзорах» жандармы отмечали, что «чины полиции особенным уважением ни с чьей стороны не пользуются», что у «большинства горнозаводских рабочих недоверие к уездной администрации», что среди рабочих распространено мнение — «местные власти все подкупленные», а среди интеллигенции «сомнение в способностях некоторых лиц, стоящих во главе высших правительственных учреждений». — ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 46, л. 32; ед. хр. 23, л. 26 об.

и на поэтическое слово рабочей сатиры, и на политические лозунги социал-демократов.

* * *

Народную оценку самодержавия активно формирует, начиная с последних лет XIX века, нелегальная социал-демократическая литература.

В статье «Насущные задачи нашего движения», которая была опубликована в 1900 году в №1 «Искры», В. И. Ленин писал о необходимости «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата»¹⁰⁵. «Мы сделали первый шаг, — пишет В. И. Ленин в статье «С чего начать», опубликованной в №4 «Искры», — мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений»¹⁰⁶. Подчеркивая определение «политических», В. И. Ленин видит в этом характере обличений их сущностное свойство и конкретизирует свою мысль в работе 1902 года «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Он пишет: «...Одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация *всесторонних* политических обличений. Иначе как на этих обличениях *не может* воспитаться политическое сознание и революционная активность масс». И далее: «Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все и всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к *каким бы* классам ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов...»¹⁰⁷

Политическое воспитание масс началось во второй половине 90-х годов произведениями В. И. Ленина, которые в это время уже

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 374.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 10.

¹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 69.

начали проникать на Урал; в 1900—1903 годах его работы распространялись благодаря «Искре», а во все последующие годы — и благодаря другим социал-демократическим изданиям¹⁰⁸.

Вооруженные ленинскими указаниями, уральские большевики проводили очень интенсивную работу по политическому воспитанию рабочих, крестьян, солдат, демократической интеллигенции, учащейся молодежи в самых разных формах — этот вопрос достаточно полно освещен историками партии и самими участниками революционного движения¹⁰⁹.

Особую роль играли нелегальные социал-демократические листовки и подпольные газеты, адресованные широким массам. В них дается партийная оценка местных и всероссийских событий, и в «политических обличениях» очень часто царь, министры, жандармы наделяются такими же или почти такими же характеристиками, какими наделяла их народная молва.

В листовках уральских большевиков Николай II — это азиатский деспот, безвольный царь, игрушка в руках министров, говорящая кукла, народный тиран, царь-вешатель, коронованный разбойник, царь-последыш, царь Кровавый, Последний¹¹⁰.

В листовках про царские порядки говорится, что их «нужно сбросить с плеч страны, как вшивые лохмотья»; используя известное сравнение, автор листовки мог следующим образом изобразить испуг царя: «Рабочее движение широкой волной уже начинает

¹⁰⁸ См.: *Александров Ф. А.* Ленинская «Искра» на Урале. Пермь, 1953; *Бегиян С. Д.* Ленинская «Искра» на Урале. Свердловск, 1957; *Лушников А. В.* Роль В. И. Ленина и ленинской «Искры» в формировании классового сознания уральского пролетариата (1900—1903) // Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903—1917 годах. Челябинск, 1983. С. 3—28.

¹⁰⁹ См., напр.: *Быков В.* Подполье. Екатеринбург, 1923; *Воеводин П. И.* Златоуст в ноябре-декабре 1905 года // Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. Свердловск, 1956. С. 235—240; *Камаганцев Н.* Годы борьбы: Воспоминания партийца // Из прошлого: Сборник воспоминаний 1903—1905 годов. Б. м, б. г.; *Лихачев В. И.* Екатеринбургская большевистская организация в первой русской революции // Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. С. 27—64; *Лызов И.* Крепче металла. Пермь, 1970; Октябрь на Южном Урале: Юбилейный сборник к 10-летию Октябрьской революции / Под ред. С. Шапурина. Златоуст, 1927; Письма революционного подполья / Сост. Н. А. Аликина. Пермь, 1977.

¹¹⁰ См.: Листовки пермских большевиков 1901—1917 годов / Сост. Н. А. Аликина. Пермь, 1958. С. 60, 82, 230, 239, 240, 247, 263, 371, 434, 435, 537. В названный сборник входят нелегальные листовки, написанные не только в Перми, но и в Кунгуре, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге и других городах Урала. Здесь же опубликованы подпольные газеты: «Рабочий бюллетень», «Кунгурский рабочий», «Уральский листок».

выливаться на площади... Как же себя чувствует наш «возлюбленный монарх»? Он по всем признакам страдает расстройством желудка»¹¹¹. Легко представить, как такие листовки перелагались в народной среде.

Не менее едкими эпитетами наделялось царское правительство: деспотичное, полицейское, бесстыдное, двуличное, шайка министров, свора губернаторов, кучка народных грабителей, кровожадная шайка воров и палачей, царские прихвостни, заправилы, всевластные паразиты, свора раззолоченных мумий и полицейских псов¹¹²; «земские начальники — настоящие выродки крепостных времен», «попы — христопродавцы»¹¹³; самодержавие в целом — одряхлевшее, подлое, издыхающее, «гнилой нарост на теле крестьянина и рабочего»¹¹⁴. В 1902 году впервые в уральских листовках появился метафорический эпитет жандармов и полицейских — опричники: «Правительство теряет свою последнюю опору — солдатский штык. Остаются нагайки и штыки жандармов и полиции. Эти опричники беснуются, хватая кого попало...». В дальнейшем этот эпитет сохраняется вплоть до 1917 года. Кроме того, действия полицейских и жандармов рисуются как действия врагов-завоевателей, «они беснуются словно в завоеванной стране»¹¹⁵. Напомним, что в народных поэтических произведениях иноземные завоеватели часто теряли свои национальные черты и превращались в собирательный образ татар, турок... И авторы листовок непосредственно обращаются к национальной эстетической памяти: «Полицейское отродье размножается не по дням, а по часам... докуда выносить это татарское иго»; «в нашем государстве полиция — настоящие башибузуки турецкие»; «кровь застывает в жилах от тех ужасов, которые производят царские башибузуки над мирным населением»¹¹⁶. Наконец, при обрисовке народных антагонистов в листовках используются традиционные мотивы и образы чудовищ, вампиров, бешеных собак, волков, пиявок и т. п.: «По всей стране, из всех углов начинают вылезать жабы и вампиры, пившие, пьющие и желающие пить народную кровь»; царское правительство — «издыхающее чудовище»; «или народ вырвет ядовитое жало из поганых вешателей, или они отравят народ своим ядовитым дыханием», «крестьяне должны сбросить с себя сосущих их кровь пиявок — стражников, урядников, земских и прочих начальников»;

¹¹¹ Листовки пермских большевиков 1901—1917 годов. С. 267, 87.

¹¹² См.: Там же. С. 59, 70, 80, 247, 253, 274, 322, 327, 333, 364, 369, 530.

¹¹³ Там же. С. 240, 496.

¹¹⁴ Там же. С. 73, 258, 265, 304, 327.

¹¹⁵ Там же. С. 494.

¹¹⁶ Там же. С. 263, 495, 496.

«в городе творится черт знает что: жандармы, точно бешеные собаки, рыщут по всему городу»¹¹⁷.

В нелегальных листовках ощутима своя поэтика, которая, конечно, включает определенную грубую мужественность. И когда мы в листовках встречаем утверждение, что возле царя «подлецы-генералы»; «армия превратилась в шайку воров и разбойников»; «генерал Трепов — вор, не постеснявшийся ограбить Красный Крест»; в Перми властвует «Самойленко — начальник охранной сволочи»¹¹⁸ — когда мы это находим, то ощущаем, что такая грубость нисколько не поддельная, не подлаживающаяся, но честная, отражающая истинное положение дел и классовую оценку.

В литературе конца XIX — начале XX века приближающаяся революция, борьба с монархией часто изображались с помощью образов утренней зари, рассвета, солнца, света и тьмы. В уральских листовках есть выразительные случаи, когда, например, автор от имени рабочей массы говорит с солнцем на «ты»: «Красное солнце... мы заставим заблестеть для мира трудящихся, мы заставим заглянуть его в лачуги пролетариев, в избышки бедняков»¹¹⁹. Встречаются в листовках образы «грозовых туч революции», «раскатов надвигающейся революционной грозы», «девятого вала русской революции»¹²⁰. В подавляющем большинстве социал-демократических листовок борьба пролетариата изображается как война, битва, схватка. «Стачка — это война, а на войне всякий неверный шаг дает лишние шансы врагу на победу», — утверждается в одной из ранних уральских листовок; все рабочие — солдаты «одной трудовой всемирной армии»; употребляется обычная военная терминология: самодержавие — крепость, революция — грядущая битва, сражение, рабочие, не поддерживающие стачечников, — изменники; «...теперь вся Россия представляет театр войны», — сообщает листовка, выпущенная 9 января 1906 года в Перми¹²¹.

В первые годы XX века со страниц листовок, «Уральского листка», «Кунгурского рабочего», «Рабочего бюллетеня» и других подпольных изданий звучит критика рабочих не только в адрес царя, правительства, жандармов, но и в адрес мастера своего цеха, управителя своего завода... Например, критикуются рабочие, подносящие подарки, устраивающие угощения мастерам, подмастерам, даже десятским. Мотовилихинские мастера Швецов, Шишов,

¹¹⁷ Листовки пермских большевиков. С. 66, 81, 272, 316, 322, 468.

¹¹⁸ Там же. С. 241, 239, 257, 335.

¹¹⁹ Там же. С. 379.

¹²⁰ Там же. С. 274, 313, 325.

¹²¹ Там же. С. 68, 70, 84, 265, 272, 325, 382, 414, 422, 453.

Мельников предоставили хорошо оплачиваемую работу тем, кто их поил вином¹²²; мастер Широков заставлял рабочих бесплатно косить и грести сено на своем покосе и устраивал «гулевые» дни тем, кто отказывался на него работать¹²³; у мастера Крапивина все лето на даче вместо прислуги жил рабочий Ионка с женой, но зарплату получал на заводе¹²⁴.

Рабочий коллектив особенно резко осуждал тех рабочих, которые унизились до предательства. Даже новое слово — шпион — появилось в лексике уральских рабочих для обозначения этих «наушников», «доносчиков», «перебежчиков». В заметках «Рабочие-шпионы», «Предостережение», «Проделки шпиона Бояршинова» и других, опубликованных в «Рабочем бюллетене» в 1903 году, назывались рабочие, предавшие интересы заводского коллектива: Дмитриев, Хомутов, Бизяев, Бояршинов, Махнутин, Уткин и другие. Диапазон их предательских поступков — от тайного осведомления полиции до элементарного подслушивания разговоров и передачи сведений мастеру, начальнику цеха. Как награда следовала отмена «гулевых» дней, предоставлялись хорошие инструменты, исправные станки, выгодные задания. Рабочие всячески боролись со «шпионами», и одна из таких форм — гласность, критические публикации. Ради действенности «Рабочий бюллетень» в октябре 1903 года использовал даже стихотворную речь: было опубликовано стихотворение-угроза «К шпионам». Не обладая поэтическими достоинствами, стихотворение все-таки доносит веру автора в грядущие социальные перемены:

Горе вам, шпионы-доносчики,
Не прожить вам всегда языком,
Скоро пробьет час ваш урочный,
Предстанете вы пред народным судом.
За все скорби и слезы народные
Вам пред народом придется страдать,
Все эти тюрьмы, где томится народ,
Вам с позором придется самим испытать!

Про управителя Назарова было сочинено стихотворение, в котором говорится, как он «в цехах шпионов насадил», как он «рабочих прижимает, хочет голодом морить», как он занимается рукоприкладством:

Бьет он в рыло, бьет и в шею,
Бьет в затылок, по спине,
Так удары сыплет щедро,
Что мутится в голове.

¹²² См.: Листовки пермских большевиков. С. 121, 122.

¹²³ См.: Там же. С. 106.

¹²⁴ См.: Там же. С. 122—123.

Автор стихотворения, скрывшийся под псевдонимом «Колченогий», призывает «страхнуть» Назарова вместе с его «шпионами» и потребовать свободы. В этом требовании все предельно обобщенно, как в революционных гимнах, маршах:

Грозно требовать свободы
Надо, братцы, нам скорей,
Европейские народы
Много лет живут уж с ней.
Так и мы по их примеру
За свободу в бой пойдем,
К братству истинную веру
Мы в своих сердцах найдем! ¹²⁵

В целом, конечно, показателен переход от обличения конкретного управителя к призыву идти к свободе «по примеру» европейских народов. Свой Мотовилихинский завод рабочий видит как бы в европейском контексте — это уже черта пролетарского самосознания.

Таким образом, с конца 90-х и во все последующие годы предметом народной критической оценки оказываются царь, царское правительство, жандармы, полицейские. Массовый критицизм был достаточно устойчив, поскольку «питался» эмпирической реальностью. С ростом социал-демократических рядов усиливается пропаганда революционных идей через листовки, прокламации. Адресованные широким массам, листовки «учитывали» их мнение, критическую настроенность, поэтому партийная оценка, содержащаяся в листовках, могла соседствовать с народно-массовыми характеристиками, дополнять или уточнять их и, в конечном итоге, оказывать решающее воздействие на формирование народного мнения. Язык листовок — это язык партийной публицистики, но очень часто листовки писали рабочие с невысоким образованием, еще «не отошедшие» от фольклорного мышления, от фольклорной поэтики, поэтому они привносили в описание событий и лиц традиционные мотивы и образы фольклорного характера. Резкость, безапелляционность характеристик в народных политических разговорах и листовках носят выраженный классовый характер.

* * *

Народные разговоры, толки всегда колоритны, экспрессивны, несут черты образности, афористичности, иносказательности.

¹²⁵ Листовки пермских большевиков. С. 142. Управитель Назаров «внимательно следил за газетой и даже давал рубль тому, кто первый принесет свежий номер». — ГАСО, ф. 31х, оп. 1, ед. хр. 27, л. 10.

В. Я. Пропп считал, что «интеллигенция выражается в обыденной речи, как правило, бесцветно», потому что мыслит отвлеченными категориями, а простые люди физического труда часто говорят образно и выразительно, так как их речь «определяется зрительными образами»¹²⁶. Народные разговоры в принципе могут быть разделены по тематическому принципу на бытовые, политические и т. д. Рассмотрим политические в плане интересующей нас проблемы комического.

В разговоре на политическую тему русский человек мог сказать метко, хлестко, с сатирическим акцентом. В 1985 году, как сообщается в полицейском документе, в Екатеринбурге А. В. Раков, разговаривая на улице со знакомым, сказал, указывая на фонарный столб: «Если вместо этого фонаря повесить русского царя, то осветилась бы вся Европа»¹²⁷ — здесь использовано комическое сопоставление следствия и причины, один из примеров, с помощью которых создаются народные пословицы и поговорки¹²⁸. В Нижнем Тагиле в 1904 году бытовали разговоры о ненужности монарха, о его свержении, причем о Николае II говорили, как говорят о деревенском воре: «Царя за ноги уже держали, да вырвался, убежал»¹²⁹. В январе 1907 года рабочий В. А. Худяков в сборной избе Верхнеуфалейского завода отзывался о царе, пишет агент, «крайне неуважительно: «Черт его помазал, да мазилку потерял» и говорил, что только с оружием в руках можно добиться своих прав»¹³⁰ — здесь рабочий ввел в разговор каламбурное обыгрывание однокоренных слов, и возникла убийственная характеристика самодержца.

6 февраля 1905 года, как сообщал жандарм в рапорте, «на вокзале станции Гороблагодатская во время служения всенощной Г. А. Хлынов при произнесении священником слов «Поддай, господи!» закричал: «Республику!», а при произнесении «самодержавнейшего и т. д.» закричал: «Долой самодержавие!»¹³¹ По сути дела Г. А. Хлынов двумя остроумно вставленными репликами превратил церковную службу в комический спектакль. Удачный политический каламбур произнес дорожный мастер К. Н. Кибирев, за что был арестован: когда в телеграфной комнате станции Лая

¹²⁶ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 107.

¹²⁷ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 49, л. 85 об.

¹²⁸ См.: Абрамцев И. В. Языковые средства создания комического в русских пословицах и поговорках // Тр. Самарканд. ун-та. 1974. Вып. 250, т. 5. С. 239.

¹²⁹ Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. 3-е изд. Свердловск, 1965.

¹³⁰ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 583, л. 41.

¹³¹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 301, л. 2.

зашел разговор об одном письме, адресованном в Саратов на Царскую улицу, дорожный мастер сказал: «А что если бы был город и улицы в нем были бы под названием Царской, Жандармской, Сысского отделения... Этот город надо было бы назвать Каторгой»¹³². Миньярской боевой организации потребовался токарный станок для обточки корпусов бомб, и партийцы ночью «экспроприировали» небольшой токарный станок в Уфимских железнодорожных мастерских. Один из участников этого дела пишет: «Много возбуждения принесла экспроприация в среду рабочих. Особенно в котельном цехе. Там рабочие после молитвы, расходясь на свои места, бурчали друг другу вполголоса: «Богородица-дева, куда станок дела?»¹³³

Русский язык, обладающий большими омофонными возможностями, позволяет комически переименовывать фамилии, собственные названия, и рабочие постоянно прибегали к использованию этой языковой особенности. Когда в 1905 году в Екатеринбурге начала выходить кадетская газета «Голос народа», рабочие сразу стали ее иронически называть «Голос урода»¹³⁴. Когда развернула свою деятельность партия либеральных помещиков и капиталистов — партия мирного обновления, большевики выпустили листовку. «Что такое мирное обновление? — спрашивается в листовке. — Это словечко для обмана... Что такое общее благо? Это словечко, которое употребляется тоже для обмана... А дело-то состоит в том, чтобы издать такие законы, по которым можно было бы грабить законно, мирно, ибо мирно грабить куда выгоднее. Об этом-то и заботится партия мирного обновления». И большевики назвали листовку: «Партия мирного ограбления»¹³⁵.

Продажный министр юстиции Щегловитов имел среди уральских рабочих прозвище Ванька Каин¹³⁶, полицейские — фараоны, сеledки, стражники — золотушные гусары¹³⁷. В октябрьские дни 1905 года один из ораторов, обращаясь к манифестантам и указывая

¹³² ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 877, л. 154.

¹³³ Из воспоминаний В. Алексеева, В. Горелова, И. Кокорева, К. Антонова // 1905. Революционные события 1905 года в г. Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925. С. 152.

¹³⁴ См.: Герцман М. А. Боевая дружина Екатеринбурга в 1905 году // Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. Свердловск, 1956. С. 230.

¹³⁵ Золотавина М. А. Борьба екатеринбургских большевиков за массы в период спада русской революции // Тр. Урал. политехн. ин-та. Свердловск, 1960. Сб. 103. С. 45.

¹³⁶ См.: Чащин В. А. В суровые годы: Воспоминания старого большевика. Свердловск, 1957. С. 174.

¹³⁷ См.: Туманский Т. Н. Касли // Уральский край. 1907. 17 апр.

на рядом с ним стоящего исправника, сказал: «Вот и еще один из осколков самодержавия, дни которого сочтены»¹³⁸.

Обычный прием фольклорной сатиры — сравнение осмеиваемого с животным, причем в народной поэтике есть устойчивый круг «пизких» животных, в котором едва ли не на первом месте свинья, собака. Участник революции 1905 года Ф. Соловьев писал в своих воспоминаниях (они остались неопубликованными, поэтому стилистически шероховаты): «Между Алапаевском и деревней Алапаихой есть изгородь-поскотина, на воротах была набита доска с надписью «Нельзя ходить собакам, свиньям и полицейским», поэтому полицейские туда не ходили на массовки, прятались под ж. д. щиты, а придет поп Хлопин, его парни дразнят: «Нищий, нищий, ведь работать можешь» и выгоняют мерзлым пометом...»¹³⁹ Бросать навозом, коровьим пометом — тоже один из приемов народного осмеяния, публичного унижения.

Элементы серьезного и комического естественно переплетались в разговорах на политическую тему еще и потому, что рабочие широко использовали принцип общения, принятый в узких социально-сословных или профессиональных группах. Подчеркнем — только принцип, потому что сама по себе тарабарщина офеней, каталей, шерстобитов и прочих артелей, конечно же, не подходила для идущей открытым текстом, но тайной информации. Такая, например, невинная фраза «слесарь сделал подарок конторщику» означала «эсер убил городского», так как на принятом языке подпольщиков слесарь — это эсер, сделать подарок — убить, конторщик — городской; или, скажем, немного игривая фраза в разговоре пожилых рабочих «зашел в закусочную с красавицей, а там приказчики сидят» передавала совсем не шуточную информацию: «зашел на явочную квартиру вооруженный и напоролся на шпиков». Очевидно, в разговоре о серьезном невольно возникали юмористические интонации, обороты, особенно когда условным языком пользовались люди, еще полностью его не освоившие. Да и сам подбор обозначений иногда выдает лукавство, хитринку «составителей» (парабеллум — красавица, маузер — добрый молодец, конспиративный — приличный, нелегальный — немецкий), а иногда ошутима классовая ирония (ранить — поблагодарить, взорвать — отремонтировать), хотя большинство слов кажутся сегодня эмоционально нейтральными. Словарь, о котором идет речь, видимо, никем из подпольщиков специально не составлялся. Перед нами скорее всего словотворчество революционеров, рабочих-большевиков,

¹³⁸ См.: Челябинск // Уральский край. 1907. 19 мая.

¹³⁹ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 128, л. 55.

но жандармы изучили их тайный язык, составили словник для служебного пользования, который до нас дошел. Жандармы назвали его так: «Конспиративный словарь для разговоров на улице, употребляемый политическими преступниками Уфимской социал-демократической организации»¹⁴⁰.

Видимо, в каждой партийной организации, точнее, каждой территориальной группе большевиков, был свой круг слов для обозначения партийных дел, по крайней мере, в дошедших воспоминаниях пермских, екатеринбургских, челябинских большевиков не фигурируют слова из политических разговоров уфимских социал-демократов. Правда, примеров сохранилось мало да и могло быть индивидуальное употребление. Например, пермская большевичка М. М. Загуменных пишет в письме А. С. Зайкову, что ее осаждают женихи, потом с юмором рассказывает случай: «Мы с Костей, выйдя за ворота, заметили две тени. Только мы успели пройти — они тронулись за нами по другой стороне... Извозчик. Не говоря ни слова, садимся и едем. Ох, и припустили за нами женихи. Целый квартал бежали, но мы все-таки успели от них уехать»¹⁴¹. Конечно, мужчина не стал бы называть сопровождающих его шпиков женихами, а для женщины это в порядке вещей, и чувствуется веселая усмешка молодой подпольщицы. Умение рассказать об опасном с юмором — свидетельство духовной силы.

В речевом обиходе ради создания комического эффекта использовался прием «комментирования» какого-либо известного, может быть, стандартного оборота, фразы, пословицы, поговорки. Сам по себе «комментарий» мог быть любым — от нелепого до информативно-нейтрального, но, будучи прикрепленным к широко известному изречению с постоянным значением, порождал смех различных оттенков. Такие юмористические и сатирические высказывания строятся как изречение имярек и иногда называются веллеризмами. По свидетельству В. П. Бирюкова, в 1906—1907 годах по Перми «ходило очень много» политических острот типа: «А хорошая эта штука — динамит!» — сказал великий князь Сергей

¹⁴⁰ См. об этом: Революционное прошлое: Сб. статей, воспоминаний, мемуаров и очерков Башкирского областного бюро истпарта / Под ред. А. Ковшевой. Уфа. 1923. С. 163—164. Все слова легко распадаются на шесть тематических групп: 1) организационные термины и собственные имена (например, социал-демократ, социал-революционер, организация, программа, Маркс, Петроградский Совет и т. п.); 2) слова, связанные с проведением собраний, массовок; 3) слова, употребляемые «боевиками»; 4) наименования типографских принадлежностей; 5) обозначения классовых врагов, провокаторов; 6) слова, обозначающие арест, тюрьму и сопутствующие им понятия.

¹⁴¹ Письма революционного подполья / Сост. Н. А. Аликина. Пермь, 1977. С. 60.

Александрович, раскидывая свои мозги по мостовой (убит в 1905 году); «Семь раз отмерь и один отрежь», — сказал Куропаткин, проиграв восьмое сражение; «Не в свои сани не садись», — сказал адмирал Рождественский, когда его эскадру потопили японцы под Цусимой; «Век живи, век учись», — сказал генерал Стессель, сдавая Порт-Артур японцам¹⁴².

Разумеется, по отрывочным фразам, дошедшим до нас, часто бывает трудно судить о разговорном контексте, например, не ощутим или едва ощутим юмор в выражениях, где шифрованные письма фигурируют как ксивы, нелегальные воззвания как афишки, или про вновь появившиеся прокламации рабочие ВИЗа говорят, мол, «снова начали печь блины»¹⁴³. Но в целом с полным основанием можно считать, что в массовых политических разговорах присутствовали пародийные высказывания, шутки, остроты, каламбуры, иронические прозвища, реплики, выражавшие сатирическое отношение народных масс к самодержавию, к конкретным министрам, блюстителям порядка и т. п. При этом рабочие и революционеры использовали различные языковые и поэтические приемы создания комического.

* * *

Уже в 90-е годы в среде уральского пролетариата появляются стихи и песни политического содержания. Одной из таких ранних песен обычно считают песню «Эхо», которая, как пишет А. И. Лазарев, не могла возникнуть позже 1893 года, когда ушел в отставку с поста министра государственных имуществ М. Н. Островский, являющийся одной из «персон», против кого направлено сатирическое жало произведения. В целом песня иронически оценивает деятельность любого царского министра. «Вся поэтическая изюминка произведения заключается в остроумном повторении окончания последнего слова в рифмующейся строке:

У вас министры были?
Били.
Ваши просьбы разобрали?
Брали.
Документы рассматрели?
Ели.

¹⁴² См.: Урал в его живом слове. С. 279; Фольклор Урала. Вып. 1: Исторические сказы и песни. Дооктябрьский период / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Челябинск, 1949. С. 68—69.

¹⁴³ См.: Революционное прошлое. С. 57; *Филов В.* Тридцать лет. К истории рабочей печати на Урале и к 10-летию «Уральского рабочего». Свердловск, 1928. С. 30; ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 14, л. 92.

О Ванновском какой слух?
 Ух!
 Ну а прокурор небес?
 Бес.
 Чем он кончил разговор?
 Вор.
 Много ль сделал Гюббенет?
 Нет.
 А Островский очень плох?
 Ох!...» ¹⁴⁴

В развитии сатирическо-обличительного направления в революционной поэзии конца XIX — начала XX века определенную роль сыграли сказки рабочих («Молотобоец и черт», «Кузнец и черт»), а также стихотворный фельетон «Сказка о попе и черте», опубликованный в 1899 году и быстро превратившийся в популярную рабочую песню, в которой зло высмеивался поп. Он, побывав на заводе среди «мрака и шипенья», грохота «тысячелудового молота», возле расплавленного металла, — смертельно испугался:

Поп пришел домой уж поздно
 И не знает что сказать,
 Попадья тут разозлилась,
 Начала попа ругать.
 «Не брани меня, родная,
 Мила матушка моя,
 Только дай мне поскорее
 Пару чистого белья ¹⁴⁵.

Рабочие сочиняли сатирические частушки про уфимского губернатора, отдавшего приказ стрелять в безоружных рабочих-демонстрантов в 1903 году в Златоусте. Старый рабочий Златоустовского завода Т. С. Старцев говорил, что они пели в то время «тараторки

¹⁴⁴ Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 826а—827. См. также: Урал в его живом слове. С. 230. П. С. Ванновский — военный министр; А. Я. Гюббенет — с 1889 г. управитель министерства путей сообщения; М. Н. Островский — с 1881 по 1893 г. — министр государственных имуществ; прокурор небес — обер-прокурор святейшего синода Победоносцев (Примеч. В. П. Бирюкова).

¹⁴⁵ Фольклор: Записи студентов. Нижне-Тагильского пед. ин-та. — АИЭ, ед. хр. 5207, л. 25. См. также: ГАСО, ф. 2111, оп. 1, ед. хр. 24, л. 51; ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 12, л. 160; Новикова А. М. Роль и значение революционной литературной песни в рабочем фольклоре // Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965. С. 76. Поскольку «Сказка о попе и черте» содержит мотивы двух выше названных сказок о кузнеце и черте, некоторые исследователи считают (А. Л. Дымшиц, А. И. Лазарев), что автор стихотворного варианта или был уральцем, или побывал на Урале (возможно, не по доброй воле). См.: Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 828а; Революционная поэзия. 1890—1917 / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. Л. Дымшица. Л., 1959. С. 553.

про губернатора Богдановича и про Николашкину всю власть», которые сочинял Евгений Шилов; участник златоустовских событий 1903 года Г. В. Ягупов вспомнил несколько частушек тех лет:

Над горою тучи, тучи —
Собирается гроза,
На хозяина завода
Не смотрели бы глаза.
Сколь народу, сколь народу,
Сколь народу мучится,
А у наших у хозяев
С жиру брюхо пучится.

Богданович-губернатор,
Много не натопаешь:
За расстрелянных рабочих
Пулю в лоб ты схлопаешь! ¹⁴⁶

Когда бездарные царские генералы проиграли войну с Японией и был заключен позорный для России Портсмутский мир, уральцы дали исторически объективную оценку этому событию. В сатирические песни попали генерал-адъютант Алексеев, дальний родственник царя, командующий русскими сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке, а также адмирал Старк, генерал Куропаткин. Один из них изображен как вор, второй — как глупец, третий — как хвастун и религиозный фанатик, причем в песне говорится, что при гибели броненосца «все добро пошло на дно, только выплыло дерьмо» — всем известный князь Кирилл, недалекий и распутный двоюродный брат царя. В некоторые варианты после рассказа о спасении Кирилла вставлялся куплет об открытии «мощей» святого Серафима Саровского. Скорее всего, в сатирической песне обыгрывался следующий фарсовый эпизод 1903 года: «Рабочий бюллетень» Пермского комитета РСДРП писал: на официальное открытие «мощей» Серафима явились царь со свитой, митрополиты, министры, «веселились у гроба Серафима, шампанское лилось рекой, и Николай II у себя в палатке начал было напевать: «И верится, и плачется, и так легко, легко...» ¹⁴⁷.

Еще одна песня о русско-японской войне — «Дело было под Артуром» — это контаминация нейтрального сообщения о военных действиях с фрагментами известных песен и романсов ¹⁴⁸. Такая

¹⁴⁶ См. об этом: *Лазарев А. И.* Устная поэзия рабочих Урала. С. 829а; Народное творчество Южного Урала / Записал И. С. Зайцев; Под ред. В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948. С. 138—139.

¹⁴⁷ Листовки пермских большевиков. С. 47.

¹⁴⁸ При создании этой песни использованы строфика, размер и первая строка песни Ив. Молчанова «Дело было под Полтавой»; в строфах встречаются цитаты из басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», из стихотворений

«случайная» соотнесенность оказывается мощным источником сатирического смеха. Например:

Куропаткин горделиво
Прямо в Токио спешил,
Что ты ржешь мой конь ретивый,
Что ты шею опустил? ¹⁴⁹

В первые годы XX века большое значение приобретает революционная политическая песня. Большевики используют ее как самую демократическую форму внедрения социалистических идей в народную массу, выпускают песенные сборники, издают песни в виде прокламаций, распространяют в рукописном виде. Большое внимание уделяет этой форме пропаганды В. И. Ленин, о чем свидетельствуют его известные работы «Евгений Потье» и «Развитие рабочих хоров в Германии».

П. Г. Ширяева, А. Л. Дымшиц, М. С. Кашеваров, К. В. Боголюбов, Н. С. Полищук, А. И. Лазарев, А. М. Новикова и другие исследователи много писали о том, что в революционном воспитании народных масс значительную роль играли гимны, марши, что поэзия на демонстрациях сливалась с прямым революционным выступлением. Подчеркнем еще, что неграмотный, далекий от политики рабочий очень часто впервые знакомился с революционной идеей, познавал ее только через песню, через ее художественную образность. Этот путь познания — на эмоционально-чувственном, образном уровне — часто был первым толчком пробуждения политического мышления, толчком, который выводил рабочего из состояния общественной пассивности. Большевик Ф. И. Коротаев пишет, что он сам убедился в том, насколько была доходчива агитация революционной песней. Он собирал молодых рабочих и разучивал с ними революционные песни. «Разучивание начинали обычно в такой последовательности: «Славное море, священный Байкал», «Замучен в тяжелой неволе», «Отречемся от старого мира», «Мы Марсельезы гимн старинный на новый лад теперь споем», «Дело было в Петрограде», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Красное знамя». Между прочим, этот вид агитации — песней — был самым доходчивым и эффективным. Участники к разучиванию песен относились с исключительным старанием. Запрещенность этих песен возбуж-

А. С. Пушкина «Бесы», «Утопленник» и др. См. об этом: *Новикова А. М.* Роль и значение революционной литературной песни в рабочем фольклоре // *Устная поэзия рабочих России*. М.; Л., 1965. С. 78.

¹⁴⁹ Урал в его живом слове. С. 24.

дала еще больший к ним интерес. Некоторые из этих песен певались на рабочих вечеринках»¹⁵⁰.

Уральские рабочие на практике познавали, что революционная песня может выполнять функцию протеста, быть действенным оружием. С. Осокин вспоминал, что впервые революционная песня как протест открыто прозвучала в Челябинске в 1902 году. Летом этого года на железнодорожную станцию прибыл поезд с политическими заключенными, и местные рабочие стали разговаривать с ними через зарешеченные окна. Тут появились жандармы, набросились на рабочих. «Кто-то из заключенных кричал: «Мерзавцы, не смейте трогать рабочих». В вагонах запели «Вихри враждебные веют над нами...». Это была первая, услышанная челябинскими рабочими, открыто протестующая песня борьбы труда с капиталом»¹⁵¹.

Печатная революционная песня была частью нелегальной социал-демократической литературы и в этом качестве доставлялась к уральским рабочим, как правило, революционно настроенной интеллигенцией. Причем очень быстро. Так, сборник песен, напечатанный в Женеве, через несколько месяцев был на Урале, у алапаевских рабочих. В 1903 году жандармы выяснили, что запрещенную литературу из-за границы пересылал студент В. А. Родионов своей знакомой К. Меньшиной, которая передавала ее его сестре Зинаиде или чертежнику С. Четвергову. Кроме того, что-то, видимо, привозил студент Петербургского лесного института Кабаков, общавшийся во время летних каникул в Алапаевске с С. Четверговым. В доме отца Кабакова устраивались сходки. Когда прошли обыски у нескольких алапаевских рабочих, то были найдены пять номеров «Искры» за 1902 год, один номер «Вопросов русской жизни» — издание Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», «Русский политический строй» — брошюра, изданная РСДРП в Женеве в 1901 году, «Стачка лжи» — брошюра, изданная также партией социал-демократов, несколько номеров газет «Революционная Россия», «Южный рабочий», прокламация «Товарищи рабочие», изданная в Петербурге, несколько брошюр А. Бебеля, а также сборник революционных песен, изданный в Женеве в 1902 году под названием «Песни борьбы»¹⁵².

В 1902—1903 годах революционные песни звучали главным образом на маевках за городом, в узком кругу. Сохранившиеся

¹⁵⁰ ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 95, л. 47.

¹⁵¹ Осокин С. Социал-демократическая Челябинская организация в 1902—1903 годах // Из прошлого: Сб. воспом. 1903—1905 годы. Б. м., б. г. С. 46. См. также: ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 182, л. 62.

¹⁵² ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 72, л. 14, 34—34 об., 35 об.

на этот счет сведения немногочисленны¹⁵³. Зато в период русской революции песни борьбы и протеста открыто исполнялись во время митингов, демонстраций. Партийные организации Урала много внимания уделяли революционному воспитанию молодежи. В Екатеринбурге была создана социал-демократическая организация учащихся при комитете РСДРП. Организация имела библиотеку и политический клуб в конспиративной квартире ученика художественно-промышленной школы В. Козырина. В августе 1905 года Пермским комитетом РСДРП было принято решение о создании ученической социал-демократической организации¹⁵⁴. Подростки также приобщались к революционной работе посредством песни. К 1 мая 1907 года на Миньярском заводе подростки разучили песню «Смело, товарищи, в ногу» и пели ее на демонстрации вместе с рабочими; они несли лозунг «Мы требуем бесплатного обучения»¹⁵⁵. В Екатеринбургском городском училище был в 1905 году кружок, где учащиеся знакомились с социал-демократической литературой и разучили «Интернационал» на русском и французском языках¹⁵⁶. С революционными песнями молодежь и рабочие провожали новобранцев. На проводах будущих солдат 30 ноября 1906 года рабочие Надеждинского завода «смело выражали свои революционные чувства пением «Вставай, поднимайся, рабочий народ» и других песен. В проводах участвовали ученики Туринского горного училища, организации Надеждинского и Богословского заводов. Новобранцам дали наказ: «Не забывайте, кто ваши враги, служите только народу»¹⁵⁷.

Сила воздействия революционных гимнов и маршей была так велика, что их списки иногда хранили люди, далекие от революции. П. П. Ермаков пишет, что в 1905 году «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу» рабочие «достали у местного поповича» и разучили их¹⁵⁸. Или пристав 2-го стана Екатеринбургского уезда случайно обнаружил у полицейского десятника А. Г. Васильева (пос. Битимка Билимбаевской волости) прокламацию «История социал-демократической рабочей партии», другие нелегальные издания, в том числе

¹⁵³ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 166, л. 49; ед. хр. 258, л. 72, 87.

¹⁵⁴ См.: Чулкина М. А. Деятельность большевиков Урала среди демократической интеллигенции и учащейся молодежи в период подготовки и проведения всероссийской Октябрьской политической стачки // Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903—1917 годах. С. 68.

¹⁵⁵ См.: Коковихин М. Н. Миньярское подполье. С. 84.

¹⁵⁶ См.: Капустин А. М. Воспоминания партийного рядового // Из прошлого: Сб. воспом. С. 11.

¹⁵⁷ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 29, л. 36 об.

¹⁵⁸ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 122.

«печатную на гектографе «Крестьянскую марсельезу»¹⁵⁹. Песни переписывались, распространялись в виде гектографированных или рукописных сборников¹⁶⁰. Иногда песни тайно распространялись через работников книжных магазинов. Например, при обыске у А. Чернавиной, которая служила в Алапаевском книжном магазине, были отобраны прокламации, заявление Алапаевского окружного комитета РСДРП о непричастности его членов к покушению на местного пристава, а также «солдатская песня «Товарищ», стихотворения «Смело, друзья, не теряйтесь», «Накануне казни» и тетрадь с революционными стихотворениями»¹⁶¹. У книготорговца Паршакова В. М. в Кушвинском заводе (на него донес его же приказчик) при обыске было более четырехсот нелегальных брошюр и «гектографированные революционные песни «Отречемся от старого мира», «Варшавянка», «Красное знамя»¹⁶².

Сатирические песни звучали вместе с революционными маршами, дополняя по контрасту их высокий слог и приподнятость резко сниженной, даже «заземленной» на бранное слово, речь. Житель Кушвы А. Масалкин доносил жандармскому офицеру, что в доме напротив у А. Семенова и В. Алексеева, работающих на Богословской железной дороге, собираются их товарищи М. Симонов, А. Емельянова, К. Штрём, Е. Глушков и поют песни «по содержанию своему противоправительственные: ...Вставай, поднимайся, рабочий народ, иди и работай до поту, работай, работай! Царю нужны балы и маскарады, а ты работай, работай! Кроме того, они пели также: «Фараоны кругом бьют студентов кнутом, Пирамидов, подлец, усмехается, а Исакий седой содрогается» и «Наш царь Александр был миротворец, а Николай — виноторговец» — в песнях они произносили бранные слова по отношению государя императора и царствующего дома, например, вдовствующую императрицу называли Дагмарой — бл..., уверяя, что для ее прихотей нужны деньги и она их берет под предлогом благотворительности»¹⁶³. Действительно, вдовствующая императрица Мария Федоровна, урожденная датская принцесса Дагмара, в сатирических песнях и частушках того времени имела три постоянных негативных свойства: беспутство, приверженность к вину и казенным деньгам; она награждалась вульгарными эпитетами, рисовалась как развратная воровка

¹⁵⁹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 682, л. 3 об.

¹⁶⁰ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 263, л. 68; ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 453, л. 1—3; ед. хр. 441, л. 1; ед. хр. 573, л. 12; ед. хр. 576, л. 1 об., ед. хр. 591, л. 10 об.; ф. 318, оп. 1, ед. хр. 66, л. 35.

¹⁶¹ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 798, л. 16 об.

¹⁶² ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 673, л. 32.

¹⁶³ ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 119, л. 6 об. — 8 об.

и пьяница, и царь рядом со своей мамашей превратился в обычного виноторговца после введения государственной монополии на хлебное вино. Такие частушки и песни сочинялись на Урале, кроме того, их приносили с собой политические ссыльные, заключенные. Например, когда еще не было железной дороги на Северном Урале, арестованные в кандалах шли пешком мимо Надеждинского завода. Очевидец пишет: «Когда вели матросов с броненосца «Потемкин», то они пели разные революционные песни и скороговорки (т. е. частушки. — В. Б.):

Пей ты, Саша,
Пей, мамаша,
И пивна-то будет наша,
Вся Россия голодует —
Николай вином торгует!

...Рабочая публика революционизировалась, даже бывали такие случаи: когда ведут большой конвой арестантов, то люди шли провожать их до привала верст за шесть»¹⁶⁴.

В воспоминаниях А. Шпагина о подпольной работе описывается случай исполнения антиправительственных частушек в июне 1906 года на палубе пассажирского парохода, плывущего по Каме. В этих частушках государственная дума сравнивается с «базарной кумушкой», любящей поторговаться, и звучит призыв взять дубинушку, чтоб ударить по дворянским спинам:

Витте дал нам манифест,
Горемыкин ставит крест,
Эх ты, дума-думушка,
На базаре кумушка.
Все торгуешься с царем —
Полетишь ты кубарем,
Эх, не время ли, кума,
Понабраться ума.
Не ходить бы в думушку,
Лучше взять дубинушку
И ударить бы всем нам
По дворянским по спинам.
Не ликуйте, господа,
Скоро будет вам беда!
Собирайтесь, мужики,
Закрывайте кабаки —
От царева кабака
Разоренье мужика¹⁶⁵.

¹⁶⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 157, л. 10—11.

¹⁶⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 148, л. 4.

Тема «думушки-кумушки» варьировалась в сатирических частушках хотя и не очень широко:

Октябристам — кумушка,
Правым всем — голубушка.

или:

С барами хорошими
Хлопаешь в ладоши ¹⁶⁶.

Ложный характер обещанных конституционных свобод, сговор царских министров отмечается также в песне «Ой полна тюрьма пред Думою», где пародийно использованы мотивы Некрасовских «Коробейников»:

Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без конца,
Знать итоги небывалые
Конституция дала.
Витте бережно торгуется,
Все боится передать,
Дурново шумит, волнуется,
Предлагает всех сослать.
Только знает жандармерия,
Как поладили они...¹⁶⁷

В пермской пересыльной тюрьме в 1908 году звучал несколько иной вариант:

Эх, полным-полна тюремущка,
Есть в ней эсеры и эсде,
Витте бережно торгуется
Конституцию дает,
А Дурново ходит дуется,
Просит тюрем добавлять.
Строим тюрьмы мы немалые,
Арестуем без числа,
Да, промахи небывалые
Конституция дала ¹⁶⁸.

Царь в сатирических песнях и частушках фигурирует как «чучело в короне», как безвольный правитель, подчиняющийся желаниям своей матери: «На престоле сидит Машка, под престолом Николашка» ¹⁶⁹. «Он — «маленький человечек», который носит с лампасами штаны, топают «ножкой», выйдя из себя, прозывается уменьшительно Никой, в дела не вмешивается («правит дядя, правит мама»), потому что, по его собственному призванию, у него

¹⁶⁶ Урал в его живом слове. С. 275; ГАСО, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 98, л. 343.

¹⁶⁷ Урал в его живом слове. С. 273.

¹⁶⁸ См.: Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. С. 166.

¹⁶⁹ Урал в его живом слове. С. 272.

на плечах не голова, а «кочень»¹⁷⁰. В сатирической песне «Всероссийский император» Николай II предстает как всероссийский провокатор, создатель кабаков, «убийца рабочих и крестьян». Эта песня дошла во многих вариантах, анализ которых привел А. И. Лазарева к выводу, что «первый текст песни сложился где-то на Урале и не позже 1905 — начала 1906 годов»¹⁷¹.

По образцу кольцовского стихотворения «Что ты спишь, мужичок...» была сложена сатирическая песня «Что ты спишь, дурачок?», обращенная к самодержцу. В среде уральских рабочих она бытовала уже в 1905 году — жандармы в это время находили ее при обысках вместе с другими революционными песнями. Эта песня рисует Россию как страну, где чиновники и знать «творят беззаконья», в городах и деревнях «царит голод и смерть», а с другой стороны — рабочий народ, «свою силу познав, громко требовать стал человеческих прав». Но всего этого будто не понимает царь-дурачок, проигравший русско-японскую войну и ставший «посмешищем у всех на устах»¹⁷².

На Урале, как и везде в России, рабочие пели сатирическую песню о Трепове, реакционном деятеле царской России, который был одним из вдохновителей черносотенных погромов. В уральском варианте этой песни в игривой форме рассказывается о безуспешных попытках жандармов выполнить приказ Трепова «найти всех социалистов»:

И исполнены печали
Голубые отвечали:
«Обошли квартир мы триста,
Не нашли социалистов».
Эх-эх-эх-эх-ха,
Черна галка, тихая полянка,
Марусенька черноброва,
Чего не почувешь дома¹⁷³.

В первую русскую революцию уральские рабочие пели также популярную песню «Задумал наш Трепов царя удивить»¹⁷⁴. Она обычно строилась как четверостишия, рисующие неприглядные действия Трепова, с припевом: Россия, Россия, жаль мне тебя, бедная, горькая участь твоя. «Народ в устном бытовании сохранил наиболее хлесткие, афористические четверостишия, не считаясь с логикой текста...

¹⁷⁰ Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 856. См. там же анализ сатирической песни «Как у нас в городке» (С. 838).

¹⁷¹ Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 838.

¹⁷² ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 21, л. 19—20 об.

¹⁷³ См.: Блажес В. В., Елизарян Е. Л. Традиционный рабочий фольклор в современном городе. С. 18.

¹⁷⁴ См.: Урал в его живом слове. С. 273.

Царь наш Николашка
Издад манифест:
Мертвым — свободу,
Живых — под арест
(припев)
Свобода собраний —
Солдатски штыки,
Свобода министров —
Сажать всех в тюрьмы» ¹⁷⁵.

Иногда в этой песне вместо названного припева вставлялся другой — про нагайку:

Нагаечка, нагаечка,
Нагаечка моя,
Вспомни ты, нагайка,
Девятое января.

Первоначально этот припев принадлежал студенческой песне «Египет» ¹⁷⁶ и был связан со студенческой демонстрацией 8 февраля 1890 года, но после 9 января 1905 года первая дата была заменена второй, кроме того, возникла новая песня, в которой нагайка выросла до символа всеобщего угнетения:

Нагайка, ты нагайка!
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

В государственном архиве Пермской области сохранился текст «Нагайки» с пометой: «Начала распространяться с 1901 года. Записана впервые в Кунгурском уезде». Песня строится на традиционном обращении к «всероссийской нагайке», которая в руках пристава, пьяного казака или участников еврейских погромов была орудием жестокой расправы:

Скажи, российская нагайка,
Как ты родилась и жила,
В руках какого наливайки
Ты устрашением была?
Казак ли пьяный демонстранта
Тобой безжалостно хлестал,
Иль, охраняя арестанта,
Его тобою подгонял?

¹⁷⁵ Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 836.

¹⁷⁶ Подробнее см.: Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 827—828. Есть еще одна запись этой песни с тем же припевом: — ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 21, л. 2.

В каких еврейских избиеньях
Громил защитницей была,
В каких учебных заведениях
Хлестала детские тела?

Законы ль новые писала
На обывательских спинах,
Науки ль чистые внедряла
У молодежи ты в умах?

Быть может, с помощью твоею
Свободы пристав разъянял
И полицейскую идею
Тобой наглядно рисовал? ¹⁷⁷

А. И. Лазарев нашел в государственном архиве Пермской области донесение тайного полицейского агента, который пишет, что рабочие Добрянского завода 23 октября 1905 года собрались на заводской площади, выбросили красный флаг с надписью «Да здравствует свобода!», с пением «Марсельезы» ходили по улицам поселка, а затем остановились у квартир волостного старшины и мастера Поспелова, кричали оскорбительные слова и пели «Вечную память» по-своему». Агент не приводит текста рабочей «Вечной памяти», но нетрудно догадаться, пишет А. И. Лазарев, что в ней демонстранты высмеивали ненавистных начальников и «поминали» старшину и мастера ¹⁷⁸. Видимо, это поминовение было аналогично тем, которые зафиксированы в других районах России. Например, поминовение, составленное ярославскими рабочими, начиналось так: «Товарищи, непременно помянуть надо», а ниже перечислялись имена самых ретивых администраторов заводского управления и городских властей с отрицательной характеристикой каждого» ¹⁷⁹.

Распространялись в народе, в том числе среди рабочих, пародийные акафисты. Например, в одной из них земский начальник изображен как взяточник, «великий сребролюбче», «назначающий представителей в государственную думу», бесстыдно «проклинаящий свободное слово» ¹⁸⁰.

* * *

На третьем этапе освободительного движения в среде рабочего класса получают распространение карикатурно-гротескные формы — имеются в виду самодеятельные карикатурные произведения, которые были созданы самими рабочими и которые вплетались в их же практическую революционную деятельность. Такой материал

¹⁷⁷ ГАПО, ф. 160, оп. 2, ед. хр. 90, л. 5.

¹⁷⁸ См.: Лазарев А. И. Устная поэзия рабочих Урала. С. 845.

¹⁷⁹ Ширяева П. Г. Народное творчество периода первой русской революции // Русское народное поэтическое творчество. М., 1956. Т. 2, кн. 2. С. 356.

¹⁸⁰ Урал в его живом слове. С. 229.

при всей своей жанровой разнохарактерности все-таки может быть рассмотрен как целое.

Его мы находим в письмах политических заключенных¹⁸¹, рисунках и записях в камерах — революционеры, лишённые бумаги, вынуждены были использовать поверхность стен. Вообще, стены тюремных камер для политических заключенных превращались в место, где можно было оставить информацию о себе, передать привет товарищам по борьбе, пародийно высказаться о властях, записать злободневную новость, текст революционной песни и т. п. Так, в документах прокурора Екатеринбургского окружного суда сохранилось дело 1903 года «О начертаниях политическими арестантами Екатеринбургской тюрьмы во время прогулок на стенах тюремного двора надписей и рисунков революционного содержания» и в нем отмечается, что «надписи деланы при входе во внутренний прогулочный двор», что среди них есть рисунки и стихи «тенденциозного и противоправительственного содержания»¹⁸². К сожалению, тексты и описания рисунков в этом деле не приводятся.

Сатирические рисунки с антиправительственными надписями, карикатурные изображения царя были частью нелегальной рукописной литературы. Тот же прокурор окружного суда докладывал своему начальству, что у лиц, проходящих по делу Екатеринбургского комитета РСДРП, обнаружены не только «Варшавянка», «Марсельеза» и другие революционные песни, но и «три экземпляра гектографированной карикатуры на Николая II»¹⁸³. При обыске членов подпольного кружка Кунгурского технического училища жандармы изъяли социал-демократическую литературу 57 наименований и «фотографическую карточку с изображением свиньи в короне»¹⁸⁴. В 1906 году Кунгурская социал-демократическая группа «выпустила много воззваний, листовок, рефератов, карикатур, песен»¹⁸⁵. В государственном архиве Пермской области есть дело, состоящее из одной гектографированной карикатуры, озаглавленной «Кто изобретательней? Спор между Иваном IV и Никола-

¹⁸¹ Например, в «Деле по обвинению политических арестантов, содержащихся в Николаевском исправительном отделении в 1903 году» есть письма Н. Швалко, в которых встречаются карикатурные рисунки. — ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 105, л. 61, 62.

¹⁸² ГАСО, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 102, л. 1—1 об.

¹⁸³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 36, л. 80—80 об.

¹⁸⁴ Куклин Н. И. Образование и конспиративная деятельность социал-демократических организаций и кружков Урала в конце XIX века // Деятельность партийных организаций Урала по развитию социалистической культуры. Свердловск, 1970. С. 196.

¹⁸⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 165, л. 82.

ем II». К сожалению, в деле нет никаких пояснений к этой карикатуре, ясно только, что она была изъята у пермских революционеров. Карикатура построена на традиционном для сатирического фольклора сравнении правителей: изображены высокий Иван IV на фоне стрельцов и подчеркнуто малорослый Николай II на фоне стражников с дубинками, и дается диалог, выявляющий изощренную жестокость последнего русского монарха: Иван Грозный, известный своей жестокостью, как бы терпит поражение в «споре» с Николаем II:

Грозный: Я на народ опричников пускал.

Николай: А я казаков, жандармов, шпионов, черносотенцев!

Грозный: Я народ топил.

Николай: А я расстреливал!

Грозный: Я на кострах жег.

Николай: А я в Кишиневе гвозди в головы заколачивал и женщинам груди обрезал!¹⁸⁶

Жандармский агент сообщал в своем донесении в октябре 1903 года, что рабочие Уткин и Буталов привезли из Челябинска в Златоуст нелегальные издания и «Василий Уткин показывал рабочему Златоустовского завода фотографическую карточку, изображавшую пирамиду, которую держат на своих плечах и спинах крестьяне и рабочие. На отдельных кругах этой пирамиды изображены царь и царица, затем министры и духовенство, войска и кутящая компания с надписями: «Мы царствуем над вами, мы правим вами, мы морочим вас, мы стреляем в вас и мы пируем за вас!». Внизу этой пирамиды написано: «Но настанет пора, возмутится народ, разогнет он сгорбленную спину и дружным напором плеча опрокинет он эту махину»¹⁸⁷.

Антиправительственная карикатура находила место в рукописных газетах, которые выпускали большевики в Пермской губернской тюрьме. Об одной такой газете сообщается: в ней освещалась тюремная жизнь, «помещались небольшие политические статьи на тему дня и остроумные карикатуры: Николай II со свалившейся короной, его жена Александра Федоровна, Витте, Трепов выметаются, как ненужное барахло, рабочим и крестьянином». И газета называлась «Помело»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ ГАПО, ф. 160, оп. 2, ед. хр. 47, л. 1.

¹⁸⁷ Чащин В. А. В суровые годы: Воспоминания старого большевика. С. 150.

¹⁸⁸ В этот же ряд могут быть поставлены рисунки рукописных журналов, распространявшихся в среде демократически настроенной молодежи. Так, в Екатеринбургском рукописном журнале «Вперед» № 5 за 1913 год есть карикатура на царский манифест: свиток со словами «Мы, божьей милостью и пр. и пр.; даруем нашим верноподанным следующее» — и ниже этих слов свиток

Надо заметить, что в карикатуре легальных журналов того времени царь изображался только аллегорически, например, в виде мальчика с шишкой на лбу (намек на шрам, оставшийся от удара японского полицейского в г. Оцу). А в нелегальных самодельных карикатурах он выглядел иначе. «Открыто, хотя и не особенно искусно рисовали Николая II на листках, оттиснутых на гектографе, — пишет В. Боцяновский. — Например, был в обращении рисунок, изображавший прием депутации рабочих, где Николай II милостливо беседовал с рабочими, к которым приставлены жандармы: по два на одного; на другом рисунке рабочий вывозит Николая II на тачке»¹⁸⁹.

Очевидно, что уральская гектографированная и рукописная карикатура в целом находилась в русле русской самодельной, массовой карикатуры.

К карикатурным изображениям общественных политических явлений, а также идейно-классовых врагов рабочие прибегали в новогодних и масленичных маскарадах, которые с конца XIX века постоянно устраивались во всех городах и крупных заводах. Эти маскарады шли параллельно с традиционными народными гуляниями. Не вдаваясь в подробный анализ народных святочных и масленичных ряжений, отметим, что они имели свои отличия по месту, составу участников, характеру ряжения и смеха. Но было и общее. Их место — все улицы заводского поселка, в них могли участвовать все желающие, образ ряженого — это всегда образ необычного, гротескного существа с причудливо переплетенными антропоморфными, зооморфными фантастическими деталями. Например, описывая святки в Красноуфимском уезде, очевидец отмечает: «Первое место среди ряженных занимает тот, который наряжен пострашнее. Обыкновенно: вывороченная вверх шерстью шуба или тулуп, спереди и сзади горбы и до колен борода из кудели... Ребята, как завидят подобное чудовище, режут без памяти и прячутся за печь»¹⁹⁰. Образ ряженого — это страшно-смешной образ, своим обликом он должен был вызывать не только смех, но и страх, поскольку «принадлежал» к сатанинскому, точнее, потустороннему миру.

Если уличные ряженные, появлявшиеся на улицах уральских

проткнула рука с комбинацией из трех пальцев. Жирно написанная на свитке цифра 300, т. е. 300-летие дома Романовых, отмечавшееся в 1913 году, лишь подчеркивает лживость известного манифеста царя. — ПАСО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 46, л. 40.

¹⁸⁹ Русская сатира первой революции. 1905—1906 / Сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. Л., 1925. С. 5—53, 79.

¹⁹⁰ По Пермскому краю // ПГВ. 1906. 6 янв.

городов и поселков в начале XX века, еще сохраняли рудименты ритуального смеха, то участники заводских маскарадов своими костюмами и поведением стремились вызвать лишь веселый, добродушный, жизнерадостный смех. Маскарады устраивались на святки и масленицу в народных домах, в зданиях самодеятельных театров, в заводских конторах и участвовали в них не только местные интеллигенты, немногочисленные чиновники, но и многие рабочие. В. Ю. Крупянская и Н. С. Полищук, изучавшие заводские маскарады в Нижнем Тагиле, отмечают, что рабочие шили специальные костюмы или даже «брали напрокат в частных мастерских. Обязательными персонажами были коломбины, паяцы, клоуны, арлекины, пьеро, а также представители различных национальностей, населявших Россию»¹⁹¹.

Но вот наступил 1905 год, и веселые развлекательные карнавалы приобрели политический колорит, а в некоторых городах и заводах стали даже арендой социальной борьбы, особенно в 1906, 1907, 1908 годах. «Лишь два раза в году он (т. е. местный житель. — В. Б.) готов проявить открыто оппозицию угнетающим его силам — это бывает на рождество и на масленицу», — писал один либеральный журналист, имея в виду тех, кто создавал костюмы на злобу дня, и тех, кто такие «маски» поддерживал и защищал (часто приходилось именно защищать!)¹⁹².

Уже на встречу нового, 1906 года в Народный дом Надеждинского завода пришло несколько костюмированных рабочих, специально подготовленных социал-демократами: «В декабре 1905 года мы активно готовились к новогоднему бал-маскараду. Большевики Надеждинска хотели организовать маскарад как политическую демонстрацию. Готовились оригинальные костюмы, критикующие

¹⁹¹ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. С. 159. Вообще тяга к ряжению, к маскарадному обличью в праздничное время была очень характерна для рабочих. Очень показателен в этом отношении случай с пятью рабочими Визовского завода. Шли они в воскресный день по Екатеринбург, увидели афишу, извещавшую о 25-летнем юбилее М. Горького, и сразу решили по-своему отпраздновать. «Мы взяли полтора аршина коленкору, — пишет один из участников, — красной тесьмой вывели на одной стороне: босяки Максима Горького, на другой: Да здравствует Максим Горький. Затем оделись босяками и отправились на городской пруд. Взяли лодку, водрузили знамя... Собралась публика... Молодежь захватывала лодки, присоединялась к нам. Мы запели бурлацкую песню: Стонет он под овном, под стогом... Затем спели две революционные песни». Когда появилась полиция, рабочие уплыли на другой конец пруда и скрылись. — ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 154, л. 86.

¹⁹² Лирский Н. Корреспонденция // Уральский край. 1908. 24 янв.

дарованные царем свободы»¹⁹³. Например, у одного рабочего «костюм был сделан из газет, скрепленных огромным замком, — это была «Свобода печати». Маска, скрученная цепями по рукам и ногам, с замком на губах, называлась «Свобода слова после 17 октября». Герасим Носков вышел в черной маске, с плакатом на спине: «В гробу обретешь ты право свое» — это была пародия на лозунг эсеров «В борьбе обретешь ты право свое»¹⁹⁴. В. А. Чащин, оставивший эти живые подробности, пишет, что костюмы рабочих-большевиков вызвали негодование социал-революционеров: «Эсеры во главе с доктором Ментовым расвирепели, бросились на Носкова, чтобы сорвать плакат. Но Герасима охраняла группа молодежи, которая остановила эсеров: «Он имеет право на маскараде носить такой плакат, какой хочет». Поднялся скандал, дело дошло чуть не до драки»¹⁹⁵. Участница этого маскарада Р. И. Валек добавляет: «Задуманная политическая демонстрация удалась. Правда, обладатели и авторы «крамольных» костюмов долго преследовались местной полицией и администрацией завода, но бал-маскарад оказал большое революционное влияние на рабочих»¹⁹⁶.

А. К. Кожевников, участник заводского маскарада 1908 года в Нижнем Тагиле, пишет: «На бал-маскараде в заводском театре я в маске носил костюм-макет. Он был смонтирован Шептаевым Борисом Ивановичем на фанере 70×50 см с фигурой бедного рабочего, плачущего над пустой ложкой, что означало: Ложка — рев (это тагильский купец Арсений Ложкарев). Здесь выражалось, до чего довели торговцы рабочеe население, выжимая барыши при продаже товаров по талонам»¹⁹⁷. Надо пояснить, что в Нижнем Тагиле, как и на других уральских заводах, практиковалась продажа продуктов по талонам: вместо денег заводчики выдавали рабочим талоны, которые отоваривались в лавках местных купцов. При этом купцы сбывали неходовой или даже испорченный товар, наживались за счет скупки талонов (рублевые талоны скупали по 70—80 копеек), устраивались и другие махинации.

Социальный смысл маскарадных костюмов раскрывается уже в названиях. Эти названия фигурируют в корреспонденциях с мест в газету «Уральский край»: «Современная Россия», «Труд и капитал», «Неприкосновенность личности», «Муравьевский и столыпинский галстуки», «Столыпин верхом на Думе», «Фемида, потерявшая

¹⁹³ Валек Р. И. Из революционной жизни Надеждинска в период 1905—1907 годов // Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. С. 226.

¹⁹⁴ Чащин В. А. В суровые годы: Сб. воспоминаний. С. 156.

¹⁹⁵ Там же. С. 157.

¹⁹⁶ Валек Р. И. Из революционной жизни Надеждинска... С. 226.

¹⁹⁷ НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 17, л. 9.

свою независимость», «Бюрократия, осыпающая золотом своих близких», «Таврический дворец — западня для доверчивых» и другие, в которых звучала критика царского правительства и его министров, высмеивались дарованные царским манифестом «свободы». Поэтому полицейские действовали «по инструкции»: например, на маскараде в Кушвинском заводе помощник пристава вместе со стражниками пытался арестовать маски «Неприкосновенность личности» и «Кормилица бюрократа», но протест присутствующих не позволил это сделать¹⁹⁸; в Тюмени полицейские вывели несколько костюмированных участников маскарада и арестовали маску «Свободы в каторге»: человек был одет в арестантский халат, испещренный цитатами из манифеста 17 октября, и прикован к тачке¹⁹⁹; в Челябинске полиция «усердно разыскивала» маску «Современная Россия», которая, почувствовав опасность, «бесследно исчезла с маскарада»²⁰⁰; в Нижнем Тагиле полиция на маскараде «косилась, но величественно-грозно молчала», видя бурные овации в адрес масок «на злобу дня политической жизни России», но уже 20 января уездный исправник опубликовал объявление, где устроители предстоящих масленичных маскарадов предупреждались: костюмы и маски должны быть «приличными и не обращать на себя внимания изображением лиц, случаев и обстоятельств из текущей жизни», в противном случае «маски будут удалены с маскарадов и с ними будет поступлено по закону»²⁰¹.

Полиция допускала лишь традиционные маски типа обычного шута, клоуна, Петрушки²⁰² или предельно обобщенные, например, в Челябинске была в новомодном маскараде отмечена премией маска «Труд и капитал»: «первая половина представляла капитал — это половина шляпы, половина фрака, на правой руке перчатка с джентльменской палочкой, лакированный штиблет; левая сторона — труд: на голове половина картуза, удачно соединенного со шляпой, посконные рубаха и штаны, лапоть с онучею на левой ноге, а на руке рукавица с вилами»²⁰³.

Таким образом, многие маскарадные маски могут быть поставлены рядом с нелегальными карикатурами, так как были сделаны

¹⁹⁸ См.: Кушвинский завод // Уральский край. 1907. 25 янв.

¹⁹⁹ Лирский Н. Корреспонденция // Уральский край. 1908. 24 янв.

²⁰⁰ Челябинск // Уральский край. 1907. 24 янв.

²⁰¹ К-ский И. Нижний Тагил // Уральский край. 1908. 30 янв. В Алапаевском заводе волостное правление объявило в 1907 году, что «нынешние святки воспрещается обывателям маскироваться не только ночью, но и днем не дозволяется устраивать увеселительные вечера» (*Независимый*. Алапаевск // Уральский край. 1908. 5 янв.).

²⁰² См.: Еланцев Н. Каменский завод // Уральский край. 1908. 23 янв.

²⁰³ Челябинск // Уральский край. 1907. 24 янв.

с комедийным преувеличением, предельным заострением изображения того или иного явления, события, состояния, что является главным для карикатуры как таковой. А иногда создатели самодельных карикатур и маскарадных костюмов прибегали к гротеску. Поскольку есть различные толкования, оговоримся, что под гротеском нами понимается «такой принцип изображения действительности, который предполагает структурное соединение воедино предметов, признаков, частей, принадлежащих к разным жизненным рядам, сочетание несочетаемого, совмещение несовместимого»; гротеск — это всегда «искусственное, фантастическое построение сочетаний, не встречающееся в природе и обществе»²⁰⁴. Ю. В. Манн пишет, что гротеск всегда двупланов, а восприятие его двойственно: то, что на первый взгляд могло показаться случайным, произвольным, на самом деле оказывается глубоко закономерным. А природа комического в гротеске «состоит отнюдь не в усилении фарсового начала — «грубой комики», но связана с его двуплановостью. Комическое высвобождается вместе с постижением сущности гротеска, с движением мысли от поверхностного плана к более глубокому»²⁰⁵.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что тематика нелегальных карикатур и многих карнавальных масок была самая разнообразная и связана с современностью, диапазон обобщаемого мог быть предельно широким: с одной стороны негативные явления местной жизни, с другой — вся Россия с ее антагонистическими противоречиями, военно-чиновничьей иерархией, духовенством, не пользующимся народным авторитетом, и даже шире — мировой капитализм (например, маска «Капитал и труд»). Однако классовый подход в отборе фактов четко выражен.

Карикатуры передают сущность общественного явления или государственного события, причем инерция обобщения настолько сильна, что образ приобретает иногда историко-философский смысл, например, в карикатуре из рукописной тюремной газеты: рабочий и крестьянин выметают помелом, как сор, царя, свалившуюся корону, царских министров.

Каждая из карикатур — емкий образ, а в совокупности они создают гротескный образ России с царем-свиньей в короне, со Свободой, скрученной цепями, с Думой, на которой верхом сидит царский министр, с кутящими чиновниками-бюрократами... И этот образ, несмотря на его неправдоподобие, несет художественную,

²⁰⁴ Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977. С. 11.

²⁰⁵ Манн Ю. В. Гротеск // Краткая литературная энциклопедия. М., 1969. Т. 2. С. 402.

историческую правду — такова была царская Россия в начале XX века.

Когда карикатура изображала Россию в виде иерархической пирамиды, стоящей на плечах рабочих и крестьян, а царь и министры были поданы в виде самодовольной кутящей компании, — это воспринималось рабочими не только со злой улыбкой, но и с ощущением своего тяжелого положения и рождало возмущение. Иными словами, карикатура была заряжена не только комическим потенциалом, иногда она несла в единстве комическое и драматическое, и открыто выраженный приговор — напомним, что под карикатурой было написано: «Но настанет пора, возмутится народ... опрокинет он эту махину»²⁰⁶.

Постоянным предметом окарикатуривания и насмешки был у нижнетагильских рабочих помпезный и ложный по своей идее памятник Акинфию Демидову. «В центре памятника, — писал В. П. Бирюков, — фигура Демидова, а перед ним — коленопреклоненная женщина, олицетворявшая Россию. Последняя-де настолько облагодетельствована просвещенным рабовладельцем, что унизилась до благодарности в такой позе. А Демидов покровительственно протянул над ее головой руку». Прочитывая эти слова, А. И. Лазарев продолжает: «Этот, в сущности, оскорбительный для идеи патриотизма памятник демидовские рабочие беспощадно высмеяли таким толкованием скульптурной композиции: «Жена у Демидова ездила за границу, там сблудовала. Так на памятнике он на ногах и стоит, а она на коленях, и он ее наказывает плетью»²⁰⁷.

Рабочие не только давали такую едкую сатирическую интерпретацию, но и «ображали» бронзового Демидова, судя по воспоминаниям, в 1906, 1908, 1910 годах. Обычно это делалось, когда подолгу задерживалась «выписка», т. е. заработная плата. Один раз рабочие публично повесили на Демидова нищенскую суму²⁰⁸, в другой раз «повесили мешок, положили копейку и крендель»²⁰⁹. Смысл был понятен каждому тагильчанину: у заводчика Демидова нет денег, чтобы заплатить рабочим, и они ему, как нищему, подали кусок хлеба и копеечку. А однажды, в 1908 году, ночью повесили на Деми-

²⁰⁶ А. В. Луначарский писал о способности карикатуры передавать разные эмоционально-чувственные оттенки: «Карикатура — это очень подвижная форма, она может быть более мягкой и более жесткой, может иметь оттенок сострадания и оттенок негодования, но всегда центром ее является смех» (*Луначарский А. В. О смехе* // Литературный критик. 1935. № 4. С. 8.).

²⁰⁷ Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 112—113.

²⁰⁸ НТМК, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 34, л. 3.

²⁰⁹ ПАСО, ф. 41, оп. 2, ед. хр. 29, л. 4.

дова холщовую сумку, положили кусок хлеба, три копейки и оставили записку: «Положили бы больше, да выписки давно не было». «А утром народ пошел, — вспоминал один из очевидцев. — Беда! Заводское начальство насилу сняло. Тут что было-то! Смеху-то... Срамота». «Этот случай,— пишет Н. С. Полищук,— послужил основой для очередного рассказа, связанного с именем Демидовых. Характерной особенностью подобных рассказов было то, что они рисовали как бы один, обобщенный образ Демидова, впитавший в себя все худшее, что было присуще отдельным представителям этой семьи...»²¹⁰.

К сатирическому осмеянию Николая Чудотворца прибегали рабочие Алапаевского прииска. Вообще алапаевские рабочие были одним из самых активных отрядов уральского пролетариата. «...Алапах в летописях рабочего движения на Урале играет не последнюю роль. Ее прекрасно знает Казанская судебная палата, петровское здание на Сенатской площади в Петербурге, а у местных властей она, что называется, бельмо на глазу», — писал корреспондент газеты «Уральский край» и сообщал, что, например, алапаевцы «столкнули» в пруд часовню «за ненадобностью», а весной 1905 года «они кормили Николая Чудотворца, точнее икону в часовне, калачом, приговаривая: «Если ты святой старичок, то покушай нашего калачика, не побрезгуй. Чем богаты, тем и рады»²¹¹. Очевидно, хлеб, выдаваемый рабочим в заводской лавке, был так плох, что его нельзя было есть, и «кормление» святого алапаевскими калачами — действие, полное злой иронии, даже сарказма, рассчитанное на публичное осмеяние не столько конкретного «чудотворца», сколько всей религии и ее проводников. Таков же смысл действий «политических арестантов Ананьина и Шикина», содержавшихся в Красноуфимском тюремном замке: 16 ноября 1906 года они «икону «Преображение господне» ставили на ночную парашу и выражали по ее адресу непристойные фразы»²¹².

Ходячую карикатуру на царский манифест 1905 года увидели жители Верхних Чусовских городков: в базарный день кто-то выпустил козла, который гулял по базару, ел с чужих возов сено и его не трогали, так как у него была фанерка с надписью «Свобода совести и неприкосновенности личности». Может быть, это не самая удачная форма осмеяния «дарованных свобод», но она также связана с традиционной народной комикой, где козел, как и свинья,

²¹⁰ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. С. 227.

²¹¹ Вестник. О чем думает и говорит деревня // Уральский край. 1906. 21 мая.

²¹² Переписка о лицах, привлеченных к дознанию за распространение нелегальной литературы. — ГАПО, ф. 162, оп. 2, ед. хр. 128, л. 166.

постоянно осмеиваемый персонаж. В данном случае этот «низкий» персонаж с надписью о свободе совести встречал, очевидно, у людей веселый иронический прием²¹³.

Несмотря на разнохарактерность, все приведенные факты от собственно карикатуры до использования козла для публичной насмешки над царским манифестом, стоят в одном, «карикатурном» ряду. Рассмотренный материал говорит о критико-информативной функции рабочей карикатуры, о ее репортажности, предельно тесной связи со своим временем. В общественно-трудовой жизни уральских рабочих начала XX века карикатура — это всегда актуальный критический репортаж, и по приведенным выше фактам виден критический диапазон: от насмешки в адрес местного купца до осмеяния церкви, всего государственного устройства. Конечно, печать времени, лежащая на всех этих карикатурах и карикатурных действиях, если не полностью, то существенно затушевывает, редуцирует их критическую силу. Пусть временная дистанция не вполне позволяет ощутить все комические нюансы, зато дает толчок исторической любознательности: нам интересно знать не только то, над чем, но и как смеялись. Смех всегда был насмешливый, если не злой, всегда социально направленный. Разумеется, пустить козла с надписью о неприкосновенности личности, поставить икону на парашу и произносить травестированные монологи, «кормить» Николая Чудотворца плохим хлебом, надеть на памятник крупнейшего заводладельца нищенскую суму, даже выразить свое неприятие политики царского министра через маскарадный костюм — все это сегодня выглядит значительно только в историческом плане, только как принадлежность эпохи первой народной революции. Все эти формы окарикатуривания импровизационны, подчеркнуто публичны, они и выражали и создавали общественное мнение.

Известно, что в революцию 1905—1907 годов выходили десятки легальных сатирических журналов, а также масса рукописных изданий среди студенчества, учащейся молодежи, подпольные листовки критического и сатирического характера; вообще сатира начала XX века — это уникальное явление русской культуры и его уникальность в том, что смех был всепроникающим и шел он от самых низов общества. Рукописная и гектографированная карикатура и окарикатуривание в рабочей среде Урала — одно из таких проявлений всепроникающего смеха.

²¹³ Верхние Чусовские городки // ПГВ. 1906. 3 янв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно констатировать, что особые условия Урала сформировали тип рабочего, духовный облик которого был обусловлен исключительной ролью труда на промышленном предприятии. Труд был для уральского рабочего не только источником заработка, но и главной сферой приложения своих способностей, а трудовой опыт был единственной ценностью, которой обладал горнозаводский рабочий и которую он мог передать своим детям и внукам. Поэтому так интенсивно развивались «сметливость к мастерствам», «предприимчивость к промышленности», инициативность, энергичность, социальная активность и другие позитивные свойства, которые придают своеобычность духовному облику уральского рабочего. Его классовое сознание активно формировалось в ходе борьбы с капиталистической эксплуатацией и оно качественно изменилось в конце XIX — начале XX века, когда происходит соединение стихийного рабочего движения с социализмом, когда социал-демократами внедряются научные теоретические знания в практику рабочего движения. Крепостничество, остатки которого сохранялись даже в конце XIX века, не подавило в уральском рабочем склонности к иронии, к шутке, к юмористическому поступку. Исторически был создан тип рабочего мастеровитого, общительного, мажорно настроенного, расчетливого, самоуверенного и в то же время знающего силу коллектива.

Дошедшие до нас записи фольклорных произведений, а также прямые и косвенные свидетельства о их бытовании, наконец, существующие исследования дают основание говорить о том, что на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX века бытовали все без исключения жанры русского фольклора, причем все они, как писал П. И. Мельников-Печерский, «носят на себе отпечатки глубокой старины». О бытовании комического фольклора свидетельствуют достаточно репрезентативные факты: грамота верхотурского воеводы об исполнении царского указа 1648 года, требующего изгнания скоморохов и запрещающего различные народные увеселения; сборник пословиц и поговорок, составленный В. Н. Татищевым и отпра-

ленный им в 1736 году из Екатеринбурга в Академию наук, где он хранится до сих пор; краткое упоминание в документах Полевского завода за 1751 год о рудокопщике Петре Ушакове, который рисовал «личину» и писал «пустые враки»; песня «Всяк-де спляшет да не всяк скоморох» из рукописи XVIII века Н. С. Ярцева «Описание уральских гор»; комическая песня «Как у нашего сударя, света батюшки» из сборника М. Д. Чулкова «Собрание разных песен», изданного в Москве в 1780 году; сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», составленный на Урале в 40—60-е годы XVIII века и содержащий более десяти комических произведений; упоминание о пародийной оде, высмеивающей полицмейстера Чермозского завода и созданной местными заводскими жителями в 1836 году; передача Н. Берви-Флеровским «молвы» горнорабочих о «дерзких памфлетистах» в дореформенные времена (30—40-е годы) и некоторые другие.

Анализ этих и других материалов убеждает в широте идейно-тематического диапазона народных комических произведений, бытовавших в среде горнозаводского населения. Например, сатирические пословицы и поговорки, записанные В. Н. Татищевым, продолжают конфессиональную тему в фольклорных традициях и традициях демократической литературы XVII века. Бытование сатирических афоризмов типа «из одного дерева икона и лопата», «глупого попа в алтаре бьют» свидетельствуют о духе критицизма горнозаводского населения. Предметом сатирической народной афористики были другие актуальные темы: несправедливый суд, продажность судей, несовершенство государственных законов. «Царская» тема также насмешливо обыгрывалась в пословицах, хотя в народе и сохранялась вера в силу царской власти.

Нет оснований связывать со скоморошеством появление обличительной сатиры, пародий, комических песен — они возникали и бытовали независимо от скоморохов, хотя скоморохи были на Урале в конце XVII — начале XVIII века и нельзя полностью отрицать их влияние на горнозаводской фольклор. Это влияние было разнообразным, например, бытовали песни, игры, сказки, пословицы, где главной фигурой был скоморох. Особую ценность имеют дошедшие до нас песни XVIII века от лица «веселых музыкантов» — в них просматривается древнерусская традиция балагурства.

«Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», донесли до нас комические песни различного жанрового облика. Пафос этих песен связан с силой ума, с торжеством радости, земного веселья, с осуждением скупости, простоватости, зависти, аскетизма. В Сборнике есть следы скоморошьего искусства, но сам

Кирша Данилов никогда не надевает маску скомороха, «разумного дурака», смешашего людей своей глупостью. Кирша Данилов — носитель эпоса и подобно другим эпическим певцам не признает иерархии среди эпических жанров. С помощью закона композиционного контраста и других приемов он использует комические песни для создания эпической картины мира, причем для него в этом случае комические песни суть, форма передачи яркости, сочности, материальности бытия. С одной стороны, в комических песнях человек погружен в обыденность, повседневность, будничность: в этих произведениях постоянно осмеиваются неряхи, косноязычные, лентяи, любительницы «ребят заедать» и прочие неумехи, простоватые сквернословы, вороватые завистники и т. п., с другой стороны, в этих произведениях выражено жизнелюбие, утверждается радость бытия.

У Кирши Данилова есть богохульствующий герой — Василий Буслав: он веселится там, где не положено — «тешится, забавляется» на могиле. Это поступок антиобщественный, попирающий народное почитание умерших, и одновременно богохульный, если квалифицировать его с церковной точки зрения. Потехи Буслаева на могиле, как и другие его забавы, не вызывают улыбки. В целом афишированное неверие Буслаева «в сон и чох», вообще отрицание народных традиций переплетено у него с элементарным христианским богохульством в святых местах, хотя он и не отрицает бога. Смех, веселье, эпического Василия Буслаева напоминает сатанинский смех. Он резко отличается от смеха Кирши Данилова, мажорного, жизнелюбительного.

Социальный оптимизм рабочих получал свое выражение через юмористическое словесное общение во время трудового процесса. Тема физической силы, ловкости, сноровки — одна из основных в рабочей юмористике, она непосредственно связана с жизнью рабочих, их постоянной занятостью на производстве, с культом физической силы, распространенном среди уральских рабочих. Эта тема «вытекает» из характера мужского общения в трудовом коллективе и, наконец, она всякий раз возникала на празднествах, гуляниях, где непременно имели место жизнерадостный смех и веселая соревновательность в силе, неутомимости.

Культовый физический рабочий получает отражение в широко бытовавших юмористических произведениях, в которых проявлялась русская национальная традиция почитания сильных и справедливых героев и в то же время отражалась конкретика текущей жизни артели, цеха, завода и давался мужской идеал. Главной фигурой таких произведений был сильный, могучий рабочий.

Среди рабочих всегда находились неформальные лидеры, которые обладали чувством поэтической традиции, способностью к импровизации и умением стимулировать эмоционально-мускульную энергию трудового коллектива веселым присловьем, занозистой шуткой, смешной песней. Например, вместе с декоративно-праздничной атрибутикой юмористический фольклор выступал как организующее начало во время спешки и начала сплава заводской продукции по уральским рекам. Спешка уникальна тем, что она представляет двуединство трудового процесса и образно-чувственного отражения производственно-бытовой жизни рабочих прибрежных заводов и пристаней. Основную идею этого весеннего праздника труда выражали комические «наговоры», частушки, шутки, «речения-побаски», приветствия и т. п.

В фольклористике обычно не выделяются типы носителей комического. Наш материал позволяет наметить четыре типа: балагур, озорник, шутник и остролов. Каждый из них, имея особенное, вместе с тем наследовал определенные традиции народной комики, которые для него являлись внутренним регулятором поведения. Индифферентное отношение к церкви, социальный скептицизм, мажорное восприятие действительности балагуров, шутников, остроловов существенно влияли и на формирование общественного мнения, и на распространение материалистических представлений.

Особенно наглядно действие национальной традиции в обычаях, с помощью которых рабочий коллектив утверждал свою мораль и социальный статус. Связывая обычаи лишь с социально-духовной деятельностью, можно выделить те из них, в которых ощутима связь с народной комикой.

1. Трудовой коллектив осуществлял не только производственную, но и воспитательную функцию и использовал разные формы воздействия на молодого рабочего, в том числе обычай шутить над новичком. Шутка учила и шуткой учили. Обычай помогал знакомить малограмотного или даже совсем неграмотного молодого рабочего со сложным заводским производством, одновременно учил быть собранным, сообразительным и вводил в атмосферу мужского коллектива с его системой отношений.

2. Широкое распространение имел обычай публичного осмеяния, основная идея которого сводилась к временному или полному отторжению социальных антагонистов из рабочей среды. Обычай был генетически связан со старинным русским обычаем публичного посрамления. В конце XIX — начале XX века этот обычай стал одной из форм социальной борьбы рабочих и можно считать, что

революционные традиции пролетариата формировались, опираясь на национальные формы культуры.

3. Следует рассматривать народное озорничество как коллективное действие, преследующее отместку смехом. На Урале в конце XIX — начале XX века было три вида: а) озорничество как развлечение заводской молодежи; б) озорничество, приносящее моральный или материальный ущерб людям, нарушившим какие-либо принятые нормы и установления; в) озорничество, приносящее такой же ущерб социальным антагонистам, — в этом случае можно говорить о традициях народного озорничества в стихийном протесте и революционной работе заводской молодежи.

Исследователи справедливо говорят о том, что нельзя проводить резкой грани между дореформенным и пореформенным фольклором рабочих. Разумеется, эта граница во многом условна, но ее все-таки следует намечать, если учитывать дошедший до нас сатирический фольклор рабочих. Уже в первые десятилетия своего существования — в 60—70-е годы XIX века — устная комическая поэзия уральских рабочих «складывалась» из двух потоков: первый составляли произведения, генетически восходящие к общенациональному комическому репертуару и творчески переработанные в рабочей среде — это традиционные шуточные бытовые песни, сказки, пословицы, поговорки и т. п.; второй — произведения, сочиненные самими рабочими и бытующие только в их среде. Эти произведения являются собственно рабочей сатирой. Она продолжает жить во все последующие десятилетия XIX века и вплоть до 1917 года.

До нас дошло примерно два десятка имен рабочих, сочинявших сатирические песни, стихи, остроты, пародии. В их числе Н. Медведь, В. Смольников, Я. Вошев, И. Трутнев, В. Осипов, Н. Булыгин, Н. Сенокосов, П. Каменских, И. Кабаков и другие. Их произведения бытовали в Нижнетагильском, Верх-Исетском, Сысертском, Кунгурском, Златоустовском, Богословском и других уральских заводах. Эта сатира была общественно-политической, так как несла классовую оценку, выражение критического отношения рабочих к своим классовым противникам. В ней изначально представлены два лагеря: рабочие и их классовые противники: 1. все заводские администраторы, начиная от казначея и кончая управляющим или хозяином завода; 2. все полицейские чины от станового до генерала; 3. церковнослужители, основные пороки которых — лицемерие и ханжество; 4. купечество и содержатели кабаков. Всех классовых противников объединяет то, что любые отрицательные свойства и действия им присущи объективно. С точки зрения рабочих, купец может быть только лживым и жадным, как полицейский чин всегда несправедлив и жесток — это пороки сословные, классовые, а не от-

дельных личностей. Строго говоря, общественно-политическая сатира рабочих дает не индивидуализированные образы классовых противников, а типы, но так как произведения строятся на местном материале, в типы привносятся реалии, всеми легко узнаваемые. Эта местная конкретика (фамилии, имена, прозвища, указания на место, время действия и т. п.) и оказывается особенно ценной с точки зрения автора и слушателей. Некоторые сатирические песни имели оригинальный ритмический строй и напев — это одна поэтическая линия развития общественно-политической сатиры, а вторая линия — когда сатирическая песня ориентировалась на художественно-мелодический облик какой-нибудь известной песни (например, алапаевская сатирическая песня «Я иду, иду по улице» исполнялась на мотив «Как вставала я ранешенько»).

Общественно-политическая сатира была не только оружием борьбы с социальными антагонистами, но и оружием, утверждающим моральные нормы внутри рабочего коллектива. Сатирический смех звучал в адрес тех рабочих, которые заискивали перед мастерами, поступались рабочей честью, утрачивали чувство рабочей солидарности. Такие сатирические песни, как «Эх, Шиповка», «Запрягали мы коренного» были своеобразной поэтической критикой. И не случайно подобные стихи и песни в начале XX века появлялись на страницах нелегальных большевистских газет и листовок — они предавали гласности фамилии подхалимов, наушников, «шпионов» из рабочей среды.

Интенсивная работа уральских большевиков по политическому воспитанию масс, по внедрению идей социализма в массовое сознание протекала успешно еще и потому, что в это время бурно развивается массовый критицизм горнозаводского населения Урала. Он выражался в различных формах: сквернословие в адрес царя и правительства; надругательство над портретом царя; публичное оскорбление служителей церкви; «рассуждения и толки противоправительственного содержания», в которых преобладали такие темы: царь — вор, царские порядки устарели, царя надо убить, потому что он приказал стрелять в безоружный народ, скоро будет бунт, скоро будет свобода.

В политических разговорах были каламбуры, остроты, пародийные высказывания, иронические прозвища, едкие реплики в адрес царя и министров — этот критицизм масс был созвучен критицизму общественно-политической сатиры рабочих. Поражение России в войне с Японией и революционные события 1905 года послужили толчком к появлению революционной сатиры. Вместе с революционными гимнами и маршами, призывающими к свержению царизма, начинают бытовать сатирические песни, пародии, частушки, в кото-

рых Россия рисуется как государство с пошатнувшимися устоями, лишенное конституционных свобод, возглавляемое недалеким царем. С еще большей наглядностью сатирический образ России, царя, царского правительства изображается в карикатурах и других гротескных формах. Сатирические песни, частушки, карикатуры выполняли ту же революционно-агитационную функцию, какую выполняли гимны, марши, листовки. В развитии рабочего и, в частности, сатирического фольклора проявился закон возрастания роли народных масс в истории, что выразилось во влиянии рабочих на подпольную, нелегальную и профессиональную литературу и в повышении роли рабочего фольклора в самой народной культуре: шло художественное освоение новых сфер действительности, возникало идейно-тематическое многообразие, общественно-политическая новизна, усиливалось воздействие на духовную жизнь общества.

В целом сатирический и юмористический фольклор имеет преимущественно локальный, даже узколокальный характер. Артельное, цеховое, заводское, поселковое, вообще локально-производственное, локально-социальное, локально-бытовое было основным предметом осмеяния в рабочей среде вплоть до начала пролетарского периода, хотя и в дальнейшем оно, конечно, остается рядом с появившейся революционной сатирой в адрес царя, самодержавия, врагов рабочего движения. В этом сопряжении местного, общероссийского, иногда даже международного — особенность революционной рабочей сатиры.

Можно вспомнить «рабочих сатириков страны» — так называли в советское время, в 20—30-е годы, создателей «устных газет», «синелузников-профсоюзников», которые, поддерживаемые партийной и общественными организациями, в броской сатирической форме бичевали, с одной стороны, мировой капитал, врагов международного рабочего движения, а с другой, высмеивали негативные явления в своем пехе, заводе, поселке, городе. Сопряженность международной и местной, узколокальной тематики у «синелузников» — это, по сути дела, продолжение традиции, которая возникла в рабочей сатире в начале XX века.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО: Вводный очерк	10
Глава I. СЛЕДЫ СКОМОРОШЕСТВА И ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ КОМИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	28
Глава II. ЮМОР И ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ	65
§ 1. Юмористические песни, «наговоры», присловья в трудовом процессе (спилка и сплав железных караванов)	65
§ 2. Отражение культа физической силы в устных юмористических рассказах	79
§ 3. Типы заводских юмористов и основные темы их творчества	87
Глава III. ТРАДИЦИИ ПУБЛИЧНОГО ОСМЕЯНИЯ В ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧИХ	101
§ 1. Обычай шутить над новичком как форма реализации воспитательной функции рабочего коллектива	101
§ 2. Обычай публичного осмеяния заводской администрации как форма социального протеста рабочих в конце XIX — начале XX века	107
§ 3. Традиции народного озорничества в стихийном протесте и революционной работе заводской молодежи	119
Глава IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ САТИРА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195

Валентин Владимирович Блажес
САТИРА И ЮМОР В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ФОЛЬКЛОРЕ
РАБОЧИХ УРАЛА

ИБ № 186

Редактор Н. М. Юркова
Технический редактор Т. Д. Рязанова
Корректоры А. В. Данилова, Т. А. Мурычева

Сдано в набор 26.06.87. Подписано в печать 2.12.87. НС 15543. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага писчая № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,85.
Усл. кр.-отт. 11,85. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 1457. Цена 2 руб.

Издательство Уральского университета, 620219, Свердловск, ГСП—830,
просп. Ленина, 136.

Межвузовская типография. 426037, г. Ижевск, ул. Удмуртская, д. 237.

В 1988 году в Издательстве Уральского университета выходит в свет

Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 7.
Объем 12 п. л. Цена 65 к.

Содержит диалектную среднеуральскую лексику от Ф до Я. Том завершает полное собрание лексики говоров Среднего Урала.

Для специалистов по диалектологии, учителей средних школ, краеведов.

Заявки направлять по адресу:
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 13б,
Издательство Уральского университета